

ISSN 2219-6048 (ONLINE)

2026

Том 18 3

Историческая

и социально-образовательная мысль

HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATIONAL IDEAS

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 18 № 3 2026

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Н.Ф. Бугай

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 18 # 3 2026

Editor-in-Chief:

N.F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

Deputy Editor-in-Chief -

Scientific Editor:
T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

***Editor for the
English Version:***

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-Educational
Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-
Sector Academy of Vocational
Training and Upgrading and
Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region
College for the Humanities and
Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- Отечественная история;
- Всеобщая история;
- История международных отношений и внешней политики;
- Социальная структура, социальные институты и процессы;
- Социология культуры, духовной жизни;
- Общая педагогика, история педагогики и образования;
- Теория и методика обучения и воспитания;
- Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- Russian History;
- World History;
- History of International Relations and Foreign Policy;
- Structure, Social Institutions and Processes;
- Sociology of Culture, Spiritual Life;
- General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- Theory and Methods of Training and Education;
- Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 0000-0002-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва, Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович – заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар, Россия

Редакционная коллегия

Состав редакционной коллегии по историческим наукам

Акоева Наталья Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор Краснодарского государственного института культуры,

г. Краснодар, Россия

ORCID iD: 0000-0002-2124-1343

Scopus Author ID: 57201316433

Ващук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток, Россия

Виноградов Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, Отдел истории античной культуры, Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук,

Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4447-5679

SPIN-код: 4784-1491, AuthorID: 184654

Вэйюнь Ма – доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID iD: 0000-0002-0769-7766

Харбин, Китай

Дударенок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, Ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-6644-2421

Scopus Author ID: 57449559200

ResearcherID AAA-9775-2020

Владивосток, Россия

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург, Россия

Сактаганова Зауреж Галимжановна – доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Караганда, Республика Казахстан.

Штурба Евгений Викторович – доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

ORCID iD: 0000-0001-7919-1556

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

ORCID iD: 0000-0001-8458-2447

Scopus Author ID: 53868717600

Ереван, Армения

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

ORCID iD: 0000-0003-0045-7468

Scopus Author ID: 56584492400

Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)

ORCID iD: 0000-0002-2909-9513

Тамбов, Россия

Догнал Йосеф — доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)

ORCID iD: 0000-0002-0763-5784

ScopusID: 55542765600

Брно, Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич — доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0002-9844-1802

ScopusID: 57147373800

Краснодар, Россия

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, социологический факультет. Заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии

Саратов, Россия ([ORCID](#))

Researcherid (Web Of Science) D 6571-2013

Попов Михаил Юрьевич — доктор социологических наук. профессор, профессор кафедры социологии Института экономики, бизнеса и управления Краснодарского государственного технологического университета, главный редактор научных журналов: «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Государство и общество в исследованиях гуманитарных наук», Почетный сотрудник МВД России, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани.

SPIN-код: 1108-0067, AuthorID: 684971

Краснодар, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна — профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.

ORCID iD: 0000-0001-6214-1587

Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
Сан-Франциско, США

Шишкина Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ORCID iD: 0000-0003-3545-398
Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

Блейх Надежда Оскаровна – заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания
ORCID iD: 0000-0002-6715-9185
Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Таганрог, Россия

Дыбовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, почетный профессор Осацкого университета, с 2019 года - приглашенный научный сотрудник кафедры сравнительного изучения языков и культур аспирантуры Осацкого университета (Школа языка и культуры); доцент Дальневосточного федерального университета (кафедра японоведения).
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Токио, Япония – г. Владивосток, Россия

Чекалева Надежда Викторовна – член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, «Омский государственный педагогический университет», директор института инновационного и инклюзивного образования
Омск, Россия

Поорова Эдита, доктор – (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID id: 0000-0001-9877-1118
Трнава, Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugai – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
ORCID iD: 0000-0002-8363-1638
Scopus Author ID: 55481483000
Moscow, Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov – Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar, Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Natalya B. Akoeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture
ORCID iD: 0000-0002-2124-1343
Scopus Author ID: 57201316433
Krasnodar, Russia

Angelina S. Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
Vladivostok, Russia

Yurii A. Vinogradov, doctor of historical sciences, professor, Department of Ancient Cultural History, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
SPIN-код: 4784-1491, AuthorID: 184654
St. Petersburg, Russia

Ma Weiyun – Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council
ORCID ID: 0000-0002-0769-7766
Harbin, China

Svetlana M. Dudarenok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Department of Socio-Political Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0002-6644-2421
Scopus Author ID: 57449559200
Researcher ID AAA-9775-2020
Vladivostok, Russia

Sergei A. Nefedov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0003-0136-5020
Scopus Author ID: 40861593700
Researcher ID: Q-1642-2015
Yekaterinburg, Russia

Zauresh G. Saktaganova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E.A. Bunetov, Director of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.
ORCID iD: 0000-0002-8678-3629
Karaganda, Republic of Kazakhstan.

Evgeny V. Sturba – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
Kuban State University
ORCID iD: 0000-0001-7919-1556
Краснодар, Россия

.

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Researcher ID: AAZ-9173-2021
Yerevan, Armenia

Anna V. Vereshchagina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

ORCID iD: 0000-0003-0045-7468

Scopus Author ID: 56584492400

Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Guzenina – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)

ORCID iD: 0000-0002-2909-9513

Tambov, Russia

Josef Dohnal – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);

Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University

ORCID iD: 0000-0002-0763-5784

ScopusID: 55542765600

Brno, Czech Republic

Valery Kasyanov – Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University

ORCID iD: 0000-0002-9844-1802

ScopusID: 57147373800

Krasnodar, Russia

Dmitry V. Pokatov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of History, Theory and Applied Sociology, Saratov State University, Faculty of Sociology, Head of the Department of History, Theory and Applied Sociology

Saravov, Russia (ORCID)

Researcherid (Web Of Science) D 6571-2013

Popov Mikhail Yurievich – Doctor of Sociology. Professor, Department of Sociology, Institute of Economics, Business and Management, Krasnodar State Technological University, Editor-in-Chief of scientific journals: «Humanities, Socio-Economic and Social Sciences», «State and Society in Humanities Studies», honored worker of Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored employee of the internal Affairs of Kuban.

Krasnodar, Russia

Marina V. Sukhomlinova – Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.

ORCID iD: 0000-0001-6214-1587

Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University

ORCID iD: 0000-0003-0011-2339

ScopusID: 7102020604

San Francisco, USA

Olga E. Shishkina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University

ORCID iD: 0000-0003-3545-3985

Vladivostok, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University

Krasnodar, Russia

Nadezhda Os. Blaikh – Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

ORCID 0000-0002-6715-9185

Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)

ORCID iD: 0000-0003-4866-1222

Taganrog, Russia

Alexander S. Dybovsky – Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2022, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School; Assistant Professor at the Far Eastern Federal University

ORCID iD: 0000-0001-6236-0886

Tokyo, Japan – Vladivostok, Russia

Nadejda V. Chekaleva – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education

Omsk, Russia

Edita Poorova – Ph.D. (Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID: 0000-0001 - 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович – академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва, Россия

Икэда Ёсиро – доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио, Япония

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону, Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток, Россия

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Байрактар Расим — доктор социологии, профессор, кафедра социологии религии. Факультет теологии. Гиресунский университет.
<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>
Гиресун, Турция

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна — доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
ScopusID: 8870184100
Тель-Ави, Израиль

Гомулка Кристина — доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Гданьск. Польша

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия.

Латипова Нодира Мухтаржановна — профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана
Ташкент, Узбекистан

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет
ORCID: 0000-0002-4613-4966
ResearcherID (WoS): G-3165-2014
Scopus Author ID: 14007606700
Барнаул, Россия

Песцов Сергей Константинович — доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Владивосток, Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна — доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"
Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID: 56530681200
Краснодар, Россия

Грушевский Сергей Павлович — доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0002-7263-4673
Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна — член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Researcher ID WoS – AAX-6958-2020
ORCID iD: 0000-0001-7602-236X
Самар, Россия

Спалбер Диана — доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus Author ID: 57194034492
Генуя, Италия

Чепель Татьяна Леонидовна – действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

ScopusID: 57191886265

Новосибирск, Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for Historical Sciences

Apollon B. Davidson – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Yoshiro Ikeda – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo

ORCID iD: 0000-0002-0476-6658

ScopusID: 57161830600

Tokyo, Japan

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ORCID iD: 0000-0003-2264-8636

Rostov-on-Don, Russia

Victor L. Larin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

ScopusID: 57192267254

Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.

Nalchik, Russia

Konstantin A. Solovev – doctor of historical sciences, professor, Department of History of State and Munitions, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Rasim Bayraktar – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology of Religion, Faculty of Theology, Giresun University
ORCID iD: 0000-0002-7576-8183
Giresun, Turkey

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky – Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv, Israel

Krystyna Gomolka – Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk, Poland

Marina E. Elyutina, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Social Work, N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University, Saratov, Russia

Nodira M. Latipova – Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work. Tashkent, Uzbekistan

Svetlana G. Maximova – Doctor of sociology, Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, ResearcherID (WoS): G-3165-2014
Scopus Author ID: 14007606700
Barnaul, Russia

Sergey K. Pestsov – nal Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok, Russia

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek, Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova – Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

ORCID iD: 0000-0003-0705-7985

ScopusID: 56530681200

Krasnodar, Russia

Sergey P. Grushevsky – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University

ORCID iD: 0000-0002-7263-4673

Krasnodar, Russia

Oksana K. Pozdnyakova – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University

Researcher ID WoS – AAX-6958-2020

ORCID iD: 0000-0001-7602-236X

Samara, Russia.

Diana Spulber – Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome

ORCID iD: 0000-0001-7395-986X

Scopus ID: 57194034492

Genoa, Italy

Tatyana L. Chepel – Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

Scopus ID: 57191886265

Novosibirsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Отечественная история

National History

Бугай Н.Ф. г. Москва, Россия Рамазанова Д.Ш. г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия Хозяйственные и политические кампании в республиках Закавказья СССР в годы третьей – пятой пятилеток: переселения в документах высших органов партийной и государственной власти (часть 1. Акту- альность проблемы, обзор источников и литературы	20	N.F. Bugai Moscow, Russia D.Sh. Ramazanova Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia Economic and Political Campaigns in the Republics of the Transcaucasia of the USSR during the third – fifth five-year periods: Resettlement Policies in Documents of the Highest Bodies of Party and State Power (Part I. Relevance of the Problem, Review of Sources and Literature)
Иванцов И.Г. г. Краснодар, Россия Проверка лояльности партии – перереги- страция членов ВКП(Б) в Брюховецком и Кропоткинском районах Краснодарского края. 1943–1944 гг.	75	I.G. Ivantsov Krasnodar, Russia Verification of the party's loyalty - re- registration of members of the VKP (B) in the Bryukhovetsky and Kropotkinsky dis- tricts of the Krasnodar krai. 1943–1944.
Митрофанов В.В. г. Санкт-Петербург, Россия «... Звание, которым я очень дорожу»: археографическая комиссия в воспоминаниях В. Г. Дружинина	92	V.V. Mitrofanov Saint Petersburg, Russia «... A title that i value very much»: the archae- graphic commission in the memoirs of V. G. Druzhinin
Соловьев К.А. г. Москва, Россия Соотношение репрессивных и символиче- ских инструментов в династической борьбе в России XV в.	132	K.A. Soloviev Moscow, Russia Correlation of repressive and symbolic in- struments in the dynastic struggle in Russia in the 15th century
Харина Н.С., Качин Н.А. Ханты-Мансийск, Россия Коренные народы Обь-Иртышского Севера (территория современного Ханты- Мансийского автономного округа – Югры) в системе государственной национальной политики СССР (1920–1930 гг.)	147	N.S. Kharina, N.A. Kachin Khanty-Mansiysk, Russia The indigenous peoples of the Ob-Irtysh North (the territory of the modern Khanty- Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra) in the system of state national policy of the USSR (1920-1930)

<i>Социальная структура, социальные институты и процессы</i>		<i>Social Structure, Social Institutions and Processes</i>	
Бабич И.Л. г. Москва, Россия		I.L. Babich Moscow, Russia	
Межпоколенный фактор в формировании трудовой миграции (на примере Гусь- Хрустального): взгляд этнографа	172	The intergenerational factor in the formation of labor migration (Gus-Khrustalny as an example): An ethnographer's perspective	
<i>Теория и методика обучения и воспитания</i>		<i>Theory and Methodology of Training and Education</i>	
Гололобова О.А., г. Москва, Россия		O. A. Gololobova, Moscow, Russia	
Филимонова Н.В. г. Ханты-Мансийск Россия		N.V. Filimonova Khanty-Mansiysk, Russia	
Гибридный педагогический дизайн курса делового английского языка для начинаю- щих: опыт Югорского государственного университета г. Ханты-Мансийск Россия	190	Hybrid pedagogical design of a business English course for beginners: the experience of Yugra state university Khanty-Mansiysk, Russia	
<i>Информация для авторов</i>	204	<i>Informations pour les auteurs</i>	

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-20-74

УДК: 930.01

EDN: SFGZZB

Николай Федорович Бугай

Институт российской истории Российской академии наук

г. Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Дильшад Шагидиновна Рамазанова

Дагестанский государственный университет

г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

**ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ
В РЕСПУБЛИКАХ ЗАКАВКАЗЬЯ СССР В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ – ПЯТОЙ
ПЯТИЛЕТОК: ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ ВЫСШИХ ОРГАНОВ
ПАРТИЙНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
(Часть I. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ,
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)¹**

Аннотация. В настоящем исследовании рассмотрены актуальные проблемы, представлен обзор источников и литературы (научные исследования предше-

¹ Идея подготовки и публикации настоящей статьи была высказана сотрудником Посольства Азербайджанской Республики в Российской Федерации Жавидом Ипаевым в ходе визита к главному научному сотруднику Центра «Историческая наука России» ИРИ РАН, профессору Н.Ф. Бугай. Состоялась беседа по проблеме депортаций и принудительного переселения этнических общностей в Союзе ССР в 1940–1950-е годы, в том числе применительно к азербайджанцам, иранцам, туркам-месхетинцам, другим этническим общностям. Ответ подготовлен к публикации д.и.н. Д.Ш. Рамазановой (Дагестанский государственный университет) и д.и.н. Н.Ф. Бугаем. Статья будет опубликована в 4-х частях в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль». 2026, № 3, 4, 5, 6.

ственников), сведения о хозяйственных и политических кампаниях в советских республиках Закавказья (Армянская ССР; Азербайджанская ССР; Грузинская ССР), проводившихся в годы третьей – пятой пятилеток (1938–1955).

Статья подготовлена на основе как ранее опубликованных источников, так и впервые выявленных авторами архивных документов, принадлежащих высшим органам партийной и государственной власти СССР. Раскрыты проводимые в СССР отдельные масштабные по своему влиянию и последствиям хозяйственные и политические кампании по переселению населения. Внимание акцентируется на ходе реализации в регионах Закавказья народно-хозяйственных планов СССР: строительство гидроэлектростанций, ирригационное строительство с целью получения прироста орошаемых земель с их последующим сельскохозяйственным освоением. Обращено внимание на меры по *внутриреспубликанскому* (Арагатская долина Армении, Колхидская низменность, неосвоенные земли Абхазской АССР, Грузии) и *межреспубликанскому переселению колхозников* (из Армении в Кура-Араксинскую низменность Азербайджана; из Грузии в РСФСР, «новый» Ритлябский район Дагестанской АССР).

Рассмотрены также политические кампании: *спецпереселение* армян Крыма, 1944, возвращение контингента армян из зарубежья (*репатриация*) в Советскую Армению (ноябрь 1945 – сентябрь 1948 гг.); *спецпереселение* этнических общностей из республик Закавказья в 1938–1949-е годы. Раскрыта сущность переселений, их причины и направленность.

Ключевые слова: Союз ССР, Армянская ССР, Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, пятилетний план, народное хозяйство, строительство ГЭС, ирригационное строительство, освоение, орошаемые земли, Закавказье

Цитирование: Бугай Н.Ф., Рамазанова Д.Ш., Хозяйственные и политические кампании в республиках Закавказья СССР в годы третьей – пятой пятилеток: переселения в документах высших органов партийной и государственной власти (часть 1. Актуальность проблемы, обзор источников и литературы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Т.18 № 3. С. 20-74 EDN: SFGZZB
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-20-74

Original article

Nikolay F. Bugai

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org./0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Dilshad Sh. Ramazanova

Dagestan State University

Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

**ECONOMIC AND POLITICAL CAMPAIGNS IN THE REPUBLICS
OF THE TRANSCAUCASIA OF THE USSR DURING THE THIRD – FIFTH
FIVE-YEAR PERIODS: RESETTLEMENT POLICIES IN DOCUMENTS
OF THE HIGHEST BODIES OF PARTY AND STATE POWER
(Part I. RELEVANCE OF THE PROBLEM,
REVIEW OF SOURCES AND LITERATURE)**

Abstract. This study considers the relevance of the problem, a review of sources and literature (scientific research of predecessors (1938–1955) in the Soviet republics of Transcaucasia (Armenian SSR; Azerbaijan SSR; Georgian SSR). The article was prepared on the basis of both previously published sources and archival documents first identified by the authors belonging to the highest bodies of party and state power of the USSR. Separate economic and political campaigns for the resettlement of the population, large-scale in their influence and consequences, are disclosed in the USSR. Attention is focused on the implementation of the national economic plans of the USSR in the regions of Transcaucasia: the construction of hydroelectric power plants, irrigation construction in order to obtain an increase in irrigated land, with their subsequent agricultural development. Attention was paid to measures for intra-republican (Ararat Valley of Armenia, Kolkhida Lowland, undeveloped lands of the Abkhaz ASSR of Georgia) and inter-republican resettlement of collective farmers (from Armenia to the Kura-Araks lowland of Azerbaijan; from Georgia to the RSFSR, the “new” Ritlyabsky area of the Dagestan ASSR). Political campaigns (special resettlement of Armenians of Crimea, 1944), the return of a contingent of Armenians from Abroad (repatriation) to Soviet Armenia (November 1945 – September 1948) were also considered; special resettlement of ethnic communities from the republics of Transcaucasia in 1938–1949. The essence of the resettlement, their causes and orientation are revealed.

Keywords: Union SSR, Armenian SSR, Azerbaijan SSR, Georgian SSR, five-year plan, national economy, HPP construction, irrigation construction, development, irrigated lands, Transcaucasia.

For citation: Bugai N.F., Ramazanova D.Sh. Economic and Political Campaigns in the Republics of the Transcaucasia of the USSR during the third – fifth five-year periods: *Resettlement Policies* in Documents of the Highest Bodies of Party and State

Power (Part I. Relevance of the Problem, Review of Sources and Literature).
Historical and Socio-Educational Idea. 2026. Vol. 18. № 1 P. 20-74 EDN: SFGZZB
DOI: 117748/2219-6048-2026-18-3-20-74

Введение. Обращение к данной теме вызвано актуализировавшейся в последние годы дискуссией по проблеме так называемых депортаций, принудительных переселений по этническому признаку. Причем под данное определение отдельными исследователями подводятся и состоявшиеся в советский период переселения по народно-хозяйственному плану. Это касалось прежде всего колхозников и имело целью *хозяйственное освоение территорий*, в том числе «вновь осваиваемых поливных земель» в районах Закавказья, Средней Азии и других регионах СССР, а также в «новых районах», опустевших после спецпереселений отдельных этнических общностей в годы репрессий. Согласно постановлениям (распоряжениям) Совета Народных Комиссаров СССР, такого рода переселения предполагали «добровольность», но, как правило, на местах проводились партийными и советскими органами в административно-плановом порядке.

Например, переселение колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР в 1948–1953 гг. названо «принудительной депортацией» азербайджанцев, проведенной «исключительно по этническому признаку» [1, с. 121], с акцентированием внимания на «политической подоплеке этих событий», во взаимосвязи с вопросом расселения армян-репатриантов. Хотя известно, что кампания по репатриации армян из-за рубежа в Советскую Армению была объявлена руководством СССР двумя годами ранее – в ноябре 1945 г., а фактически проводилась с 1946 г. по сентябрь 1948 г. [2, с. 272]. При этом в принимавшихся правительством СССР решениях (1945–1946, 1948 и 1952 гг.) обращает на себя внимание акцент на *строительстве индивидуального жилья для армян-репатриантов* (здесь и далее по тексту курсив наш. – Авт.).

Постановлением СНК СССР № 2947 «О мероприятиях по возвращению армян из-за границы в Советскую Армению» (21.11.1945 г.) Совнаркому Армянской ССР было поручено «*обеспечить индивидуальное жилищное строительство армян, возвращающихся на родину, государственным кредитом в размере 50% стоимости жилого дома*» [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.266. Л.355]. Из постановления Совета Министров СССР «О льготах по ссудам Цескомбанка и Сельхозбанка, выданным на индивидуальное жилищное строительство возвратившимся в Армянскую ССР зарубежным армянам» (02.01.1952 г. № 4) следует, что «Совет Министров Армянской ССР не полностью выполнил постановление от 21 июня 1946 г. № 1295 «О мероприятиях по подготовке к приему и устройству

зарубежных армян в Армянской ССР», в результате чего *строительство индивидуальных жилых домов для репатриированных армян* осуществлялось крайне неудовлетворительно <...> фактическая стоимость домов в количестве трех тысяч, строительство которых закончено в 1946–1948 гг., не превышает в среднем 30% суммы средств, выданных на их строительство. *Строительство около 1000 домов до настоящего времени не закончено. Возврат выданных ссуд на индивидуальное жилищное строительство не обеспечен, просроченная задолженность на 1 декабря 1951 г. составляла свыше 20 млн рублей...* [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.494. Л.14]. Как явствует из документов, для размещения армян не предполагалось выселять азербайджанское или иное население из Армении.

Анализ содержания постановлений Совета Министров СССР по проблеме показывает, что, по факту, *единственный в его решениях* связующий аспект двух переселенческих процессов тех лет в Советской Армении – 1) репатриации армян в республику из-за границы и 2) переселения из этой республики азербайджанцев в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР – это пункт 11 постановления СНК СССР от 23 декабря 1947 г. № 4083 «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». Читаем: «11. Разрешить Совету Министров Армянской ССР освобождаемые азербайджанским населением постройки и жилые дома в связи с переселением их в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР использовать для расселения зарубежных армян, прибывающих в Армянскую ССР» [ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 319. Л. 29].

Однако в современной научной дискуссии по проблеме именно он стал «опорным» в аргументах тех исследователей, которые освещают событие переселения азербайджанцев из Армении как «этническую депортацию», связанную с репатриацией армян в эту республику. Но по содержанию пункта 11 просматривается установка высшей исполнительной власти Союза ССР на оптимизацию расходов по этим двум переселенческим кампаниям в Армении.

Тем более что в текстах документов, изданных в период с 21 ноября 1945 г. до 2 апреля 1954 г., выявленных в архивном фонде ГА РФ, в частности постановлений Совета Министров СССР конкретно по вопросу репатриации армян, их обустройству в Армении, не содержится пунктов, указывающих на необходимость размещения репатриированных армян на землях и в домах, освобождаемых азербайджанцами, переселявшимися в Азербайджанскую ССР.

Тем не менее азербайджанские историки при оценке события переселения их соотечественников из Советской Армении в Азербайджан активно используют термины «депортация» и «геноцид» [3–12]. По нашему мнению, термин «депортация» вообще неприменим. Эта политика проводилась в масштабе одного государства – Союза ССР.

Доктор исторических наук А. Пашаев применяет термин «геноцид» азербайджанцев. При этом (со ссылкой на документ из фондов Госархива Азербай-

джанской Республики) он же одновременно сообщает и *о самовольно переселившихся* из Армении азербайджанских семьях. А. Пашаев пишет: «Первые переселенцы из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность прибывают в начале июня 1948 года» [10, с. 80], и уже «к 1 ноября 1948 г. из Армянской ССР в Азербайджанскую ССР были переселены 1799 хозяйств, объединивших 7747 человек. *В этот же период из Армянской ССР в Азербайджан самовольно переселилось 429 семей, 2228 человек* (курсив наш. Авт.). Таким образом, на 1 ноября 1948 г. в Азербайджан прибыло 10 584 человека, объединенных в 2228 хозяйствах» [10, с. 81]. Далее А. Пашаев отмечает, что «*за период 1948–1950 гг. более 1000 хозяйств азербайджанских семей самовольно покинули Армянскую ССР, оставив общественное имущество, переселились в различные районы Азербайджана*» [10, с. 90–91].

Если провести параллель между двумя событиями – переселением азербайджанцев из Армении и репатриацией армян в эту республику *по состоянию на осень 1948 г.*, то объективно (по опубликованным архивным документам) перед нами предстает следующая картина: репатриация армян в Армянскую ССР была прекращена 14 сентября 1948 г., а в Азербайджанскую ССР по данным на 1 ноября 1948 г. прибыла только 1/10 часть азербайджанских переселенцев из запланированных 100 тыс., причем *часть из них переселилась самовольно*.

Имело место также и *возвращение азербайджанцев в Армянскую ССР*. Об этом в работе А. Пашаева читаем: «До 1 июня 1951 г. вернулось 217 хозяйств (872 чел.). <...> В 1953 г. темпы переселения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность после смерти Сталина снизились. Пошел обратный процесс. Переселившееся в Азербайджан население возвращалось обратно. В 1954 г. процесс этот еще больше усилился» [10, с. 90–91]. Азербайджанский исследователь А. Гурбанлы отмечает, что «число вернувшихся обратно колеблется между 15–17 000 (пятнадцатью и семнадцатью тысячами)» [6, с. 4]. В этой связи возникает резонный вопрос: можно ли назвать происходившее «геноцидом»?

Методы. Настоящее исследование базируется на основополагающих принципах исторической науки – объективности, историзма, системного подхода; в нем применялись проблемно-хронологический, историко-системный, синхронический методы. Синхронический метод позволяет установить связи и взаимосвязи между явлениями и процессами, протекающими в одно и то же время в разных местах. В ходе исследования был проведен анализ архивных документов по проблеме, тщательно изучен и учтен контекст, в котором они были созданы, подтверждена их достоверность. Такой подход позволяет исключить ошибочные интерпретации событий и создать более точное представление о прошлом.

Особое внимание было уделено анализу ключевых дефиниций по проблеме на предмет правомерности их применения современными исследователями к конкретным событиям переселений в Закавказье (возвращение зарубежных армян в Армянскую ССР, переселение азербайджанцев из данной союзной респуб-

лики), как-то: репатриация, «депортация», принудительные переселения (спецпереселения), административно-плановые («из экономической целесообразности»), сельскохозяйственные переселения и др. В этой связи обращает на себя внимание неправомерность применения термина «депортация» к переселениям, осуществлявшимся в границах одного государства (СССР). Если жителей переселяли на территории одного государства, то, несомненно, фактор депортации здесь ни при чем.

Обсуждение. Большинство историков, исследующих проблему, не принимают во внимание причины социально-экономического характера, которые очевидны, если изучать данное переселение комплексно с учетом других директив руководства СССР, направленных для решения народно-хозяйственных задач в Закавказье: Араратской долине Армянской ССР, Колхидской низменности Грузинской ССР и на неосвоенных землях Абхазской АССР, а также в Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР.

Относительно последней – конкретно, с учетом Резолюции XVIII съезда ВКП(б) от 20 марта 1939 г. об утверждении третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.), куда было включено строительство Мингечаурской ГЭС и оросительной системы в Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР; постановлений Совета Народных Комиссаров СССР, направленных на реализацию мероприятий по строительству Мингечаурского гидроузла, ирригационному строительству и сельскохозяйственному освоению орошаемых земель в Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР и связанных с переселенческой политикой советской власти, в том числе: «О возобновлении строительства Мингечаурского гидроузла и орошении Кура-Араксинской низменности» (6.07.1945 г. № 1619) [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.257]; «О мероприятиях по строительству оросительных систем и сельскохозяйственному освоению орошаемых земель Кура-Араксинской низменности в Азербайджанской ССР (20.10.1945 г. № 2664) [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.264. Л.89–106]; «О мерах помощи строительству Мингечаурского гидроузла в Азербайджанской ССР» (13.11.1945 г. № 2884) [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.266. Л.124–132]; Закона СССР от 18 марта 1946 г. «Об основных задачах пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» (раздел IV. План восстановления и развития народного хозяйства союзных республик. *По Азербайджанской Советской Социалистической Республике*); а также директив по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг., принятых XIX съездом КПСС 10 октября 1952 г., и другие.

Их изучение позволяет признать, что все-таки переселение азербайджанцев из Армянской ССР следует рассматривать как меру, проводимую в целях решения народно-хозяйственных задач: сельскохозяйственного освоения орошаемых земель в Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР, вводимых в сельхозоборот в связи со строительством «Мингечаурского комплекса» –

мощной одноименной ГЭС и оросительных систем в данной низменности. Здесь важно отметить и то, что в выполнении программы развития хлопководства в СССР большая ответственность ложилась на Узбекскую и Азербайджанскую ССР, как хлопковые базы страны. Для обеспечения развития хлопководства в Азербайджане осуществлялись большие ирригационные работы, в результате чего до 1938 г. в республике уже был получен прирост посевных площадей в 222,6 тыс. га, из которых 158,9 тыс. га – за годы первой и второй пятилетки [13, с. 10].

В дальнейшем для претворения в жизнь амбициозных планов третьей – пятой пятилеток требовался рабочий ресурс. Перед государством стояла масштабная задача: обеспечить трудовыми ресурсами строительство Мингечаурской ГЭС (для этого решено было привлечь 10 тысяч военнопленных, пригодных к тяжелому физическому труду) [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.266. Л.125], строительство оросительной системы и сельскохозяйственное освоение новых орошаемых земель на Кура-Араксинской низменности, дальнейшее преобразование сфер экономики на социалистических началах (коллективизация, индустриализация и т.д.). Из документов очевидно, что руководство страны отдавало себе отчет, какими сложными были условия в этом регионе, и компенсировало это льготами. Так, в постановлении Совнаркома Союза ССР «О мероприятиях по строительству оросительных систем и сельскохозяйственному освоению орошаемых земель Кура-Араксинской низменности в Азербайджанской ССР» (20.10.1945 г. № 2664) прямо отмечается: *«В связи с тяжелыми климатическими условиями и сильным распространением малярии в Кура-Араксинской низменности установить коэффициент 1,2 к основным ставкам заработной платы рабочих Управления "Кура-Араксводстрой" конторы "Азводпроиз" и Управления по освоению орошаемых земель в Кура-Араксинской низменности...»* [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.264. Л.99]. В постановлении обозначены и многие другие льготы для тех, кто был занят в этой местности решением поставленных задач по строительству оросительных систем и сельхозосвоению орошаемых земель.

И в этой связи также возникает резонный вопрос: а кого же, как не самих азербайджанцев, нужно было вовлечь в процесс на этапе сельскохозяйственного освоения орошаемых земель Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР? Если бы на данную территорию переселили хозяйства колхозников из соседних (южно- и северокавказских) субъектов СССР с трудоизбыточным населением, то есть из числа других этнических общностей Кавказа, то сегодня, в условиях современности, такое событие наверняка бы интерпретировалось отдельными исследователями как попытка присвоения (отъема) «этнической территории» азербайджанцев.

Кроме того, нужно понимать, что в соседних республиках (Араратская долина Армянской и Колхидская низменность Грузинской ССР, Абхазская и Дагестанская АССР) также имелись неосвоенные земли в равнинной (как правило,

заболоченной) части, куда в рамках переселенческой политики советской власти согласно плану переселялись хозяйства из горных районов.

Так, в Дагестанской АССР отставание в развитии сельского хозяйства и причины плановых переселений колхозников объяснялись главным образом диспропорцией в размещении производительных сил в республике: в горных районах имелся значительный избыток рабочих рук, вызванный их малоземельем, а в колхозах равнинных районов, занимающихся наряду с выращиванием зерновых возделыванием и более трудоемких культур (овощи, виноград, сады, хлопок и др.), постоянно ощущалась нехватка рабочей силы. Власти констатировали, что «перенаселенность гор и экономическая необеспеченность горных колхозов настоятельно требовали переселения части населения горных районов» [ЦГА РД Ф.р-168. Оп.22. Д.99. Л.31–35]. Расселение хозяйств на плоскости решало проблему вовлечения в хозяйственный оборот *залежных, целинных земель*: 5 октября 1957 г. было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О крупных недостатках в использовании земель в колхозах и совхозах РСФСР». Руководство ДАССР в информации «О принятых мерах по устранению недостатков в землепользовании колхозов и совхозов республики» сообщало о «значительных недостатках, имевших место в использовании пахотных земель (*рост залежных земель, перелогов, затопление, заболачивание, закустаривание земель*) по республике, и их частичной ликвидации путем отвода неиспользуемых многоземельными колхозами земель под переселение и доприселение колхозников из Чечено-Ингушской АССР в ДАССР...» [ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.2. Д.1176. Л.259–260].

Другой вопрос, что государство часто из соображений «экономической целесообразности» в ряде случаев применяло меры принуждения в отношении переселенцев. Например, в отношении тех, кто направлялся в «новые районы», освободившиеся после спецпереселений репрессированных этнических общностей. При этом в отношении «возвращенцев» в районы выхода применялись меры административного воздействия (задержание и водворение в места вселения) [14; 15; 16, с. 119–121, 145–146].

Тем не менее проводившиеся советской властью переселения в целях освоения «новых поливных земель в районах Закавказья», а также переселения колхозников «в новые районы» никак нельзя назвать «депортацией по этническому признаку» – их целью не являлось наказание народа. В конкретном случае это *сельскохозяйственные переселения*. Тем более, что часть азербайджанских переселенцев в Кура-Араксинскую низменность вскоре самовольно вернулась в Советскую Армению, и как отмечалось, «число вернувшихся обратно колебалось между 15–17 000 (пятнадцатью и семнадцатью тысячами)» [6, с. 4]. И в данном конкретном случае возвращения переселенцев советская власть не применила к ним какие-либо меры воздействия.

Наказание народов в 1930-е – начале 1950-х годов происходило несколько по другому «сценарию»: целые этнические общности подверглись репрессивно-му воздействию со стороны государства, были выселены со своих территорий *принудительно* (спецпереселения, «операции по выселению» в сопровождении соединений и частей войск НКВД, оперативных работников НКВД – НКГБ и СМЕРШ НКО), погружены в железнодорожные эшелоны и отправлены к местам «обязательного и постоянного поселения», как правило в отдаленные восточные районы СССР. Их проживание в местах поселения регулировалось специальным постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом положении спецпоселенцев». Им определялось положение спецпереселенцев, они не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке.

В последующем положение спецпоселенцев стало еще тяжелее: 26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В документе читаем: «В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других, а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольной выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ».

По проблеме политических репрессий и спецпереселений этнических обществ Союза ССР много и подробно написано в трудах отечественных и зарубежных исследователей, опубликованы архивные документы, сформирована обширная источниковая база и историография. Практически в каждом отдельном случае проанализирован причинно-следственный ряд и сделаны обобщающие выводы, историческая литература по проблеме доступна широкому кругу читателей.

Вместе с тем в СССР при реализации масштабных народно-хозяйственных задач по преобразованию сфер экономики, строившейся на социалистических принципах (коллективизация, индустриализация, электрификация с акцентом на строительство малых, средних электростанций и мощных гидроэлектростанций (ГЭС), строительство оросительных систем, последующее сельскохозяйственное освоение орошаемых земель и мн. др.), требовавших привле-

чения трудовых ресурсов, также постоянно осуществлялись переселения разных категорий населения.

Одновременно советское государство шло на жесткие меры, чтобы предупредить отток рабочей силы. Так, например, был введен запрет на самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое – согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (от 26.06.1940 г.).

Особое внимание уделялось решению проблемы с трудовыми ресурсами по обеспечению масштабных строек на территории огромной страны. Задача дальнейшего расширения и успешного развития промышленности требовала постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. В этих условиях перед государством остро стоял вопрос об организованной подготовке новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создании необходимых трудовых резервов для промышленности.

В целях создания государственных трудовых резервов для промышленности Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О государственных трудовых резервах СССР» (от 02.10.1940 г.), согласно которому признавалось «необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в Ремесленных Училищах, Железнодорожных Училищах и в школах Фабрично-Заводского Обучения» [17, с. 774–775]. Учащиеся в период обучения находились на полном иждивении государства. Государственные резервы рабочей силы пребывали в непосредственном распоряжении Совета Народных Комиссаров СССР и не могли быть используемы наркоматами и предприятиями без разрешения Правительства. Совету Народных Комиссаров СССР также было предоставлено «право ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тысяч до 1 миллиона человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет для обучения в Ремесленных и Железнодорожных Училищах, в возрасте 16-17 лет для обучения в школах Фабрично-Заводского Обучения» [17, с. 371, 373]. Такой порядок имел место вплоть до выхода Указа Верховного Совета СССР «Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища» (от 18.03.1955 г.) [18, с. 371].

Кроме того, в соответствии со ст. 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» все лица, окончившие ремесленные, железнодорожные, горнопромышленные и специальные училища, школы фабрично-заводского обучения и горнопромышленные школы, считались мобилизованными и обязались проработать 4 года подряд на

государственных предприятиях и строительствах по указанию Главного Управления Трудовых Резервов при Совете Народных Комиссаров СССР с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях. В течение указанного срока эти лица состояли на персональном учете государственных трудовых резервов на предприятиях и строительствах, куда они были направлены для работы.

В этот же день, 2 октября 1940 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «О государственных трудовых резервах СССР» СНК СССР было принято еще два постановления:

– «Об образовании Главного управления трудовых резервов при Совнаркоме СССР» для руководства подготовкой и распределением государственных трудовых резервов для промышленности и транспорта. В областях, краях и республиках были созданы областные, краевые, республиканские управления трудовых резервов, а в Москве и Ленинграде – городские управления трудовых резервов, с подчинением их Главному управлению трудовых резервов при Совнаркоме СССР;

– «О призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения», в соответствии с которым Президиум ВС СССР обязал «Главное Управление Трудовых Резервов при Совнаркоме СССР принять в период с 10 по 25 ноября 1940 г. как путем призыва (мобилизации), так и путем открытого (добровольного) набора в Ремесленные Училища и Железнодорожные Училища 350 000 человек и в школы Фабрично-Заводского Обучения – 250 000 человек из числа городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет в Ремесленные и Железнодорожные Училища и в возрасте 16-17 лет в школы Фабрично-Заводского Обучения» [17, с. 774–777; 19, с. 840–843]. С июля 1941 г. учебно-производственная деятельность училищ и школ ФЗО была переключена на выполнение оборонных заказов. А спустя еще девять лет, 6 августа 1949 г., распоряжением Совета Министров СССР № 12411р была также утверждена «Инструкция о порядке направления на работу и учета государственных трудовых резервов».

Вот таким был фон обсуждаемых событий в стране в исследуемый период. О какой «добровольности» вообще может идти речь в таких условиях?

Важно подчеркнуть, что подготовка и перераспределение трудовых ресурсов для строительства, промышленности и сельского хозяйства в масштабах всей страны проводились под контролем и в первую очередь в интересах государства, из соображений «экономической целесообразности» в рамках выполнения планов пятилеток, ежегодных государственных планов развития народного хозяйства СССР, утверждавшихся постановлениями Совнаркома СССР, а также переселенческой политики советской власти.

В этой связи отдельное внимание к себе привлекают переселения, связанные с перераспределением трудовых ресурсов *для сельского хозяйства*. Они проводились по народнохозяйственным планам в формате межреспубликанских (межобластных), внутриреспубликанских (внутриобластных), межрайонных (внутрирайонных) *сельхозпереселений*, в рамках сельскохозяйственного освоения новых земель, мобилизации рабочей силы для сельского хозяйства. По количеству перемещенных граждан они не уступают спецпереселениям.

С формулировкой «в целях дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов» или «переселить на добровольных началах» в исследуемый период был принят целый ряд постановлений Совета Народных Комиссаров СССР: «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР» (совместное с ЦК ВКП(б), 25.04.1940 г. № 617) [20, с. 338–351]; «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства и в особенности технических культур в южных областях Казахской ССР» (совместное с ЦК ВКП(б), 26.04.1940 г. № 679) [20, с. 352–362]; «О мероприятиях по развитию плодово-виноградных насаждений и технических культур в Армянской ССР» (совместное с ЦК ВКП(б), 07.09.1940 г. № 1655) [19, № 23, с. 774–788]; «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства и в особенности технических культур в Киргизской ССР» (совместное с ЦК ВКП(б), 07.09.1940 г. № 1655) [19, № 23, с. 788–802]; «О переселении и доприселении колхозных хозяйств Дагестанской АССР в Азербайджанскую ССР и Грузинскую ССР» (03.10.1940 г. № 1862) [21, с. 221]; «О переселении колхозников и другого населения в Южно-Сахалинскую область в 1946 году» (07.04.1946 г. № 776); «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области» (09.07.1946 г. № 1522); «О переселении колхозников и другого населения в колхозы и совхозы Калининградской области» (21.07.1947 г. № 2604); «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» (23.12.1947 г. № 4083); «О переселении колхозников в Туркменской ССР» (16.01.1948 г. № 92); «О переселении колхозников в колхозы пригородных районов Ленинградской области» (27.01.1948 г. № 155); «О переселении 1100 семей из Николаевской области и 34 семей из Днепропетровской области в Еврейскую автономную область» (06.03.1948 г. № 689); «О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» (10.03.1948 г. № 754); «О дальнейшем переселении колхозников и другого населения в колхозы и совхозы Калининградской области» (20.09.1948 г. № 3545); «О переселении колхозников в Читинскую область» (30.06.1949 г. № 2865); «О переселении колхозников в Молотовскую область» (11.07.1949 г. № 3037); «О переселении 600 семей колхозников в Красноярский край» (28.08.1949 г. № 3620); «О переселении в

колхозы Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР» (06.09.1950 г. № 3850); «О мерах по подъему сельского хозяйства Дагестанской АССР» (10.01.1951 г.) [22, с. 23–24] и мн. др.

Масштабные мероприятия по переселениям «семей колхозников и другого населения» предусматривались в Казахской, Киргизской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской ССР, Калининградской области. Среди них:

- *внутриреспубликанское переселение* в 1940–1945 гг. в южные области Казахской ССР 42 тысяч хозяйств колхозников «для освоения вновь орошаемых земель на площади 185 тыс. га»;

- *межреспубликанское и внутриреспубликанское сельскохозяйственное переселение* в 1940–1945 гг. 25 тыс. хозяйств в Киргизской ССР, в том числе из малоземельных районов других республик – 15 тыс. хоз. и в порядке внутриреспубликанского переселения – 10 тыс. хоз. «для освоения прироста вновь орошаемых площадей в 175 тыс. га»;

- *внутриреспубликанское переселение* в 1940–1944 гг. 10 380 хозяйств из малоземельных колхозов горных районов Грузинской ССР, из них в Колхиду – 4976 хоз., в Абхазскую АССР – 5404 хоз. «для освоения осушаемых земель Колхидской низменности и неосвоенных земель Абхазской АССР под чай, цитрусовые и др. культуры, общей площадью 63 000 гектаров»;

- *внутриреспубликанское переселение* в 1940–1944 гг. 9765 хоз. из колхозов горных районов Армении, имеющих избыток рабочей силы, «для освоения вновь орошаемых и осушаемых земель», намеченных «под хлопчатник, плодовые сады и технические культуры»;

- *межобластное, межреспубликанское переселение* 36 тыс. хозяйств «в целях заселения, освоения районов и развития сельского хозяйства» Калининградской области, из них: в августе-октябре 1946 г. – 12 тыс. семей колхозников; 1947–1950 гг. – 20 тыс. семей колхозников и другого населения из областей РСФСР; в марте-апреле 1949 г. и в марте-апреле 1950 г. – 4 тыс. семей колхозников и другого населения из Белорусской ССР (1 тыс. семей) и РСФСР (3 тыс. семей);

- *межреспубликанское переселение в 1948–1950 гг.* на добровольных началах в Кура-Араксинскую низменность в Азербайджанской ССР 100 тыс. колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР, из них: 10 тыс. чел. – в 1948 г., 40 тыс. чел. – в 1949 г. и 50 тыс. чел. – в 1950 году;

- *внутриреспубликанское переселение* в 1948 гг. в Туркменской ССР: 1 тыс. хоз. (межрайонное и внутрирайонное переселение) и сселение 20 тыс. колхозных хуторских хозяйств в колхозные поселки в пределах республики.

Перераспределение трудовых ресурсов для сельского хозяйства, как правило, предполагалось «на добровольных началах» и с распространением на переселенцев действия постановления ЦИК и Совнаркома СССР «О льготах по сельскохозяйственному переселению» (17.11.1937 г. № 115/2043 [21, с. 199–

201]. Переселенцы сталкивались с тяжелыми условиями: отсутствием жилья, питьевой воды и кардинальной сменой климатических условий.

Особняком в ряду «добровольных» стоят переселения колхозников в «новые районы» с целью освоения территорий, освободившихся после спецпереселения «наказанных народов», проведенные властями в административно-плановом порядке согласно постановлениям (распоряжениям) Совета Народных Комиссаров СССР, например: «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР» (09.03.1944 г. № 255-74 сс) [21, с. 238–239; 23]; «О переселении колхозников из горных районов Дагестана на земли, освобожденные после выселения чеченцев из Ауховского района» (распоряжение СНК СССР, 11.03.1944 г. № 5473-рс) [21, с. 239]; «О переселении в Дагестанскую АССР дагестанцев, проживающих в Грузинской ССР» (18.05.1944 г. № 546); «О дополнительном заселении новых районов и мерах помощи сельскому хозяйству Дагестанской АССР» (12.10.1944 г. № 1372); «О переселении 2000 хозяйств колхозников в районы Грозненской области» (08.01.1945 г. № 54) [23, с. 90–92]; «О переселении хозяйств колхозников в районы Грозненской области» (04.08.1945 г. № 1991) и многих других. От плановых сельхозпереселений их отличает то, что переселенцы в «новые районы» удерживались в местах вселения насильственно, к «возвращенцам» в районы выхода применялись меры административного воздействия [16, с. 119–121, 145–146].

В Дагестанской АССР только в 1944 г. в «новые районы» (на земли репрессированных чеченцев) было переселено 16 741 хоз. (61 тыс. чел.) из числа аварской, даргинской, лакской и кумыкской этнических общностей, что составляло 17% от общей численности населения горной зоны республики, в том числе: в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР было переселено 13 836, а в пределах ДАССР (в границах до февраля 1944 г.) – 2905 хозяйств. И уже в начале января 1945 г. органами власти республики были официально зафиксированы факты возвращения переселенцев из новых районов. В этой связи СНК ДАССР и Дагобкома ВКП(б) 13 января 1945 г. направили председателям исполкомов Райсоветов депутатов трудящихся и секретарям РК ВКП(б) районов выхода переселенцев указание № 6 с «О мерах по возвращению самовольно возвратившихся хозяйств в места старого жительства и уклонившихся от переселения». В документе отмечается, что районные, партийные, советские организации Кахибского, Чародинского, Ахвахского, Ботлихского, Унцукульского, Цумадинского, Тляратинского, Сергокалинского и других районов «своим безответственным отношением и попустительством способствуют возвращению колхозников в места старого жительства, предоставляя им работу в колхозах». Все это вело к дезорганизации в колхозах новых районов и срывало освоение их территорий. Совнарком ДАССР и Обком ВКП(б) потребовал от них: 1) прекратить самовольное возвращение переселенцев в места их прежнего жительства и в каждом отдельном случае установления этих фактов доби-

ваться немедленного возвращения этих хозяйств в новые места жительства; 2) немедленно взять на учет все хозяйства, самовольно вернувшиеся в места прежнего их жительства, а также хозяйства, подлежащие переселению, но почему-то не переселившиеся в 1944 году. Предупредить их, что с весны 1945 г., после окончания зимних холодов, они подлежат обязательному и безоговорочному возврату в места их нового жительства; 3) во второй половине марта месяца 1945 г. совместно с представителями новых районов обеспечить организованную отправку самовольно вернувшихся хозяйств, а также хозяйств, уклонившихся от переселения; 4) для предотвращения дальнейшего самовольного возвращения колхозников на места старого жительства снести все жилые и прочие строения в населенных пунктах, полностью переселенных, за исключением строений, которые могут быть использованы под скотные дворы, фермы и прочие хозяйственные постройки соседними колхозами; 5) дать категорические указания председателям исполкомов сельсоветов депутатов трудящихся, руководителям колхозов не принимать на жительство и не предоставлять работу самовольно вернувшимся колхозникам и немедленно сообщать о них исполкомам и райкомам ВКП(б) [ЦГА РД. Ф.р-168. Оп.22. Д.98. Л.21–22].

Руководители районных органов власти должны были не позднее 15 февраля 1945 г. «представить в СНК ДАССР и Обком ВКП(б) сведения о количестве взятых на учет самовольно переселившихся хозяйств и хозяйств, уклонившихся от переселения по каждому населенному пункту и колхозу в отдельности, а также о принятых в их отношении мерах» [16, с. 119–121].

На запрос районных органов власти «дать указание, что с ними (возвращенцами) делать», начальник Отдела по переселению при СНК ДАССР Аджиев дал пояснение, что «если они переселились добровольно из горных районов и не подлежали переселению во вновь присоединенные к ДАССР районы, то их возвращать не стоит. В случае же, если они возвратились из одного из вновь присоединенных районов или уклонились от переселения в районе, откуда они прибыли, то следует немедленно принять меры к их возвращению в район поселения» [ЦГА РД. Ф.р-411. Оп.6. Д.2. Л.8].

При этом органами власти также обращалось особое внимание и на термины, применяемые относительно переселений колхозников. Хунзахский РК ВКП(б) и райисполком депутатов трудящихся получили предписание от начальника Отдела по переселению при СНК ДАССР Аджиева заменить в протоколе заседания Хунзахского Райсовета и Бюро РК ВКП(б) от 16 февраля 1945 г. некорректный термин «выселенные» на «переселенные», подчеркнув, что хозяйства «из высокогорных малоземельных аулов Дагестана не выселялись, а переселялись в новоосваиваемые районы бывшей ЧИАССР, с целью улучшения материального благосостояния колхозников указанных аулов» [ЦГА РД. Ф.р-411. Оп.6. Д.2. Л.18].

Документы свидетельствуют, что в изучаемый период переселенческие мероприятия, прежде всего по народнохозяйственным планам, осуществлялись в отношении не только азербайджанцев, но и представителей других этнических общностей СССР: армян, белорусов, русских, евреев, «этнических дагестанцев» (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы) и многих других. Однако можно ли о них **констатировать** как о принудительных переселениях по «этническому признаку»? И тем более как о «депортациях»?

Считаем, что нет. Все вышеназванные переселения проводились советской властью «из соображений экономической целесообразности», с целью сельскохозяйственного освоения вновь орошаемых (поливных), осушаемых или неосвоенных земель или же «новых районов» (освободившихся после выселения репрессированных народов), на территории одного государства – СССР и в отношении его граждан. С точки зрения современного российского права применение к ним термина «депортация» неправомерно.

Вместе с тем важно знать и помнить, что при проведении переселенческих мероприятий в «новые районы», как правило, не учитывалось волеизъявление самих этнических общностей. Ни в чем не обвиняемые государством, они фактически пережили то же, что и репрессированные народы: подверглись переселениям, пережили тяжелейшие испытания, связанные с необходимостью адаптации к новым климатическим условиям, голодом, болезнями, потерей родных и близких и удержанием в местах вселения. Архивные документы свидетельствуют о том, что партийные и советские органы на местах, ограниченные в сроках переселения постановлениями директивных органов, форсировали процессы переселения и, соответственно, где-то в отдельных местах применяли меры насильственного характера, превышая свои полномочия. Субъективный человеческий фактор (опыт работы, взгляд и отношение к данному делу наделенных властными полномочиями на местах должностных лиц), безусловно, сыграл в этом деле зловещую роль.

На наш взгляд, потому и опасна односторонняя (с акцентом на политическую составляющую) интерпретация событий прошлого в реалиях современных, и так весьма сложных и напряженных отношений между Республикой Армения и Азербайджанской Республикой, она «подливает масло в огонь», делает невозможной их нормализацию в будущем.

На этом фоне столь болезненная тема переселений азербайджанского и армянского населения, проводившихся в вышеуказанный период, требует объективного освещения на основе комплексного изучения историографии проблемы, с привлечением как ранее опубликованных источников, так и впервые введенных в научный оборот архивных документов высших органов партийной и государственной власти СССР, сосредоточенных в фондах ГА РФ, раскрывающих ход принятия решений. Ввиду важности приведенных в них сведений нами также раскрывается и их содержание.

Подробный анализ перераспределения трудовых ресурсов для сельского хозяйства, осуществлявшегося в годы третьей – пятой пятилеток в масштабе страны (СССР), в ходе плановых сельхозпереселений будет представлен нами в отдельной публикации.

В настоящем же исследовании акцентируется внимание на переселениях населения Закавказских республик СССР, а также представителей армянской и азербайджанской этнических общностей, проживавших вне пределов их национально-государственных образований в составе СССР – в Крыму, Армении, Грузии.

Источники и литература. Источниковую базу исследования составляют архивные документы и материалы, извлеченные авторами из фонда Р 5446 (Архив Совета Министров СССР). Оп. 1. (Протоколы и постановления Совнаркома и Совета Министров СССР (подлинники), 1923–1991 гг.) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также опубликованные источники, сосредоточенные в различных сборниках документов советского и постсоветского периодов. Содержащийся в них документальный материал является основой для достоверного, глубокого и объективного изучения политики органов государственной власти Союза ССР по всем сферам жизни его союзных республик в Закавказье (Армянская, Азербайджанская и Грузинская ССР).

Исследования *хозяйственных кампаний* Союза ССР в республиках Закавказья и связанных с ними сельхозпереселений – для «освоения новых поливных земель в районах Закавказья» по народно-хозяйственному плану (в Араратской долине Армянской ССР, Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР, Колхиде и неосвоенных землях Абхазии Грузинской ССР), а также *политической кампании* по репатриации армян из-за границы в Армянскую ССР и их обустройства на территории республики – базируются на архивных документах, сосредоточенных в 14 делах ГА РФ. Ф. Р-5446 / Совет Министров СССР (1923–1991) / Оп. 1. Д.Д.: 182, 187, 228, 257, 264; 266, 279, 317, 319, 321, 328, 494, 620, 621. Многие из них вводятся в научный оборот впервые. В первую очередь это документы, отражающие решения центральных высших органов власти и управления, связанные с реализацией основных народно-хозяйственных и политических планов Союза ССР в Закавказье в годы третьей – пятой пятилеток (1938–1955 гг.). Конкретно – это постановления Совета Народных Комиссаров СССР:

– «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Армянской ССР» (13.03.1941 г. № 533);

– «О проектном задании по Мингечаурскому гидроузлу» (19.04.1941 г. № 1038);

– «О неотложных мерах помощи сельскому хозяйству Азербайджанской ССР» (29.05.1944 г. № 619);

- «О возобновлении строительства Мингечаурского гидроузла и орошения Кура-Араксинской низменности» (6.07.1945 г. № 1619);
- «О мероприятиях по строительству оросительных систем и сельскохозяйственному освоению орошаемых земель Кура-Араксинской низменности в Азербайджанской ССР» (20.10.1945 г. № 2664);
- «О праздновании 25-летия Армянской ССР» (8.11.1945 г. № 2851);
- «О мерах помощи строительству Мингечаурского гидроузла в Азербайджанской ССР» (13.11.1945 г. № 2884);
- «О мероприятиях по возвращению армян из-за границы в Советскую Армению» (21.11.1945 г. № 2947);
- «О мероприятиях по подготовке к приему и устройству зарубежных армян в Армянской ССР» (21.06.1946 г. № 1295);
- «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» (23.12.1947 г. № 4083);
- «О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» (от 10.03.1948 г. № 754);
- «О строительстве в Армянской ССР жилых домов для репатриированных армян» (от 24.04.1948 г. № 1339);
- «О переселении в колхозы Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР» (от 6.09.1950 г. № 3850);
- «О льготах по ссудам Цескомбанка и Сельхозбанка, выданным на индивидуальное жилищное строительство возвратившимся в Армянскую ССР зарубежным армянам» (от 02.01.1952 г. № 4);
- «О неудовлетворительном хозяйственном устройстве переселенцев в Армянской ССР» (от 02.04.1954 г. № 606);
- «О дальнейшем развитии жилищного и культурного-бытового строительства в пограничных городах и районных центрах Азербайджанской ССР» (10.04.1954. № 663).

Решения партии и правительства СССР *по народно-хозяйственным вопросам*, в том числе связанные с переселениями колхозников в республиках Закавказья (внутриреспубликанские, межреспубликанские), сосредоточены в сборниках документов, опубликованных в советский период: «Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик», № 1–15, 16–32 за 1940 [19; 20], «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г.», 1956 [18], «Электрификация СССР. Сборник документов и материалов 1926–1932 гг.», 1966 [24], «Энергетические ресурсы СССР: Гидроэнергетические ресурсы», 1967 [25], «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». В 5 т.: Сборник документов за 50 лет. Т. 2, 1967 [18] и Т. 3, 1968 [26].

В «Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик, № 1–15 за 1940» включено постановление СНК Союза СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР» (25.04.1940 г. № 617) [20, с. 338–351], которым предусматривалось провести в 1940–1944 гг. внутриреспубликанское переселение 10 380 хозяйств из малоземельных колхозов горных районов Грузинской ССР, из них в Колхиду – 4 976 хозяйств, а в Абхазскую АССР – 5 404 хозяйства, и др.

В «Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик, № 16–32 за 1940» включены постановления СНК Союза СССР и ЦК ВКП(б): «О мероприятиях по развитию плодово-виноградных насаждений и технических культур в Армянской ССР» (07.09.1940 г. № 1655) [19, с. 774–788]; «О призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения» (02.10.1940 г., № 1352) [19, с. 841–843]; и др.

В сборнике «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». В 5 т.: Сб. док. за 50 лет (М.: Политиздат, 1967–1968) сосредоточены важнейшие документы, принятые директивными органами Союза ССР за период с 1917 по 1967 гг. и дающие полное освещение исторического опыта хозяйственного строительства в СССР за 50 лет. Это резолюции и постановления по вопросам промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, торговли, организации планирования и материально-технического снабжения народного хозяйства, экономического стимулирования производства и по другим хозяйственным вопросам, принятые партийными съездами и конференциями, пленумами и Политбюро (Президиумом, Оргбюро) ЦК КПСС, съездами Советов, ВЦИК и ЦИК СССР, Верховным Советом СССР и его Президиумом, Советом Народных Комиссаров СССР, Советом Министров СССР, Советом Труда и Обороны, Экономсоветом при Совнаркоме СССР и Государственным комитетом обороны, а также некоторые циркулярные письма, обращения и другие документы высших органов партии и советского государства. Из них использованы следующие документы: «Резолюция XVIII съезда ВКП(б) от 20 марта 1939 г. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.) (Извлечение). III. План нового строительства и его размещения в третьей пятилетке» [17, с. 676–704]; Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» (02.10.1940 г.) [17, с. 774–775]; постановления СНК СССР «Об образовании Главного управления трудовых резервов при Совнаркоме СССР» (02.10.1940 г.) [17, с. 776–777], опубликованные в Т. 2 (1929–1940 гг.), 1967, а также «Основные задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. IV. План восстановления и развития народного хозяйства союзных республик. По Грузинской Советской Социалистической Республике» [26, с. 303–305];

По Азербайджанской Советской Социалистической Республике [26, с. 275, 305–307]; *По Армянской Советской Социалистической Республике* [26, с. 313–315]; «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг., принятые XIX съездом КПСС 10.10.1952 г. [26, с. 715–738] в т. 3 (1941–1952 гг.), 1968.

Использованы также отдельные документы из сборников: «Электрификация СССР. Сборник документов и материалов 1926–1932 гг.», 1966 [24, с. 252–262], «Энергетические ресурсы СССР: Гидроэнергетические ресурсы», 1967 [25, с. 477, 479], «Особая папка» Л.П. Берии: из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946–1949 гг.», 1996 [27, с. 267], а также «Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы», 2000 [28, с. 916–920], которые дают представление о состоянии и строительстве электростанций в Закавказье. Из документов также следует, что после войны МВД СССР имело прямое отношение к «Мингечаурстрою» (строительство № 108), причем на строительстве ряда гидроэлектростанций, в том числе и в Закавказье (Севанской и Мингечаурской), «от 40 до 90% общего количества привлеченных рабочих составляли военнопленные».

Важно отметить, что ход реализации решений советской власти по развитию народного хозяйства Азербайджанской ССР и достигнутые грандиозные результаты активно освещались в публикациях 1950–1960-х годов: в статье Е. Попова «Вопросы архитектуры гидротехнических сооружений (из опыта проектирования гидроузла Мингечаурской ГЭС)» в «Советской архитектуре» за 1954 г. [29, с. 16–21], материалах научно-производственной конференции, посвященной изучению и освоению Кура-Араксинской низменности и Мингечаурского гидроузла (Баку, 1957) [30], в работах члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, проф. Азада Али оглы Эфендизаде «Мингечаурский гидроузел» (Москва, 1957) [31] и советского азербайджанского академика И.К. Абдуллаева «Перспективы развития сельского хозяйства Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР» (Баку, 1958) [32], монографии В.Е. Доманского «Строительство Мингечаурского комплекса гидротехнических сооружений (Мингечаурский и Варваринский гидроузлы)» (М.; Л., 1960) [33], в диссертационных исследованиях: В.М. Перлина «Архитектура гидротехнического узла (на материалах канала им. Москвы, Верхневолжского и Мингечаурского гидроузлов)» (Моск. архитектурный ин-т., М., 1954) [34] и Д.Г. Гусейнова «Экономическая роль ирригационного строительства в развитии сельского хозяйства Советского Азербайджана» (Баку, 1964) [35].

Из работ современных авторов можно выделить статью Н. Агаева «Укрощение Куры. 10 января исполнилось ровно 60 лет со дня пуска первой очереди Мингечевирской гидроэлектростанции», опубликованную в «Азербайджанских известиях» за 2014 г. [36, с. 1], К.Г. Нуриевой «Современное состояние орошаемых земель Кура-Араксинской низменности Азербайджана» – в «Бюллетени науки и практики» за 2023 г. [37, с. 157–161].

В свете исследуемой проблемы важное значение имеют опубликованные архивные материалы из фондов Архива политических документов при Управлении делами президента Азербайджанской Республики (далее – АПДУДПАР) и Государственного архива Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Они были введены в научный оборот в 2013 г. бывшим начальником Национального архивного управления Азербайджанской Республики Атаханом Аваз оглы Пашаевым в его исследовании «Геноцид, депортации и территориальные претензии армян к азербайджанскому народу (XIX–XX вв.)» [10], конкретно в главе III (см. параграфы: «г) Возрастание территориальных амбиций армян после второй мировой войны»; «д) Депортация азербайджанцев из Армянской ССР 1948–1953 гг.») [10, с. 72–97]. К сожалению, уже само название его работы свидетельствует о не совсем верно расставленных политических акцентах в интерпретации исследуемых событий.

Среди архивных документов, на которые ссылается А. Пашаев, – постановления ЦК КП(б) Азербайджана от 19 марта 1948 г. и 13 апреля 1948 г. «О массовой разъяснительной работе в связи с переселением колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Азербайджанскую ССР»; специальные постановления Совета Министров Азербайджанской ССР от 2 февраля и 14 апреля 1948 г. с целью выполнения постановлений Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 г. и 10 марта 1948 г. о переселениях азербайджанского населения в Кура-Араксинскую низменность; совместное постановление ЦК КП(б) Азербайджана и Совета Министров АзССР от 10 января 1950 г. «О неотложных мероприятиях по хозяйственному устройству колхозников, переселяющихся из Армянской ССР в районы Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР»; постановления Совета Министров АзССР от 14 марта и 25 августа 1950 г. (об утверждении планов соответственно весеннего и осеннего переселения из Армянской ССР) и от 17 января 1952 г. «О плане переселения в Азербайджанскую ССР на 1952 год и подготовки жилья для переселенцев»; переписка председателя Совета Министров АзССР Т. Кулиева с заместителями председателя Совета Министров СССР В.М. Молотовым и Г.М. Маленковым; материалы заседаний и постановления Главного Переселенческого управления при Совете Министров СССР; письма, справки Переселенческого управления при Совете Министров АзССР в Совет Министров АзССР и другие документы. В совокупности они позволяют реконструировать полную картину переселения азербайджанского населения в Кура-Араксинскую низменность и проследить ход реализации директив Центра по данному вопросу на месте – в Азербайджанской ССР.

В том же 2013 г. в Баку был издан сборник документов «Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (1948–1953 гг.)» [11], подготовленный сотрудниками Национального архивного управления Азербайджанской Республики – д.и.н. А. Пашаевым, Ф. Аслановой, Р. Сафаровым, Н. Эминовым и сотрудником

ГААР С. Бабаевой. В него включены документы из фондов ГААР и его Гянджинского, Сальянского, Гейчайского филиалов, а также из фондов Архива политических документов Аппарата президента АР. Хронологически эти документы охватывают период с апреля 1945 г. по ноябрь 1954 года.

В этой связи особый интерес вызывает интерпретация исследуемых событий, представленная самим А. Пашаевым, имевшим доступ ко всем документам по проблеме в качестве начальника Национального архивного управления Азербайджанской Республики (в 1984–2018 гг.).

Относительно решения центра Союза ССР (Москвы) о переселении азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджана А. Пашаев дает свое пояснение: «Вопрос ставится так, будто бы в Армянской ССР для размещения возвращающихся армян не хватает земель, а в хлопководческих районах Кура-Араксинской низменности Азербайджана не хватает рабочей силы. Все эти проблемы разом разрешатся переселением в Кура-Араксинскую низменность проживающего в Армении азербайджанского населения. Возражать во времена сталинского режима против таких обоснованных аргументов было очень трудно. С другой стороны, видимо, армянам удалось как-то убедить М.Д. Багирова в выгодности этого мероприятия. Иначе согласиться с данным вопросом, причем с такой легкостью, М.Д. Багиров не мог. В Архиве политических документов хранится копия совместно подписанного первыми секретарями ЦК КП(б) Азербайджана и Армении М.Д. Багировым и Г. Арутюновым письма, направленного в декабре 1947 года И. Сталину. В указанном письме обосновываются причины переселения азербайджанцев из Армянской ССР и выдвигаются в связи с этим практические предложения. Переселить азербайджанское население Армянской ССР в хлопководческие районы Азербайджана, на их место заселить переселяющихся из заграницы армян» [10, с. 73–74]. Как следствие, на это обращение Совет Министров СССР 23 декабря 1947 г. принимает за подписью И. Сталина постановление «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». «Это постановление явилось ударом в спину азербайджанского народа, оно по своей сути было политической открытой депортацией» [10, с. 74].

Далее читаем: «О том, что постановление это было подготовлено в спешке, свидетельствует его 11 пункт. Здесь мы читаем: "Совету Министров Армянской ССР дается разрешение использовать строения и жилые дома азербайджанцев, переселенных в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР, для вселения прибывающих в Армянскую ССР из-за рубежа армян". Во втором постановлении Совета Министров СССР, подписанном И. Сталиным, "О мероприятиях в связи с переселением из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР колхозников и другого азербайджанского населения" указывается, что оно является дополни-

ем к постановлению Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 года. Постановление от 10 марта 1948 г. уже конкретно рассматривало мероприятия, связанные с переселением» [10, с. 77].

Относительно совместного обращения руководства Азербайджана и Армении с просьбой о переселении азербайджанцев поясним, что оно не первое в практике партийных и советских органов тех лет. Например, в ходе изучения проблемы в архиве обнаружено также совместное обращение в СНК СССР (к Л. Берия) руководства Дагестана (А. Даниялова и А. Агабабова) и руководства Грузии (В. Бакрадзе и К. Чарквиани) по вопросу переселения в Дагестанскую АССР хозяйств дагестанцев из Кварельского района Грузии. Ими было представлено Л. Берии в качестве предложения, что «переселению подлежат все хозяйства дагестанцев (колхозники и единоличники), проживающие в Кварельском районе», а также конкретный механизм его осуществления» [ЦГА РД. Ф.р.-168. Оп.22. Д.84. Л.193–196]. Центр согласился. 18 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР № 546 «О переселении в Дагестанскую АССР дагестанцев, проживающих в Грузинской ССР», в соответствии с которым СНК Грузинской ССР было разрешено переселить из Кварельского района в районы бывшей ЧИАССР, отошедшие в феврале 1944 г. к ДАССР, все хозяйства колхозов, колхозников-единоличников-дагестанцев, проживающих в Кварельском районе Грузинской ССР [ГА РФ. Ф.Р5446. Оп.1. Д.228]. Из Кварельского района Грузии были переселены шесть колхозов. Оказавшись в новых климатических условиях, многие переселенцы погибли от тифа и малярии. Еще в 1946 г. около 400 семей кварельских аварцев выразили желание вернуться на прежнее место жительства, но им не позволили. Возвращение кварельских аварцев в Грузию состоялось позже, 2 июля 1957 года.

Что касается утверждения А. Пашаева о том, что постановление СНК СССР от 23 декабря 1947 г. было подготовлено в спешке, отметим, что не согласны с ним. Цель переселения колхозников и другого азербайджанского населения именно в Кура-Араксинскую низменность очевидна, если подходить системно и считать постановление от 23.12.1947 г. принятым в развитие предыдущих решений СНК СССР по реализации масштабных народно-хозяйственных планов СССР в Кура-Араксинской низменности, а именно: «О возобновлении строительства Мингечаурского гидроузла и орошения Кура-Араксинской низменности» (6.07.1945 г. № 1619); «О мероприятиях по строительству оросительных систем и сельскохозяйственному освоению орошаемых земель Кура-Араксинской низменности в Азербайджанской ССР» (20.10.1945 г. № 2664); «О мерах помощи строительству Мингечаурского гидроузла в Азербайджанской ССР» (13.11.1945 г. № 2884).

Вернемся к работе А. Пашаева. Он отмечает: «13 апреля 1948 г. ЦК КП(б) Азербайджана принимает особое постановление "О массовой разъяснительной работе в связи с переселением колхозников и другого азербайджанского насе-

ния из Армянской ССР в Азербайджанскую ССР". В постановлении ЦК об этом исключительно тяжелом и судьбоносном для нашего народа вопросе говорилось: "...Постановление Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 г., **принятое по просьбе ЦК КП(б) Азербайджана** (выделено А. Пашаевым. – *Авт.*), является наиважнейшим политическим документом, проявлением заботы партии, государства и лично товарища Сталина о дальнейшем культурном, экономическом развитии, возвышении Азербайджанской ССР, азербайджанского народа»" [10, с. 77–78]. В данном постановлении ЦК КП(б) Азербайджана в "целях разъяснения политического значения" постановления Совета Министров СССР по пунктам перечисляются задачи, поставленные перед республиканскими партийными, советскими и общественными организациями, особое внимание уделяется разъяснению предлагаемых льгот. С этой целью предполагается направить в Армянскую ССР руководящих партийных, советских работников, лучших лекторов и агитаторов для ведения массово-разъяснительных работ. Особое внимание в постановлении уделялось участию в агитационной кампании деятелей литературы и искусства» [10, с. 78].

«В постановлении Совета Министров Азербайджанской ССР от 14 апреля 1948 г. обстоятельно разъяснялись вышеуказанные постановления Совета Министров СССР, уточнялись задачи, стоящие перед различными республиканскими организациями по реализации их. Данное постановление Совета Министров определяет переселение 100-тысячного азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР *как наиважнейшую народно-хозяйственную задачу на грядущие три года*. Это является делом не только лишь Переселенческого управления, но ставится как первоочередная задача и перед министерствами, управлениями, руководителями производственных и хозяйственных организаций, перед руководством исполнительных комитетов, городов и районов» [10, с. 77].

При этом А. Пашаев не указывает, что эта *наиважнейшая народно-хозяйственная задача* была тесно связана со строительством масштабного Мингечаурского комплекса, с необходимостью последующего освоения огромных площадей орошаемых земель в Кура-Араксинской низменности.

Вместо этого автор уводит читателя в политическую плоскость, переключившись на контекст проблемы Нагорного Карабаха, цитируем: «Нам бы хотелось особо остановиться еще на одном, очень важном аспекте в связи с этой темой. Если бы тогда азербайджанское население, переселяемое из горных районов Армянской ССР, разместили бы в соответствующих по природным климатическим условиям районах Нагорного Карабаха, то это было бы справедливо и по совести. Однако этого не произошло» <...> «В результате ни один из переселенных в 1949–1953 гг. из Армянской ССР азербайджанцев не был допущен в Нагорный Карабах, напротив, под предлогом внутреннего переселения в 1949 г. из Нагорного Карабаха в Ханларский район было переселено 132 семьи,

549 азербайджанцев. Таким образом, дело освобождения территорий для создания "великой Армении" продолжалось, как было задумано, и в плановом порядке» [10, с. 95].

На наш взгляд, данный комментарий руководителя Национального архивного управления Азербайджанской Республики необъективен: имея доступ к документам, он знал о том, что перед властями стояла задача размещения переселенцев именно в районах Кура-Араксинской низменности – *для освоения новых поливных (орошаемых) земель Мингечаурской системы*. Это очевидно из тех архивных документов органов государственной власти, которые представлены в его же работе. Отсюда и в заключении – необъективный, не вытекающий из содержания исследования вывод автора о том, что «под предлогом вселения армян из-за границы в 1948–1953 гг. была проведена массовая депортация более 100 тысяч человек азербайджанского населения из Армянской ССР в Миль-Муганскую степь Азербайджана» [10, с. 142].

Объяснение данному выводу А.А. Пашаева, да и вообще активному всплеску научного интереса азербайджанских историков к теме переселения азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР в 1947–1953 гг. мы нашли в новом азербайджанском издании. Дело в том, что в 2024 г. в Баку вышел в свет сборник статей и документов «Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (Западного Азербайджана) в 1948–1953 гг.» [12], рекомендованный к печати Ученым Советом Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана. В него включены две статьи: «Депортация азербайджанского населения из Армянской ССР (Западного Азербайджана) в 1948–1953 и 1988–1991 гг. по архивным документам» (в соавторстве: Д. Бахрамов, Б. Гасанов, З. Амрахов) и «Депортация, о которой принято было молчать» (И. Нифталиев), а также 13 документов по теме за 1947–1948, 1950–1954 гг., выявленных сотрудниками отдела «История Западного Азербайджана» Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова З. Амраховым и Б. Гасановым в 2023 г. в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и в Картографическом отделе Государственной библиотеки Российской Федерации.

Редактор издания доцент Д. Бахрамов объясняет цель их работы следующим образом, цитируем:

«Одной из проблем, нуждающихся во всестороннем и тщательном изучении в современной национальной историографии Азербайджана, является история Западного Азербайджана. На основе архивных документов, исторических карт существует насущная потребность в исследовании политической, социально-экономической, культурной, военной истории и исторической географии территории, являющейся одной из частей исторического Азербайджана. 18 декабря 1997 года Общегосударственным лидером, основателем современного Азер-

байджанского государства Гейдаром Алиевым был подписан указ № 656 "О массовой депортации азербайджанцев с их исторических и этнических земель на территории Армянской ССР в 1948–1953 годах". Общациональный лидер поставил перед учеными задачу – исследовать и изучить проблему депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана по решению руководства СССР в 1948–1953 годах на основе достоверных источников, прежде всего архивных документов. В своем выступлении на заседании Конституционной комиссии Азербайджанской Республики 14 января 1998 г. Общациональный лидер отмечал: **"Территория, ныне называемая Арменией, является Западным Азербайджаном, – это Иреванский, Гёйчинский, Зангибасарский и Зангезурские магалы – это земли, где всегда жили мусульмане-азербайджанцы"** (выделено Д. Бахрамовым. – Авт.). Он высказал мысль, что эти территории являются историческими землями Азербайджана и принадлежат азербайджанскому народу. Он также отметил, что существует большая необходимость в изучении этой проблемы.

В связи с этим в своем выступлении на открытии нового здания средней школы № 1 в городе Евлах 14 октября 2010 года Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев сказал: **"Я неоднократно говорил, что сегодняшняя Армения – территория, называемая на карте Армянской Республикой, – это исконная земля Азербайджана. Это реальность. Конечно, Зангезур и Иреванское ханство – наши земли! Азербайджанцы жили там веками"** (выделено Д. Бахрамовым. – Авт.). Этими словами он еще раз подтвердил мысль Общационального лидера.

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, выступая на встрече с представителями общины Западного Азербайджана 24 декабря 2022 года, еще раз подчеркнул, что земли Западного Азербайджана принадлежат азербайджанскому народу, в XX веке азербайджанцы подверглись депортации и этнической чистке. Он также подчеркнул, что их основные права нарушены и их необходимо восстановить, они имеют право вернуться на земли своих отцов и дедов. Президент дал указание подготовить **КОНЦЕПЦИЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ** (выделено Д. Бахрамовым. – Авт.). Поставленный господином Президентом вопрос о Западном Азербайджане (нынешняя Армянская Республика) выдвинула на первый план острую необходимость проведения фундаментальных научных исследований по истории этого региона.

В начале 2023 года решением Президиума Национальной Академии Наук Азербайджана при Институте Истории и Этнологии имени А.А. Бакиханова был создан отдел "История Западного Азербайджана". В соответствии с планом работ, составленным этим отделом, для изучения проблемы была начата работа по сбору первоисточников и архивных документов. С этой целью сотрудники отдела "История Западного Азербайджана" – доктор философии по истории, доцент Зияд Амрахов и доктор философии по истории, доцент

Бахтияр Гасанов 15–30 июня 2023 года были командированы в Российскую Федерацию, в город Москву. Ими была проведена работа по выявлению документов, связанных с депортацией азербайджанского населения из Армянской ССР в 1948–1953 годах, в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском Государственном Архиве Экономики (РГАЭ), а также в «Картографическом отделе» Государственной Библиотеки Российской Федерации. Документы, выявленные нашими сотрудниками, вошли в данный сборник. Введение этих документов в научный оборот станет большим вкладом в изучение истории Западного Азербайджана» [12, с. 3, 4].

Таким образом, установка азербайджанским историкам дана. Цель четко поставлена. Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

К сожалению, такая открытая демонстрация взаимосвязи научных исследований азербайджанских историков с политической установкой («Концепция возвращения») руководства Азербайджанской Республики – в ущерб основополагающим принципам исторической науки, этике научного исследования, репутации ученого – конечно же, оставляет удручающее впечатление. Очевидно, что под данную установку формируется новая «субъективная» история – в контексте Карабахского конфликта, и результаты таких откровенно политизированных исследований невозможно считать достоверными.

В сборниках, изданных в *постсоветский период*, сосредоточен большой пласт архивных документов и материалов *о политических кампаниях*:

– принудительных переселениях *армян из Крыма* в 1944 г.; репатриации армян из-за границы в Советскую Армению (21 ноября 1945 г. – 14 сентября 1948 г.); в 1947–1949 гг. – переселении «реэмиграционно настроенных армян, прибывших из зарубежных стран в Армянскую ССР, из пограничных в глубинные районы республики»; выселении «дашнаков» и членов их семей *из Армянской ССР*;

– ссылке, высылке азербайджанцев (по политическим обвинениям) и принудительных переселениях этнических меньшинств (иранцы, греки, дашнаки, курды, немцы, турки) *из Азербайджанской ССР*;

– принудительных переселениях этнических меньшинств (немцы, месхетинские турки, азербайджанцы, курды, хемшины, греки, «дашнаки» *из Грузинской ССР*.

Среди них документы из сборников: «"Особая папка" Л.П. Берии: из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1946–1949 гг.», 1996 [27], «Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы», 2000 [28], «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953», 2002 [2], «По решению Правительства Союза ССР», 2003 [37], «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953», 2004. [38]; «История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми томах», 2004 [39]; «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–

1938 гг. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти», 2004 [40], «Сталинские депортации. 1928–1953 (Серия «Россия. XX век. Документы»», 2005 [41], «Курды СССР – России: трасса длиной в 100 лет ... Документальная история», 2014 [42], «Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти», 2007 [43], «Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг. Сборник документов», Т. 2. 2014 [44], «Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов», 2016 [45] и др.

Из сборника «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953», 2002 привлечен документ – телеграмма Г.М. Маленкова И.В. Сталину о мерах, принятых в связи с пожаром на теплоходе «Победа». 14.09.1948 г. [2, с. 272]. Он объясняет причину внезапной отмены репатриации армян из-за рубежа и позволяет уточнить дату принятия данного решения: 14 сентября 1948 года.

Из сборника «История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов...», Т. 1. (Массовые репрессии в СССР), 2004 привлечены документы: приказ НКВД СССР № 001487 «О мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР», 11.10.1941 г. [39, с. 469]; докладная записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину, В. Молотову, Г.М. Маленкову о проведении операции по переселению турок, курдов и хемшилов из пограничных районов Грузинской ССР, 28.11.1944 г. [39, с. 512]; приказ МВД СССР № 00525 «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря», 2.06.1949 г. [39, с. 526–529]; докладная записка заместителя министра внутренних дел Грузинской ССР К.П. Бзиава (№ 1/004479 от 8.07.1949 г.) в адрес заместителя министра внутренних дел СССР В.С. Рясного о выполнении приказа МВД № 00525 (на № 1/9276 от 25.06.1949 г.) о выселении из Грузии «8143 семей в составе 36 451 чел., в том числе турок – 762 семьи, численностью 2500 душ...» [39, с. 537–538]; докладная записка министра внутренних дел Азербайджанской ССР Якубова от 16.07.1949 г. в адрес заместителя министра внутренних дел СССР В.С. Рясного о выполнении приказа МВД № 00525, в ней обозначено «750 семей выселенцев в составе 3058 человек, в том числе греков – 323, дашнаков – 1045 и турок – 1690» из Азербайджана [39, с. 538–539] и др.

Из сборника «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 гг. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти», 2004 [40] использованы постановления Политбюро ЦК ВКП(б): «Об иранских гражданах», 19.01.1938 г. [40, с. 464]; «О продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности», 31.01.1938 г. [40, с. 468–469]; «Об иранских гражданах», 09.02.1938 г. [40, с. 484], а также Спецсообщение Н.И. Ежова и Л.П. Берии И.В. Сталину об арестах жен «изменников родины», 15.10.1938 г., № 109173 [40, с. 563].

Среди документов, опубликованных в сборнике «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953», 2004, привлекли внимание телеграммы первых секретарей ЦК КП(б) Азербайджана М.Д. Багирова (от 5.01.1947 г.) и ЦК КП(б) Армении Г.А. Арутинова (от 21.11.1947 г.) И.В. Сталину о разрешении на выезд в Москву [38, с. 331, 338]. К телеграмме Арутинова имеется пояснение: «29 ноября 1947 г. Арутинов с 21 ч. 25 мин. до 22 ч. 30 мин. был на приеме (один на один) у Сталина».

Из сборника «Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти», 2007 [43] привлечены документы: Спецсообщение С.Н. Круглова И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии, А.А. Жданову об армянах-репатриантах, 02.04.1947 г. № 1973/к [43, с. 47–48]; телеграмма Г.М. Маленкова И.В. Сталину о пожаре на теплоходе «Победа» 13.09.1948 г. и постановления Политбюро ЦК ВКП(б): «О причинах пожара на теплоходе "Победа"», 13.09.1948 г. [43, с. 233], «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР», 04.04.1949 г. [43, с. 261], «О выселении турецких граждан, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье», 04.04.1949 г. [43, с. 261–262] и др.

В сборниках «По решению Правительства Союза ССР» (составители: Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов) и «Сталинские депортации. 1928–1953 (Серия «Россия. XX век. Документы»», в книге «Курды СССР – России: трасса длиной в 100 лет ... Документальная история» (Составители: Буга Н.Ф, Мамаев М.И.) содержатся целые блоки документов о принудительных переселениях этнических общностей из Закавказья:

– в сборнике «По решению Правительства Союза ССР», 2003 содержатся в разделах: 4. Иранцы – 9 док. [37, с. 182–192]; 15. Депортация народов Крыма – 57 док. [37, с. 522–572]; 19. Греки Черноморского побережья – 14 док. [37, с. 591–608]; 20. Турки из Месхетии, курды, хемшины – 22 документа [37, с. 609–625];

– в сборнике «Сталинские депортации. 1928–1953», 2005 значительное число документов о политических кампаниях в Закавказье сосредоточено в разделах: «Депортация с Южных границ: курды и армяне» [41, с. 75–79], «Депортация иранцев (январь – февраль 1938)» [41, с. 99–101], «Депортация немцев из Закавказья (октябрь 1941 г.)» [41, с. 354–356], «Тотальные депортации из Закавказья (весна – осень 1944, осень 1945)» [41, с. 522–525]; «Очистка Тбилиси от "тунеядцев" из числа курдов и азербайджанцев (25 марта 1944)» [41, с. 525], «Депортация из Месхетии (ноябрь – декабрь 1944)» [41, с. 525–537], «Депортация греков и турок из Причерноморья и Закавказья (июнь 1949 г.)» [41, с. 666–679], «Депортации иранцев, греков, турок и дашнаков из Грузии (август 1951)» [41, с. 757], «Сводные документы о различных депортационных операциях» [41, с. 758–772].

Важные источники по теме переселений этнических меньшинств Закавказья, в том числе и АзССР, сосредоточены в книге «Курды СССР – России: трасса длиною в 100 лет ... Документальная история», 2014 – в разделах «1930-е годы: первые принудительные переселения ...» [42, с. 136–160], «1940-е годы: переселение этнических меньшинств Закавказья – немцы, курды и другие» [42, с. 161–187], «Советские курды-спецпереселенцы» [42, с. 198–278], «"Хрущевская оттепель": освобождение курдов из спецпоселения» [42, с. 287–335].

Богатую документальную основу имеют также включенные в книгу Н.Ф. Бугая «Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее», 2014 очерки: «Греки Союза ССР – России: прошлое и настоящее» [46, с. 44–53], «Иранцы Азербайджана и РСФСР: излом судьбы» [46, с. 54–71], «Трансформация курдского мира в новом формате России» [46, с. 126–184], «Немцы на Кавказе: трансформация общности» [46, с. 212–242], «Турки-месхи: 20 лет поиска судьбы» [46, с. 304–318].

Отдельного внимания заслуживают документы, включенные в сборник «Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.» [44], изданный в Алматы в 2014 г. В него вошли документы из Архива президента Республики Казахстан и фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан о насильственном переселении на территорию республики в 1935–1939 гг. иранцев, курдов, армян, турок, немцев и представителей других этнических общностей (финны, поляки, корейцы). В них подробно освещаются вопросы подготовки к приему спецпереселенцев, их расселения, вовлечения в хозяйственную жизнь Казахской ССР, условия труда и быта спецпереселенцев, проблемы, возникшие в республике вследствие вселения в кратчайшие сроки значительной массы людей, отличающихся культурно-бытовыми традициями, конфессиональной принадлежностью, языком.

В свете исследуемой темы представляют интерес документы из разделов: «Прием и размещение депортированных с южных границ курдов, армян и турок» (всего 47 док.) [44, с. 93–157], «Прием и обустройство иранцев» (всего 50 док.) [44, с. 426–529]. Особенно интересен и полевой материал о переселенцах, включенный в раздел «Депортация в воспоминаниях» [44, с. 646–667].

Из книги «Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов» [45] также привлечен ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б): «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» (04.04.1949 г.); «О выселении турецких граждан, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье» (04.04.1949 г.); «О выселении дашнаков, проживающих в Грузинской ССР» (11.04.1949 г.) и др.

Историческая литература представлена трудами авторов, исследующих тему переселений (сельхозпереселения, спецпереселения, репатриация) применительно к этническим общностям Закавказских субъектов СССР – Армянской, Азербайджанской, Грузинской ССР, в том числе к армянам и азербайджанцам,

проживавшим вне пределов своих национально-государственных образований в составе СССР – в Крыму, Армении, Грузии.

Тема принудительных переселений (спецпереселений «по государственному заданию») в 1930–1940-е годы этнических общностей из советских республик Закавказья, а также граждан армянской и азербайджанской национальностей, проживавших за пределами своих республик, нашла отражение в работах Н.Ф. Бугая и М.И. Мамаева «Турки-мехетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США», 2009 [47, с. 89], Н.Ф. Бугая «Проблемы репрессий и реабилитация граждан: история и историография (XX – начало XXI в.)», 2012 [48], «Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее», 2014 [46] и «Азербайджан: прошлое уступает место настоящему (советский и постсоветский периоды)», 2023 [49] и др.

Особое внимание привлекли также публикации по теме авторов из ближнего зарубежья: С.И. Алиевой «Из истории сталинских репрессий на Кавказе», 2013 [7, с. 138–152] и «Сталинские репрессии в Азербайджане» 2017 [50], А.С. Мусагалиевой и Р.М. Мусабековой «Депортация азербайджанцев в Казахстан (1930–1940 гг.)» 2019 [51, с. 46–54], А.М. Джалилова, А.К. Шашаева, Ж.И. Мулдахметовой, Ж.Т. Джолдыбаева «Психологические и социальные последствия сталинских репрессий и депортаций: исследование наследия 1920–1950-х годов в постсоветском обществе», 2025 [52, с. 27–39] и др.

В статье А.С. Мусагалиевой, Р.М. Мусабековой «Депортация азербайджанцев в Казахстан (1930–1940 гг.)» показана динамика численности азербайджанцев в Казахстане по сравнительным данным переписей населения 1926, 1939 и 1959 годов. Авторы отмечают, что «по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Казахстане проживало только 46 азербайджанцев. В 1939 г. количественный состав резко увеличился до 12 996 человек, а в 1959 г. – до 38 346 человек. Основными местами расселения азербайджанцев стали Южно-Казахстанская, Алма-Атинская, Джамбулская области» [51, с. 46]. Авторы в своей работе оперируют терминами «ссылка», «высылка», «депортация».

Читаем: «Ссылка, высылка из Азербайджана в Казахстан проводилась два раза:

- первая высылка в 1920-е гг., во времена "красного террора" в СССР. В Казахстан были выселены деятели Азербайджанской Демократической Республики, то есть мусаватисты и иттихадисты;

- вторая высылка состоялась в 1937–1938 гг., во времена "большого террора" в СССР. Высылали членов семей "изменников Родины" в Акмолинский лагерь жен "изменников Родины"» [51, с. 46].

Высылка проводилась на основании решения ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. о репрессировании жен изобличенных изменников родины, правотроцкистских шпионов [40, с. 563].

А.С. Мусагалиева и Р.М. Мусабекова также приводят отдельные количественные данные по репрессированным азербайджанцам. Например, со ссылкой на исследование азербайджанского историка С. Алиевой «Сталинские репрессии в Азербайджане» [50] они отмечают, что «с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. по приказу НКВД № 00447 с 5 августа 1937 г. по 1 июля 1938 г. из 1 420 711 арестованных было репрессировано 13 356 азербайджанцев, что составляло 0,9% удельного веса общего числа арестованных [51, с. 49].

Авторы сопоставили приведенные сведения с данными из другого опубликованного источника – «Справки об антипартийном поведении Багирова М.Д.», заверенной членом Комитета партийного контроля при ЦК КПСС И. Ягодкиным в марте 1954 г. [53, с. 578–586]. В архивном документе, где указано количество арестованных и осужденных руководящих работников Азербайджанской ССР за 1934–1938 гг. и 1951–1952 гг. и первую половину 1953 г., читаем: «Только за период 1934–1938 гг. органами НКВД СССР было арестовано и осуждено 27 458 чел., в том числе 14 602 человека – за контрреволюционные преступления, 371 чел. – за террористическую деятельность и 953 чел. – за шпионаж. Правильность привлечения такого большого количества людей к ответственности вызывает явное сомнение. <...> В течение 1951–1952 годов и первой половины 1953 года было необоснованно арестовано 2790 граждан» [53, с. 582–583].

Возвращаясь к статье А.С. Мусагалиевой, Р.М. Мусабековой, отметим их мнение относительно принудительного переселения ираноподданных в 1936–1938 гг., а также азербайджанцев из Грузии в 1944 г. Вот цитата: «Депортация азербайджанцев в Казахстан осуществилась два раза:

- депортация ираноподданных в 1936–1938 гг.;
- депортация азербайджанцев из Грузинской ССР в 1944 г.» [51, с. 46].

Авторы считают, что история депортаций азербайджанцев в Казахстан в исследованиях имеет некоторую путаницу, связывая это в первую очередь «с тем, что многие исследователи не различают национальностей» и что «первую депортацию называли депортацией ираноподданных» [51, с. 47]. Они приводят имеющиеся мнения по этому вопросу азербайджанского (С. Алиева) [50], российского (В.Н. Земсков) [54] и казахстанских исследователей [55; 56]. По этому поводу историк С. Алиева пишет: «Дагестанские азербайджанцы – потомки иммигрантов из Южного Азербайджана, как и большинство населения с иностранным гражданством на территории Советского Союза, ошибочно записанные в советской переписи персами, были выселены с мест своего проживания. Напомним, что среди иранских подданных большинство составляли азербайджанцы, приезжавшие на заработки в родственный Азербайджан» [50]. По мнению В. Земскова, понятие «иранцы» имело собирательный характер, включавшее в себя лиц различных национальностей (включая азербайджанцев), которые из Ирана [54]. Казахские ученые исследуют их как иранцев, вследствие чего и про-

изошла путаница. Хотя в книге «История Казахстана: история и культура», в списке национальностей, которые живут в Казахстане, нет иранцев. В казахстанских документальных сборниках в основном описываются иранцы, выселенные из Азербайджана, бесспорно то, что там были азербайджанцы» [51, с. 47].

Далее авторы со ссылкой на С. Алиеву пишут: «По сведениям справки НКВД о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. из 36 906 чел., осужденных ВК Верховного суда, НКВД Азербайджанской ССР выслало 7894 ираноподданных [50; 51, с. 47]. <...>. «Следует принять во внимание, что арестованных иранцев (персидскоподданные азербайджанцы) насчитывалось 14 994 человек (1,1%). <...> в 1938–1939 гг. было выселено свыше 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. – из Азербайджана). Они были расселены в Казахстане и Киргизии на положении административно высланных <...>. В 1938–1939 гг. была осуществлена частичная депортация иранцев, так как более 4,5 тыс. человек, проживавших в Грузии, тогда еще не выселили (до них очередь дошла в 1950 г.). Но депортация ираноподданных с этим не закончилась. В 1939 г. высылка в Северный Казахстан продолжилась. Туда были переселены ираноподданные. В сентябре 1939 г. Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей согласно решениям Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г.». Всего подлежало выселению в Северный Казахстан 2081 ираноподданных, в том числе из <...> Азербайджанской ССР – 321, <...> Армянской ССР – 11, <...> Грузинской ССР – 8, <...>. Но, увы, история этого выселения до сих пор не изучена [51, с. 49–50].

«Депортацию из Грузинской ССР в 1944 г. называют депортацией турок-месхетинцев. Бесспорно также и то, что там были и турки-месхетинцы, но и азербайджанцев было достаточно. Следует отметить еще то, что депортированные в своих документах называли себя азербайджанцами» [51, с. 47]. «Вторая мировая война усилила депортацию азербайджанцев в Казахстан. Азербайджанцев депортировали из Грузии, Азербайджана и приграничных районов. Казахстанские исследователи называют эту депортацию выселением турков из Грузии. Турки-месхетинцы (их, как бы для ясности, частенько называли просто турками, а позднее азербайджанцами) – жители грузинской исторической области Месхет-Джавахети, присоединенной к России. Но это не совсем верно. Как показывают многочисленные архивные документы, среди них много было азербайджанцев» [51, с. 50].

Авторами приводятся сведения о выселении в соответствии с постановлением ГКО от 31.07.1944 г. № 6279 сс «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР турков-месхетинцев, курдов и хемшинов» именно в Казахстан 6300 семей турок и азербайджанцев общей численностью 27 833 человека. Со ссылкой на справку НКВД Казахской ССР в их работе также указаны

конкретные области расселения турок и азербайджанцев в Казахстане: Алма-Атинская (2544 семьи численностью 11 004 чел.), Южно-Казахстанская (2233 семьи, 10 147 чел.), Джамбулская (822 семьи, 3475 чел.), Кызыл-Ординская (373 семьи, 1826 чел.), Талды-Курганская (377 семей, 1441 чел.).

В работе А.М. Джалилова, А.К. Шашаева, Ж.И. Мулдахметовой, Ж.Т. Джолдыбаева (... и далее - по тексту). «Психологические и социальные последствия сталинских репрессий и депортаций: исследование наследия 1920–1950-х годов в постсоветском обществе» также приводятся архивные сведения об азербайджанских переселенцах в Казахстане, и авторами также применяется термин «депортация». В частности, со ссылкой на документ из ЦГА Республики Казахстан отмечается: «В Запросе НКВД Азербайджанской ССР в НКВД Казахской ССР от 5 сентября 1938 г. сообщалось, что из пограничных районов Азербайджана в Казахстан была выслана 141 семья, главы которых ранее осуждены, как "контрреволюционные элементы". Однако уже летом того же года 54 семьи самовольно вернулись на прежние места жительства, объясняя это тем, что "на местах их не приняли и разрешили проживать, где угодно". Ни одна из семей не имела документов об освобождении с мест высылки». По мнению авторов, данный «документ наглядно показывает, что депортации сопровождались дезорганизацией и хаотичным переселением, в результате чего семьи теряли связь друг с другом, а государственные органы не обеспечивали условий для их воссоединения» [52, с. 34].

Политические аспекты миграционных процессов советского Закавказья освещаются в работе О.В. Жигулиной [57, с. 69–72]. Автор считает, что они не исчерпываются принудительными миграциями. По ее мнению, «масштабной миграционной кампанией, подчиненной политическим интересам государства, стала репатриация зарубежных армян» [57, с. 70–71]. «Руководство СССР увязало ее с геостратегическими и территориальными претензиями к Турции, которые заключались в введении режима совместного советско-турецкого контроля черноморских проливов, создании советской военно-морской базы и возвращении территорий, отторгнутых от Армении и Грузии в пользу Турции по Московскому договору 1921 года. Необходимость решения территориального вопроса обуславливали стремлением зарубежных армян переселиться в Армянскую ССР. Советские представительства за рубежом сообщали о 360 тыс. армян, обратившихся за помощью для переселения в Советский Союз. Опираясь на эти цифры, советское руководство утверждало в общественном мнении тезис о необходимости возвращения затребованных у Турции земель для расселения репатриантов. Территориальные требования Советского Союза в определенной степени были средством давления на Турцию, в то время как главной целью был контроль черноморских проливов. Репатрианты стали прибывать со второй половины 1946 г., но их численность не оправдала ожиданий».

О.В. Жигулина отмечает, что репатриационная кампания завершилась в феврале 1949 г. и что «всего в Армянскую ССР из 12 стран переселилось около 90 тыс. человек», часть из которых «позже пыталась покинуть СССР, в связи с чем был разработан план мероприятий по усилению пограничного режима, предусматривавший переселение репатриантов из пограничных территорий в глубинные районы Армении. Было решено не расселять прибывающих внутри пятикилометровой пограничной зоны». Автор также затрагивает тему переселения азербайджанцев в связи с репатриацией армян. Подчеркивая наличие многочисленных социально-бытовых проблем (нехватка жилья, работы и свободных земель), с которыми на местах сталкивались репатрианты, автор связывает возможное их решение с тем, что «в то же время в Армении существовали районы, в основном заселенные азербайджанцами» и что «это привело к принятию постановления "О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР", которое обязывало в течение 1948–1950 гг. переселить "на добровольных началах" 100 тыс. азербайджанцев» [57, с. 71]. В работе также подчеркивается: «принудительные миграции всецело определялись политической волей руководства страны, которое, распоряжаясь людскими ресурсами, добивалось своих внешне- и внутриполитических целей, а вынужденные миграции возникали из-за обострения межнациональных отношений».

Вопросы репатриации армян из-за рубежа в Армянскую ССР после Второй мировой войны, а в последующем – высылки части армянских иммигрантов с территории Армении на Алтай как дашнаков и подробности нахождения их в алтайской ссылке в 1949–1958 гг. подробно раскрываются в трудах Н.Н. Аблажей: «Депортация армян в Алтайский край в 1949 г.», 2011 [58], «Реэмиграционная программа СССР во второй половине 1940-х гг.», 2018 [59], «С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.)» [60], а также Н.Г. Торосьяна «К вопросу о переселении армян в Алтайский край: исторический аспект» [61] и др.

Н.Н. Аблажей считает, что репатриация позволила Армении почти на треть компенсировать прямые людские потери, понесенные в годы войны, увеличив на 10% численность титульного населения республики [60, с. 4]. Она же отмечает, что «программу возвращения зарубежных армян руководство СССР свернуло по политическим и экономическим причинам и вопреки мнению руководителей Советской Армении» [60, с. 4].

Среди объективных причин прекращения репатриации автор называет «прежде всего то обстоятельство, что массовая репатриация, проведенная преимущественно в 1946–1947 гг., привела к частичному перенаселению и без того густонаселенной республики и обострила продовольственную ситуацию, что обусловило обнищание значительной массы переселенцев и резкое усиление в их среде антисоветских и реиммиграционных настроений» [59, с. 5]. Относи-

тельно политических репрессий в отношении репатриантов Н.Н. Аблажей отмечает, что «в послевоенные годы от политических репрессий пострадали около 4 тыс. бывших зарубежных армян», и что «полторы тысячи армян-репатриантов, добровольно переехавших после Второй мировой войны в Советскую Армению, оказались в числе 12,5 тыс. армян, высланных 14 июня 1949 г. с территории Армении на Алтай как “дашнаки”» [59, с. 6].

Переселение азербайджанцев из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР освещается в целом ряде публикаций современных азербайджанских историков. В этой связи важно отметить, что задача *«исследовать и изучить проблему депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана по решению руководства СССР в 1948–1953 годах на основе достоверных источников, прежде всего архивных документов»*, поставленная перед учеными бывшим президентом Азербайджанской Республики Гейдаром Алиевым» еще 14 января 1998 года» [12, с. 3], была активно подхвачена и реализуется сотрудниками Института Истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана: С. Алиевой [7], Д. Гасанлы [3–5], А. Гурбанлы [6], Н. Мустафой [9], И. Нифталиевым [8].

Данной проблеме также посвящен труд российского исследователя С.В. Мошкина [1, с. 120–130].

Названные авторы рассматривают переселение азербайджанцев из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР в 1947–1953 гг. именно как «депортацию» этнической общности в целях высвобождения территории в Армянской ССР для заселения репатриированных армян. При оценке события переселения азербайджанцев из Советской Армении используется также термин «геноцид» [10].

Одними из первых к данной теме обратились Д. Гасанлы и А. Гурбанлы.

Д. Гасанлы затрагивает ее в своих работах «Турецкий кризис в период "холодной войны" и республики Южного Кавказа. Часть I» [3], «Территориальные претензии Армении к Азербайджану и Грузии. Депортация азербайджанцев из Армении» [4].

В частности, в работе «Турецкий кризис в период "холодной войны" и республики Южного Кавказа» автором раскрывается механизм принятия решения о репатриации армян, цитируем: «Вскоре руководство Армении вновь реанимировало вопрос о репатриации армян, проживающих за рубежом. Так, 27 октября 1945 г. первый секретарь ЦК КП(б) Армении Г. Арутюнов писал И. Сталину, что в последнее время среди зарубежных армян растут патриотические настроения, что позволяет расширить влияние Советского Союза в армянских колониях. Решение этой проблемы во многом будет зависеть от работы с общественными и религиозными объединениями за рубежом, которые сейчас находятся в сфере влияния враждебных СССР организаций» [3, с. 141].

В ноябре Г. Арутюнов еще раз обратился к И. Сталину и Г. Маленкову за окончательным решением вопроса о репатриации. К письму был приложен соответствующий проект решения СНК СССР, подготовленный в Ереване. 21 ноября Политбюро вынесло еще более обширное постановление в связи с обращением ЦК КП(б) Армении. Политбюро постановило: «В связи с возвращением на родину зарубежных армян выразить согласие с предложениями ЦК КП(б) Армении и утвердить проект плана мероприятий СНК СССР по этому вопросу».

В соответствии с решением Политбюро от 21 ноября СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по вопросу возвращения зарубежных армян в Советскую Армению». «Подготовленный совместно с НКВД СССР и состоявший из шести пунктов проект Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило 22 февраля 1946 года» [3, с. 141]. Автор считает, что решением о репатриации армян, проживающих за рубежом, И. Сталин хотел продемонстрировать западным союзникам и всему миру твердость своей позиции в вопросе территориальных требований к Турции, а заодно утвердить в общественном сознании тезис, что для расселения репатриированных армян и нужны земли, затребованные у Турции. И что «советская пропаганда строилась на том, что территория Армянской ССР недостаточна, чтобы вместить всех армян, желающих приехать на историческую родину» [3, с. 141].

В его же работе «Территориальные претензии Армении к Азербайджану и Грузии. Депортация азербайджанцев из Армении» [4] читаем: «3 декабря 1947 года на имя И. Сталина было отправлено совместное письмо М.Дж. Багирова и Г. Арутинова с предложением переселить 130 тысяч азербайджанцев в хлопководческие районы Азербайджана. В нем депортация азербайджанцев со своих исконных земель объяснялась изменениями в хозяйственной жизни обеих республик. Отмечено было, что выход новых земель из-под орошения при осуществлении Мингечаурской системы и нехватка рабочих рук в существующих колхозах хлопковых районов, а также задача поднятия урожайности хлопка требуют увеличения населения в этих районах Азербайджана.

Реальным решением этого вопроса могло быть переселение в эти районы азербайджанского населения, проживающего в Армении, в количестве 130 тысяч человек. Далее в письме приводилось главное обоснование этого решения: "Переселение азербайджанского населения из Армении в Азербайджан облегчило бы многим условия приема и устройства армян, возвращающихся на родину из зарубежных стран. Освобождаемые в результате переселения азербайджанского населения земли и жилища могли бы быть использованы для расселения прибывающих в Армению крестьян из числа зарубежных армян". В письме содержалась просьба создать совместную комиссию для разработки условий и порядка переселения, расходов и т.п.» [4].

Далее Д. Гасанлы пишет: «Но нужны ли были действительно Азербайджану рабочие руки в сельском хозяйстве? На территории республики не было

военных сражений, хотя на фронтах войны Азербайджан понес большие потери. После войны перед страной стояла важнейшая задача восстановления промышленности и строительства. Год назад М.Дж. Багиров направил Г. Маленкову примечательную справку "О потребности рабочей силы для Азербайджанской ССР", в которой указывалось, что для выполнения намеченных мероприятий по подъему добычи нефти потребуется в ближайшие годы дополнительная рабочая сила численностью не менее 25-30 тысяч человек. Кроме того, ощущается большая нужда в рабочей силе на развернувшихся в республике стройках. В частности, на строительстве Мингечаурского гидроузла требуется не менее 15 тысяч человек, в управлении Дашкесанрудстрой – 5 тыс. человек, промышленному и жилищному строительству Азнефти – до 15 тыс. человек, второму водопроводу и другим крупным коммунальным стройкам города Баку – 10 тыс. человек. В целом по республике в ближайшее время требовалось до 80–85 тыс. человек. М.Дж. Багиров предлагал привлечь свободную рабочую силу из Южного Азербайджана». Д. Гасанлы резюмирует: «Как видим, в справке нет ни слова о потребности рабочей силы в сельском хозяйстве Азербайджана!» [4].

Однако в работах некоторых азербайджанских ученых – И.К. Абдуллаева «Перспективы развития сельского хозяйства Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР» (Баку, 1958) [31], Д.Г. Гусейнова «Экономическая роль ирригационного строительства в развитии сельского хозяйства Советского Азербайджана» (Баку, 1964) [34] и других – как раз-таки отмечается нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве Азербайджана и объясняются ее причины.

Что касается предложения первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана М.Д. Багирова «привлечь свободную рабочую силу из Южного Азербайджана», то оно в целом объясняется его «интересом» к территории соседнего Ирана (где проживает большая часть разделенного азербайджанского народа) на фоне политических событий XX века в этой стране (операция по вводу советских войск в Иран 25–27 августа 1941 г. «с целью предотвращения опасности, созданной враждебной деятельностью немцев в Иране, и проникновения туда Германии») [62, с. 40]. Советские войска контролировали север Ирана. При поддержке Москвы в провинции Азербайджан власть перешла к членам Азербайджанской демократической партии, выступавшей за широкую автономию от Тегерана. Азербайджанским демократам удалось оживить экономическую жизнь провинции, провести аграрную реформу, создать условия для культурного развития иранских азербайджанцев [63, с. 67].

Однако предложение М. Багирова «привлечь свободную рабочую силу из Южного Азербайджана» уже было неактуально: последние советские воинские части были выведены из Ирана в 1946 г., а провозглашенная в ноябре-декабре 1945 г. «Автономная Республика Азербайджан» во главе с С.Д. Пишевари пала в декабре 1946 года.

Автономное образование на территории Иранского Азербайджана (Азербайджанская Демократическая Республика) пользовалось поддержкой руководителей Советского Азербайджана в лице М.Д. Багирова. У советского правительства не было единой позиции в отношении Иранского Азербайджана. НКВД СССР выступал за осторожную политику, а представители руководства Советского Азербайджана энергично вмешивались во внутренние дела соседней страны. Официальные иранские власти расценивали деятельность азербайджанских демократов как вооруженный мятеж и попытку расчленения Ирана [63, с. 69].

В этой связи в различных публикациях упоминаются как постановления Совнаркома Союза СССР «интересные» документы: «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана» (март 1944 г.), «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране» (от 10 июня 1945 г.), «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана» (от 6 июля 1945 г.).

21 июня 1945 г. И.В. Сталин подписал постановление ГКО № 9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». Как мы видим, у советского руководства были «большие международные планы» не только по Армении, но и Азербайджану. 5 марта 1946 г. в Фултоне, «характеризуя положение на Среднем Востоке, Черчилль сказал американской аудитории: "Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы"» [63, с. 71].

А. Гурбанлы в своей статье «Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (1947–1953 годы)» [6] отмечает, что данный процесс «начал осуществляться с 1948-го года», охватывал «22 района, 53 населенные пункта республики» и носил «жесткий, насильственный характер». Автором со ссылкой на архивные документы освещается отношение азербайджанского населения к предстоящему переселению. По его мнению, «причина, вызывающая недовольство азербайджанского населения, заключалась и в том, что низменность – место будущего обитания, его климатические условия были губительны для жителей гор и предгорий. <...> Люди открыто выражали беспокойство по поводу климатических условий района переселения, просили правительство заменить предстоящую территорию низменности горными районами и предгорьями <...> азербайджанцы Армении, подлежащие депортации, просят расселить их в Кировабаде – ныне Гянджа, Шамхоре – ныне Шемкир, Товузе, Акстафе, Газахе и под Гянджой» [6, с. 2].

В своих выводах автор подчеркивает как точно установленный факт, что «число азербайджанцев, депортированных из Армении в Азербайджанскую ССР, превышает 100 000 (сто тысяч), а число вернувшихся обратно, колеблется между 15–17 000 (пятнадцатью и семнадцатью тысячами)». И что «этот акт депортации,

осуществленный на государственном уровне в 1948–1950 гг., был продолжением политики депортации Советского государства по отношению ко многим народам в 30–40-е годы XX века». По его мнению, «депортация, проводимая в 1948–1950-е годы насильственно, пренебрегая принципом доброй воли, подвергла азербайджанское население Армянской республики на низменной территории страшным испытаниям, массовым заболеваниям, нужде, в результате которых погибло много безвинных людей, лишенных элементарных человеческих условий жизни. <...> Депортация азербайджанцев из Армении явилась грубейшим нарушением человеческих прав азербайджанских тюрок Советским государством и правительством Армянской республики» [6, с. 4]. Обозначив Кура-Араксинскую низменность как «место будущего обитания», а его климатические условия «губительными для жителей гор и предгорий», автор все же не назвал причину, почему советской властью именно туда было направлено переселение.

С. Алиева в статье «Из истории сталинских репрессий на Кавказе» отмечает, что в СССР «в послевоенный период вновь стала набирать обороты репрессивная активность. Переселения, депортации носили хаотичный характер. Из родных очагов массово выселялись целые семьи, селения, районы. Принудительные переселения были осуществлены, к примеру, в Грузии. Так, из Тбилиси на окраины Грузии были высланы азербайджанские и курдские семьи. В 1948–1953 годы по постановлению "О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР" депортации из родных очагов подверглись сотни тысяч азербайджанцев Западного Азербайджана». По мнению автора, «все это мотивировалось потенциальной возможностью сочувствия мусульманского населения приграничных с Турцией районов» и «фактически это означало, что советское руководство не доверяло мусульманскому населению Кавказа, видело в нем врага, "пятую колонну"» [7, с. 150].

Переселение азербайджанского населения из Армянской ССР на Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР также названо «депортацией азербайджанцев» в трудах и других азербайджанских авторов: И. Нифталиева «"Историческая призма": 1948–1953. Неизвестные факты о депортации азербайджанцев из Армении» [8] и Н. Мустафы «Массовая депортация азербайджанцев из Армянской ССР в 1948–1953 гг.» [9]. Последний подчеркивает, что депортация считается историческим преступлением против азербайджанского народа.

Российский исследователь С.В. Мошкин в своей работе «Забытая депортация. О насильственном переселении этнических азербайджанцев с территории Армянской ССР в 1948–1953 годах», 2020 прямо заявляет, что «переселение это происходило исключительно по этническому признаку. Людей выгоняли с исторически обжитых территорий только за то, что они были азербайджанцами» [1, с. 121]. Автор называет переселение азербайджанцев «принудительной депортацией 53 тыс. этнических азербайджанцев с территории Советской Арме-

нии в 1948–1953 гг.», им рассматривается «политическая подоплека этих событий» [1, с. 121]. Он связывает ее с репатриацией армян в Советскую Армению и считает, что «по сути, депортированные азербайджанцы стали заложниками сталинских устремлений к территориальному переделу мира по итогам Второй мировой войны». По его мнению, «вопрос с расселением армян-репатриантов решили за счет изгнания с обжитых земель азербайджанских семей» [1, с. 126].

Со ссылкой на работу Дж. Гасанлы [5, с. 413] автор пишет: «Ситуация с расселением армян-репатриантов на территории Советской Армении могла оказаться вообще неразрешимой, если бы в СССР одновременно приехали все изначально ожидаемые 350–400 тыс. чел. В действительности, с 1946 по 1949 г. переехать на постоянное жительство в Советскую Армению удалось привлечь не более 90 тыс. переселенцев, а с 1949 г. решением Совета Министров СССР репатриация армян на территорию Советской Армении вообще была официально прекращена». «Так или иначе, решению Москвы переселить этнических азербайджанцев из Советской Армении в Советский Азербайджан не обрадовались в Баку. В Азербайджане, как и в соседней Армении, тоже сказывался *дефицит плодородных земель* (курсив наш. – Авт.), и руководство республики во главе с М. Багировым вовсе не хотело уплотнять *обжитые территории* (курсив наш. – Авт.) дополнительным населением, пусть даже и соплеменниками» [1, с. 126].

Так ведь никто и не собирался переселять людей на плодородные земли и «уплотнять обжитые территории». Стояла цель – в рамках пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства *по Азербайджанской Советской Социалистической Республике* на 1946–1950 годы – решить поставленные народно-хозяйственные задачи: «26. <...>. Развернуть строительные работы по орошению Кура-Араксинской низменности <...>. 67. <...>. В целях увеличения орошаемых площадей для создания зерновой базы и развития хлопководства в Закавказье развернуть строительство Мингечаурского гидроузла с вводом в действие в 1950 г. первой очереди. <...>. 69. Установить посевные площади на 1950 г. в размере 1216 тыс. га. <...> Развернуть работы по орошению и сельскохозяйственному освоению земель Муганской, Ширванской и Мильско-Карабахской степей и освоить в 1946–1950 гг. 112 тыс. га новых орошаемых земель» [26, с. 275, 305–307].

В публикации С.В. Мошкина нет ни слова об этих народно-хозяйственных планах в Кура-Араксинской низменности. Проблема дефицита земель властями решалась, но был также и дефицит трудовых ресурсов для их освоения.

При этом автор в деталях раскрывает ход подготовки данного переселения: «В ответ на высказанное М. Багировым недовольство в ноябре 1947 г. его вызвали в Москву для разговора с И. Сталиным. Результат поездки не замедлил себя ждать: 3 декабря 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) Армянской ССР Г. Арутюнов и первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджанской ССР М. Багиров обратились с письмом на имя И. Сталина с предложением переселить 130 тыс. эт-

нических азербайджанцев с территории Советской Армении в Советский Азербайджан. Уже 23 декабря 1947 г. Совет Министров СССР принимает постановление № 4083 "О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР", а 10 марта 1948 г. дополняет его постановлением № 754 "О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР". Оба документа были подписаны И. Сталиным». Автор резюмирует: «Суть принимаемых решений по насильственному переселению десятков тысяч людей раскрывалась в заключительном пункте документа: «11. Разрешить Совету Министров Армянской ССР освобождаемые азербайджанским населением постройки и жилые дома в связи с переселением их в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР использовать для расселения зарубежных армян, прибывающих в Армянскую ССР» [1, с. 126].

К сожалению, вышеназванными историками совершенно не берутся во внимание причины социально-экономического характера, о них, как правило, авторы либо совсем умалчивают, либо же упоминают вскользь, без соответствующего отражения в выводах. Но они очевидны, если исследовать данное переселение азербайджанцев комплексно с учетом других директив руководства СССР, связанных с народно-хозяйственными планами в регионе Закавказья.

Кроме того, тот факт, что Кура-Араксинская низменность является основным орошаемым районом Азербайджанской Республики и в директивах советской власти в перспективе рассматривалась в качестве *основного экономического района сельскохозяйственного производства* в данной союзной республике, находит свое подтверждение в научных работах (статьи, диссертации, материалы конференции) в первую очередь азербайджанских авторов.

Так, например, в работе советского и азербайджанского академика И.К. Абдуллаева «Перспективы развития сельского хозяйства Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР» (Баку, 1958) дается обстоятельное описание Кура-Араксинской низменности и ее значения для Азербайджана: «В Кура-Араксинскую низменность входят Карабахская, Муганская, Мильская и Ширванская степи. На Кура-Араксинской низменности имеется ряд массивов: Северная Мугань, Центральная Мугань, Южная Мугань, Юго-Восточная Ширвань, Пирсагатская долина, Сальянский массив и т.д. *В пределах Кура-Араксинской низменности расположено 26 административных районов* <...>. Валовая площадь Кура-Араксинской низменности составляет 2080 тыс. гектаров, из них пахотнопригодных земель 1415 тысяч гектаров. Большую часть площади составляет выгонно-пастбищные земли. <...> Климат этой области может быть охарактеризован как умеренно-континентальный, сухой, субтропический с жарким летом. Природные условия <...> обеспечивают успешное возделывание таких цен-

ных сельскохозяйственных культур, как хлопчатник, виноград и плодовые культуры сухих субтропиков (гранат, маслина, инжир)» [32, с. 8].

Автор отмечает: «Добившись расширения посевных площадей в районах Кура-Араксинской низменности, мы имеем серьезные недостатки в области сельскохозяйственного освоения ирригационно подготовленных земель. <...> темпы сельскохозяйственного освоения земель все еще продолжают сильно отставать от темпов водохозяйственного строительства. Особенно неудовлетворительно в сельском хозяйстве используются дренированные земли, причин этого много, главная: продолжающаяся недооценка этих работ со стороны руководителей районов, специалистов сельского хозяйства и местных водных органов. Кроме того, *одним из серьезных обстоятельств в неполном освоении ирригационно-мелиоративно подготовленных земель является отсутствие в ряде хозяйств необходимого количества трудоспособного населения*» [32, с. 15].

Строительство Мингечаурского гидроузла было связано не только с созданием мощной энергетической базы для Баку, Азербайджана и всего Закавказья, но и со строительством гигантской оросительной системы Кура-Араксинской низменности, что, безусловно, требовало привлечение огромных трудовых ресурсов – как для строительства, так и для освоения орошаемых земель. В диссертационном исследовании Д.Г. Гусейнова «Экономическая роль ирригационного строительства в развитии сельского хозяйства Советского Азербайджана» (Баку, 1964) подчеркивается, что «война потребовала перестройки народного хозяйства, и оно в основном стало работать для фронта. Основная масса квалифицированного и трудоспособного населения ушла в армию и в промышленное производство. Значительно сократилось сельское население (по Азербайджану общая численность сельского населения в 1943 г. по сравнению с 1940 г. сократилась более чем на одну четверть, а трудовые ресурсы колхозов – почти наполовину). *Уменьшение трудовых ресурсов, ослабление технической базы оросительных систем, временное прекращение капиталовложений на строительство ирригационных сооружений и другие причины привели к уменьшению посевных площадей сельскохозяйственных культур*» [13, с. 11].

Великая Отечественная война закончилась, и спустя менее чем 2 месяца советская власть вернулась к вопросу о Мингечаурстрое: 6 июля 1945 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1619 «О возобновлении строительства Мингечаурского гидроузла и орошения Кура-Араксинской низменности». О важности этого решения для Азербайджана также читаем у Д.Г. Гусейнова: «Основной задачей сельского хозяйства Азербайджанской ССР в четвертой пятилетке в области земледелия являлось восстановление и развитие орошения в Кура-Араксинской низменности, так как без восстановления и развития искусственного орошения в условиях Азербайджанской ССР не представляется возможности развивать сельское хозяйство, в особенности хлопководство и зерно-

вые культуры» [13, с. 11]. «В годы четвертой пятилетки улучшение водообеспеченности, правильное и экономное использование водных ресурсов, усиление интенсификации сельскохозяйственного производства, правильное применение агротехнических мероприятий и применение механизации в сельском хозяйстве оказало большое влияние на рост сельскохозяйственной продукции, особенно, на рост хлопководства. <...> по сравнению с 1945 г. в 1946 г. производство хлопка-сырца поднялось на 172%, в 1947 г. – 193,1%, в 1948 – 218,8% и в 1949 г. составило на 197,5%. <...>. К концу 1949 г. было проделано 3 347 250 кубометров земляных работ, на что затрачено 1 040 652 человеко-дней. <...>. В 1949 г. государством израсходовано на ирригационные мероприятия более чем 5 млн рублей. За эти же годы орошаемые площади по республике увеличились более чем на 14,6 тыс. гектаров» [13, с. 12–13].

Н. Агаев пишет, что «благодаря Мингячевирскому гидроузлу в Азербайджане еще в пятидесятых годах прошлого века была в основном решена проблема электроснабжения промышленности и сельского хозяйства, созданы условия для орошения более одного миллиона гектаров засушливых земель в хлопководческих зонах республики, фактически ликвидирована опасность наводнения, в Кура-Араксинской низменности было покончено с малярией» [35].

В настоящей работе предлагается восполнить имеющиеся пробелы в освещении истории проблемы с привлечением как новых, так и ранее опубликованных источников, с учетом и политических, и народнохозяйственных задач советской власти в регионе Закавказья.

Выводы и Результаты. Комплексный подход в изучении проблемы на основе анализа исторической литературы, ранее опубликованных источников (решений ЦК ВКП(б)/КПСС и правительства СССР по хозяйственным вопросам, принятых в годы третьей – пятой пятилеток (1938–1955), а также вновь выявленных архивных документов из фондов ГА РФ (Р 5446 / Совет Министров СССР / Оп. 1. Протоколы и постановления Совета Народных Комиссаров и Совета Министров СССР, подлинники, 1923–1991 гг.) позволяет максимально широко и объективно представить историю исследуемой проблемы в контексте реализации как политических, так и народно-хозяйственных задач и планов Союза ССР в Закавказье в указанные годы – в интересах государства и его субъектов в данном регионе, для развития социально-экономической жизни союзных республик. Такой подход позволяет сделать вывод, что переселение армян из-за границы (репатриация) в Советскую Армению и переселение азербайджанцев из Армянской ССР в Азербайджанскую ССР хотя и взаимосвязаны на определенном этапе (декабрь 1947 г.), но первое событие не является причиной второго.

(Продолжение следует)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мошкин С.В. Забытая депортация. О насильственном переселении этнических азербайджанцев с территории Армянской ССР в 1948–1953 годах // Исторический курьер. – 2020. – № 4 (12). – С. 120-130.
2. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост.: О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк и др. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.
3. Гасанлы Д.П. Турецкий кризис в период «холодной войны» и республики Южного Кавказа. Часть I // Кавказ & Глобализация. – 2008. – Т. 2. Вып. 4. – С. 129-144.
4. Гасанлы Д.П. Территориальные претензии Армении к Азербайджану и Грузии. Депортация азербайджанцев из Армении // ИА Регнум. 10 августа, 2011. – URL: <https://regnum.ru/news/1433956/> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Гасанлы Д.П. СССР – Турция: полигон холодной войны / Джамиль Гасанлы. – Баку: Адилоглы, 2005. – 553 с.
6. Гурбанлы А. Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (1947–1953 годы) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 6.
7. Алиева С.И. Из истории сталинских репрессий на Кавказе // Современная научная мысль. – 2013. – № 14. – С. 138-152.
8. Нифталиев И. «Историческая призма»: 1948–1953. Неизвестные факты о депортации азербайджанцев из Армении. 22 декабря 2014. – URL: <https://news.day.az/politics/541547.html> (дата обращения: 03.12.2024).
9. Назим Мустафа. Массовая депортация азербайджанцев из Армянской ССР в 1948–1953 гг. – URL: <https://soyqirim.az/ru/link/6221> (дата обращения: 03.12.2024).
10. Пашаев А. Геноцид, депортация и территориальные претензии армян к азербайджанскому народу (XIX–XX вв.). – Баку: Элм ве техсил, 2013. – URL: https://genocide.preslib.az/ru_b1.html (дата обращения: 30.11.2024).
11. Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (1948–1953 гг.). Сборник документов / Отв. ред. А. Пашаев. – Баку: Zardabi LTD, ММС. – 784 с.
12. Депортация азербайджанцев из Армянской ССР (Западного Азербайджана) в 1948–1953 гг. Статьи и документы / Ред. Д. Бахрамов. – Баку: Парлаг Имзалар, 2024. – 112 с. – URL: Deportasiya.KitabES.pdf.
13. Гусейнов Д.Г. Экономическая роль ирригационного строительства в развитии сельского хозяйства советского Азербайджана. – Баку: АзГУ им. С.М. Кирова, 1964.

14. Рамазанова Д.Ш. Возвращение представителей этнических общностей Дагестанской АССР (аварцы, даргинцы и др.) из восстановленной Чечено-Ингушской АССР в 1957–1960-е гг. и работа органов государственной власти по их обустройству // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 4. – С. 88-99.
15. Рамазанова Д.Ш. Обреченные на переселение: кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия ДГПУ. – Махачкала, 2011. – № 2. – С. 60-69.
16. Рамазанова Д.Ш. Дагестан в составе России: административно-политический статус территории и актуальные проблемы национальной политики (1921–2017 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М.: РГГУ, 2021. – Т. 2. – С. 119-121, 145-146.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1967. – 800 с.
18. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Мандельштам Ю.И. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
19. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР за 1940 г. № 16-32 / Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров СССР. – М.: Б. и., б. г. – 562 с. (с. 525 по 1084).
20. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. № 1-15 / Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров СССР. – М.: Б. и., б. г. – 524 с.
21. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А.И. Османов. Том I. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 348 с.
22. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1946–1995 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А.И. Османов. Том II. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 220 с.
23. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Док., факты, коммент. – М.: Капъ, 1994.
24. Электрификация СССР. Сборник документов и материалов 1926–1932 гг. – М., 1966.
25. Энергетические ресурсы СССР: Гидроэнергетические ресурсы / Под ред. А.Н. Вознесенского (1967). – М.: Наука, 1967. – 598 с.
26. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – 754 с.

27. «Особая папка» Л.П. Берии. 1947 год // Архив новейшей истории России. Сер.: Каталоги. Т. IV. Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1946–1949 гг. – М., 1996.
28. Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Сост.: М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
29. Попов Е. Вопросы архитектуры гидротехнических сооружений (из опыта проектирования гидроузла Мингечаурской ГЭС) // Советская архитектура. – 1954. – № 10. – С. 16-21.
30. Материалы научно-производственной конференции, посвященной изучению и освоению Кура-Араксинской низменности и Мингечаурского гидроузла. – Баку, 1957.
31. Эфендизаде А.А. Мингечаурский гидроузел. – М., 1957.
32. Абдуллаев И.К. Перспективы развития сельского хозяйства Кура-Араксинской низменности Азербайджанской ССР. – Баку: АН АзССР, 1958. – URL: <https://www.onlinebotany.az/pdf/u6.pdf>
33. Доманский В.Е. Строительство Мингечаурского комплекса гидротехнических сооружений (Мингечаурский и Варваринский гидроузлы). – М.-Л.: Госэнергоиздат, 1960.
34. Перлин В.М. Архитектура гидротехнического узла (на материалах канала им. Москвы, Верхневолжского и Мингечаурского гидроузлов): дис. ... канд. архитектуры / Перлин Виктор Михайлович; Моск. архит. ин-т. – Москва, 1954.
35. Агаев Н. Укрощение Куры. 10 января исполнилось ровно 60 лет со дня пуска первой очереди Мингечевирской гидроэлектростанции // Азербайджанские известия. 15 января 2014 г. – URL: <https://anl.az/down/meqale/azerizv/2014/yanvar/346924.htm> (дата обращения: 20.09.2024).
36. Нуриева К.Г. Современное состояние орошаемых земель Кура-Араксинской низменности Азербайджана // Бюллетень науки и практики. – 2023. – Т. 9. № 5. – С. 157-161.
37. По решению Правительства Союза ССР / Сост., авт. введ., коммент. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 922 с.
38. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 496 с.
39. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М.: РОССПЭН, 2004.
40. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 гг. Архив Сталина / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2004. – 736 с.

41. Сталинские депортации. 1928–1953. Сер.: Россия. XX век. Документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД 6 Материк, 2005. – 904 с.
42. Курды СССР – России: трасса длиною в 100 лет ... Документальная история / Предисл., заключ., коммент., сост.: гл. н. с., д.и.н., проф. ИРИ Н.Ф. Бугай, д.и.н. М.И. Мамаев. – Тула: Аквариус, 2014. – 564 с.
43. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД: Материк, 2007. – 656 с.
44. Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.: Сб. док. –Т. 2. – Алматы: LEM, 2014. – 740 с.
45. Депортация армян 14 июня 1949 года: Сб. док. и мат. / Сост. Н.Н. Аблажей; отв. ред.: Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. – Новосибирск: Наука, 2016. – 230 с.
46. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. – М.: Гриф и К, 2014. – 420 с.
47. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. – М., 2009.
48. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитация граждан: история и историография (XX – начало XXI в.). – М.: Гриф и К, 2012.
49. Бугай Н.Ф. Азербайджан: прошлое уступает место настоящему (советский и постсоветский периоды) // Историческая и социально-образовательная мысль, 2023. – Т. 15. № 3. – С. 16 – 57.
50. Алиева С.И. Сталинские репрессии в Азербайджане. – URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2017/04/25/> (дата обращения: 20.09.2024).
51. Мусагалиева С., Мусабекова Р.М. Депортация азербайджанцев в Казахстан (1930–1940 гг.) // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. – 2019. – № 4 (96). – С. 46-54.
52. Джалилов А.М., Шашаев А.К., Мулдахметова Ж.И., Джолдыбаев Ж.Т. Психологические и социальные последствия сталинских репрессий и депортаций: исследование наследия 1920–1950-х годов в постсоветском обществе // Вестник Атырауского университета им. Х. Досмухамедова. – 2025. – № 4 (79). – С. 27-39.
53. Политбюро и дело Берия: Сб. док. / Сост.: О.Б. Мозохин, А.Ю. Попов. – М.: Кучково поле, 2012. – 1088 с.
54. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
55. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пос. – Алматы: Дайк-пресс, 2001. – С. 427-428.

56. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: Арыс; Қазақстан, 1998. – С. 152, 153.
57. Жигулина О.В. Политические аспекты миграции в Закавказье в составе СССР // Власть. – 2015. – № 9. – С. 69-72.
58. Аблажей Н.Н. Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 47-53.
59. Аблажей Н.Н. Реэмиграционная программа СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – Вып. 3 (42). – С. 116-124.
60. Аблажей Н.Н. С чужбины на чужбину... Армянские иммигранты в алтайской ссылке (1949–1958 гг.). – Новосибирск: Наука, 2018. – 320 с.
61. Торосян Н.Г. К вопросу о переселении армян в Алтайский край: исторический аспект // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4 (80). – Т. 1. – С. 75-79.
62. Ковалевский Н.Ф. Советские войска в Иране. 1941–1946 гг. // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 5. – С. 40.
63. Кочешков А.А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» в 40–50 гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. – 2009. – № 3. – С. 63-79.

REFERENCES

1. Moshkin S.V. Forgotten Deportation. Forced Resettlement of Ethnic Azerbaijanis from the Territory of the Armenian SSR in 1948–1953. Historical Courier, 2020, No. 4(12), pp. 120-130. [Available online]
2. Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of Ministers of the USSR. 1945–1953. Comp.: O. V. Khlevnyuk, I. Gorlitsky, L. P. Kosheleva, A. I. Minyuk, et al. Moscow: ROSSPEN, 2002. 656 p.
3. Gasanly D. P. The Turkish Crisis during the Cold War and the Republics of the South Caucasus. Part I. Caucasus & Globalization. 2008. Vol. 2. Issue 4. Pp. 129-144.
4. Gasanly D. P. Territorial Claims of Armenia against Azerbaijan and Georgia. Deportation of Azerbaijanis from Armenia. Regnum News Agency. August 10, 2011. URL: <https://regnum.ru/news/1433956/> (date of access: November 30, 2024).
5. Gasanly D.P. USSR – Turkey: a testing ground of the Cold War. Jamil Gasanly. Baku: Adiloglu, 2005. 553 p.

6. Gurbanly A. Deportation of Azerbaijanis from the Armenian SSR (1947–1953). Actual problems of the humanitarian and natural sciences. 2009. No.6.
7. Aliyeva S.I. Iz istorii stalinskikh repressiy na Kavkaze. Sovremen-naya nauchnaya mysl'. – 2013. № 14. P. 138-152.
8. Niftaliyev I. «Istoricheskaya prizma»: 1948–1953. Neizvestnyye fakty o deportatsii azerbaydzhantsev iz Armenii. 22 dekabrya 2014. URL: <https://news.day.az/politics/541547.html> (data obrashcheniya: 03.12.2024).
9. Nazim Mustafa. Massovaya deportatsiya azerbaydzhantsev iz Armyanskoy SSR v 1948–1953 gg. URL: <https://soyqirim.az/ru/link/6221> (data obra-shcheniya: 03.12.2024).
10. Pashayev A. Genotsid, deportatsiya i territorial'nyye pretenzii arмян k azerbaydzhanskomu narodu (XIX–XX vv.). Baku: Elm ve tekhsil, 2013. URL: https://genocide.preslib.az/ru_b1.html (data obrashcheniya: 30.11.2024).
11. Deportatsiya azerbaydzhantsev iz Armyanskoy SSR (1948–1953 gg.). Sbornik dokumentov. Otv. red. A. Pashayev. Baku: Zardabi LTD, MMC. 784 p.
12. Deportatsiya azerbaydzhantsev iz Armyanskoy SSR (Zapadnogo Azerbaydzhana) v 1948–1953 gg. Stat'i i dokumenty. Red. D. Bakhrarov. Baku: Parlag Imzalar, 2024. 112 p. URL: [Deportasiya.KitabES.pdf](#).
13. Guseynov D.G. Ekonomicheskaya rol' irrigatsionnogo stroitel'stva v razvitii sel'skogo khozyaystva sovetskogo Azerbaydzhana. Baku: AzGU im. S.M. Ki-rova, 1964.
14. Ramazanova D.SH. Vozvrashcheniye predstaviteley etnicheskikh obshchnostey Dagestanskoy ASSR (avartsy, dargintsy i dr.) iz vosstanovlennoy Che-cheno-Ingushskoy ASSR v 1957–1960-ye gg. i rabota organov gosudar-stvennoy vlas-ti po ikh obustroystvu Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2018. № 4. P. 88-99.
15. Ramazanova D.SH. Obrechennyye na pereseleniye: kvarel'skiy vopros v resh-eniyakh vlastey v sovetskiy i postsovetskiy periody. Izvestiya DGPU. Ma-khachkala, 2011. № 2. P. 60-69.
16. Ramazanova D.SH. Dagestan v sostave Rossii: administrativno-politicheskiy status territorii i aktual'nyye problemy natsional'noy politiki (1921–2017 gg.): Dis. ... d-ra ist. nauk. M.: RGGU, 2021. T. 2. P. 119-121, 145-146.
17. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 2. 1929–1940 gg. Sost. K.U. Chernenko, M.S. Smir-tyukov. M.: Politizdat, 1967. 800 s.
18. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g., pod red. Mandel'shtam YU.I. M.: Gosudar-stvennoye iz-datel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956.
19. Sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy Pravitel'stva SSSR za 1940 g. № 16-32. Upr. Delami Soveta Narod. Komissarov SSSR. M.: B. i., b. g. 562 p. (p. 525 po 1084).

20. Sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR za 1940 g. № 1-15. Upr. Delami Soveta Narod. Komissarov SSSR. M.: B. i., b. g. 524 p.
21. Agrarnyy vopros i pereseleniye gortsev Dagestana na ravninu (1920–1945 gg.). Dokumenty i materialy. Otv. red. A.I. Osmanov. Tom I. Makhachkala: Nauka plyus, 2006. 348 p.
22. Agrarnyy vopros i pereseleniye gortsev Dagestana na ravninu (1946–1995 gg.). Dokumenty i materialy. Otv. red. A.I. Osmanov. Tom II. Makhachkala: Nauka plyus, 2006. – 220 p.
23. Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingushi: Dok., fakty, komment. M.: Kap', 1994.
24. 4. Elektrifikatsiya SSSR. Sbornik dokumentov i materialov 1926–1932 gg. M., 1966.
25. Energeticheskiye resursy SSSR: Gidroenergeticheskiye resursy. Pod red. A.N. Voznesenskogo (1967). M.: Nauka, 1967. 598 p.
26. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 3. 1941–1952 gg. Sost. K.U. Chernenko, M.S. Smir-tyukov. M.: Politizdat, 1968. 754 p.
27. «Osobaya papka» L.P. Berii. 1947 god. Arkhiv noveyshey istorii Ros-sii. Ser.: Katalogi. T. IV. Iz materialov Sekretariata NKVD–MVD SSSR 1946–1949 gg. M., 1996.
28. Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956: Dok. i materialy, Sost.: M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, T.V. Tsarevskaya. M.: Logos, 2000. 1120 p.
29. Popov Ye. Voprosy arkhitektury gidrotekhnicheskikh sooruzheniy (iz opy-ta proyektirovaniya gidrouzla Mingechaurskoy GES). Sovetskaya arkhi-tektura. 1954. № 10. P. 16-21.
30. Materialy nauchno-proizvodstvennoy konferentsii, posvyashchennoy izucheniyu i osvoyeniyu Kura-Araksinskoy nizmennosti i Mingechaurskogo gidrouzla. Baku, 1957.
31. Efendizade A.A. Mingechaurskiy gidrouzel. M., 1957.
32. Abdullayev I.K. Perspektivy razvitiya sel'skogo khozyaystva Kura-Araksinskoy nizmennosti Azerbaydzhanskoy SSR. Baku: AN AzSSR, 1958. URL: <https://www.onlinebotany.az/pdf/u6.pdf>
33. Domanskiy V.Ye. Stroitel'stvo Mingechaurskogo kompleksa gidrotekhnicheskikh sooruzheniy (Mingechaurskiy i Varvarinskiy gidrouzly). M.-L.: Gosenergoizdat, 1960.
34. Perlin, V. M. Arkhitektura gidrotekhnicheskogo uzla (na materialakh kanala im. Moskvyy, Verkhnevolzhskogo i Mingechaurskogo gidrouzlov) : dis. ... kand. arkhi-tektury. Perlin Viktor Mikhaylovich ; Mosk. arkhi-tekt. in-t. Moskva, 1954.
35. Agayev N. Ukroshcheniye Kury. 10 yanvarya ispolnilos' rovno 60 let so dnya puska pervoy ocheredi Mingyachevirkoy gidroelektrostantsii. Azer-

- baydzhanskiye izvestiya. 15 yanvarya 2014 g. URL: <https://anl.az/down/meqale/azerizv/2014/yanvar/346924.htm> (data obrashcheniya: 20.09.2024).
36. Nuriyeva K.G. Sovremennoye sostoyaniye oroshayemykh zemel' Kura-Araksinskoy nizmennosti Azerbaydzhana. Byulleten' nauki i praktiki. 2023. T. 9. № 5. P. 157-161.
37. Po resheniyu Pravitel'stva Soyuza SSR. Sost., avt. vved., komment. N.F. Bugay, A.M. Gonov. Nal'chik: El'-Fa, 2003. 922 p.
38. TSK VKP(b) i regional'nyye partiynyye komitety. 1945–1953. Sost.: V.V. Denisov, A.V. Kvashonkin i dr. M.: ROSSPEN, 2004. 496 p.
39. Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobraniye dokumentov v 7-mi tomakh. T. 1. Massovyye repressii v SSSR. M.: ROSSPEN, 2004.
40. Lubyanka. Stalin i Glavnoye upravleniye gosbezopasnosti NKVD. 1937–1938 gg. Arkhiv Stalina / Pod red. akad. A.N. Yakovleva. M.: MFD, 2004. 736 p.
41. Stalinskiye deportatsii. 1928–1953. Ser.: Rossiya. XX vek. Dokumenty. Pod red. akad. A.N. Yakovleva. M.: MFD 6 Materik, 2005. 904 p.
42. Kurds of the USSR - Russia: a route 100 years long ... Documentary history. Preface, conclusion, commentary, compilation: ch. n. s., doctor of historical sciences, prof. IRI N.F. Bugay, Doctor of Historical Sciences M.I. Mamaev. Tula: Aquarius, 2014. 564 p.
43. Lubyanka. Stalin i MGB SSSR. Mart 1946 – mart 1953: Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti / Sost. V.N. Khau-stov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M.: MFD: Materik, 2007. 656 p.
44. Iz istorii deportatsiy. Kazakhstan. 1935–1939 gg.: Sb. dok. T. 2. Al-maty: LEM, 2014. 740 p.
45. Deportatsiya armyan 14 iyunya 1949 goda: Sb. dok. i mat. Sost. N.N. Ablazhey; otv. red.: N.N. Ablazhey, G. Kharatyan. Novosibirsk: Nauka, 2016. 230 p.
46. Bugai N.F. Kavkaz. Etnicheskiye men'shinstva: proshloye i nastoyashcheye. M.: Grif i K, 2014. 420 p.
47. Bugai N.F., Mamayev M.I. Turki-meskhetyntsy: Gruzziya, Uzbekistan, Rossiya, SSHA. M., 2009.
48. Bugai N.F. Problemy repressiy i rehabilitatsiya grazhdan: istoriya i istoriografiya (KHKH – nachalo XXI v.). M.: Grif i K, 2012.
49. Bugai N.F. The past gives place to the present (the soviet and postsoviet periods). Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 3. P 16 – 57.
50. Aliyeva S.I. Stalinskiye repressii v Azerbaydzhane. URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2017/04/25/> (data obrashcheniya: 20.09.2024).

51. Musagaliyeva S., Musabekova R.M. Deportatsiya azerbaydzhantsev v Kazakhstan (1930–1940 gg.). Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser.: Istoriya. Filosofiya. 2019. № 4 (96). P. 46-54.
52. Dzhallilov A.M., Shashayev A.K., Muldakhmetova ZH.I., Dzholdybayev ZH.T. Psikhologicheskiye i sotsial'nyye posledstviya stalinskikh repressiy i deportatsiy: issledovaniye naslediya 1920–1950-kh godov v postsovetском obshchestve. Vestnik Atyrauskogo universiteta im. KH. Dosmukhamedova. 2025. № 4 (79). P. 27-39.
53. Politbyuro i delo Beriya: Sb. dok. Sost.: O.B. Mozokhin, A.YU. Popov. M.: Kuchkovo pole, 2012. 1088 p.
54. Zemskov V.N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. M.: Nauka, 2003. 306 p.
55. Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury: Ucheb. pos. Almaty: Dayk-press, 2001. P. 427-428.
56. Deportirovannyye v Kazakhstan narody: vremya i sud'by. Almaty: Arys; Kazakhstan, 1998. P. 152, 153.
57. Zhigulina O.V. Politicheskiye aspekty migratsii v Zakavkaz'ye v sostave SSSR. Vlast'. 2015. № 9. P. 69-72.
58. Ablazhey N.N. Deportatsiya armyan v Altayskiy kray v 1949 g.. Gumanitarnyye nauki v Sibiri. 2011. № 1. P. 47-53.
59. Ablazhey N.N. Reemigratsionnaya programma SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh gg.. Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2018. Vyp. 3 (42). P. 116-124.
60. Ablazhey N.N. S chuzhbiny na chuzhbinu... Armyanskiye immigranty v altayskoy ssylke (1949–1958 gg.). Novosibirsk: Nauka, 2018. 320 p.
61. Torosyan N.G. K voprosu o pereselenii armyan v Altayskiy kray: isto-richeskiy aspekt. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universite-ta. 2013. № 4 (80). T. 1. P. 75-79.
62. Kovalevskiy N.F. Sovetskiye voyska v Irane. 1941–1946 gg.. Voenno-istoricheskiy zhurnal. 2006. № 5. P. 40.
63. Kocheshkov A.A. Neft'i okhlazhdeniye sovetsko-iranskikh otnosheniy na rannem etape «kholodnoy voyny» v 40–50 gg. KHKH v.. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Vseobshchaya istoriya. 2009. № 3. P. 63-79.

Информация об авторах: Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. г. Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Рамазанова Дильшад Шагидиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Дагестанского государственного университета, государственный советник Республики Дагестан III класса; 367000, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8.

ORCID Id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Bugai Nikolay Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Councilor of the Russian Federation of the III class. Ulyanova str., 19, 117292

Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Ramazanova Dilshad Shagidinovna – Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Russian History, Dagestan State University, State Councilor of the Republic of Dagestan of the III class. 8 Korkmasov Street, Makhachkala, 367000.

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0001-7780-7257>

dilshad73@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 17.05.2026

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests.

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-75-91

УДК 94(47+57)

EDN TKCRMU

Игорь Григорьевич Иванцов

Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко

г. Краснодар, Россия

Orcid iD: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IG23@yandex.ru

**ПРОВЕРКА ЛОЯЛЬНОСТИ ПАРТИИ – ПЕРЕРЕГИСТРАЦИЯ ЧЛЕНОВ
ВКП(б) В БРЮХОВЕЦКОМ И КРОПОТКИНСКОМ РАЙОНАХ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ. 1943–1944 гг.**

Аннотация. Основной целью статьи является изучение и более полное раскрытие деятельности партийных организаций ВКП(б) на Кубани в период Великой Отечественной войны, во время и после освобождения территории Краснодарского края от немецких оккупантов с января 1943 по август 1944 г., в чем, собственно, и состоит актуальность данной статьи. Одной из задач было возобновление либо новая организация структуры партийных организаций целых городов и районов, уничтоженных врагом. Вновь начинали работу районные комитеты ВКП(б), партийные организации при райисполкомах, ячейки в организациях, учреждениях, на предприятиях, в колхозах, сельсоветах, первичные партийные организации в РО НКГБ, РО НКВД и т.д. Источниковой базой статьи стали неопубликованные архивные документы 1943–1944 гг., хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). По своему содержанию это информационные сводки, протоколы заседаний районных комитетов ВКП(б), материалы проверок коммунистов, которые в конце июля – начале августа 1942 г., когда началось наступление немецких войск на территорию Кубани, не эвакуировались в советский тыл. Пребывание коммунистов в оккупации было для них тяжелым и мучительным испытанием. Они скрывали от немцев свою принадлежность к ВКП(б), уничтожали партийные билеты. Многие из них ради заработка устраивались на работу в колхозы и на предприятия, контролируемые немецкой оккупационной администрацией. После изгнания немец-

ких войск и восстановления советских и партийных властных структур они проходили перерегистрации и процедуры проверок членов партии. От них требовали сведения о пребывании и роде своих занятий на оккупированной территории, их массово исключали из партии за проявления трусости (за отказ эвакуации в советский тыл) и утерю (либо намеренное уничтожение) партийного билета. Большинство из прошедших проверки-перерегистрации никакой реальной вины не имели.

Ключевые слова: ВКП(б), восстановление партийной структуры, коллаборационизм, лояльность к врагу, перерегистрация, проверка на лояльность

Для цитирования: Иванцов И.Г. Проверка лояльности партии – перерегистрация членов ВКП(Б) в Брюховецком и Кропоткинском районах Краснодарского края. 1943–1944 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Том 18. № 3. С. 75-91 EDN: TKCRMU
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-75-91

Original article

VERIFICATION OF THE PARTY'S LOYALTY - RE-REGISTRATION OF MEMBERS OF THE VKP (B) IN THE BRYUKHOVETSKY AND KROPOTKINSKY DISTRICTS OF THE KRASNODAR KRAI. 1943–1944.

Igor G. Ivantsov

Krasnodar Higher Military College named after S.M. Shtemenko,
Krasnodar, Russia

Orcid iD: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

Annotation. The main objective of this article is to study and more fully disclose the activities of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) party organizations in Kuban during the Great Patriotic War, during and after the liberation of the Krasnodar Territory from the German occupiers from January 1943 to August 1944, which is, in fact, the relevance of this article. One of the tasks was the restoration or reorganization of the structure of party organizations in entire cities and districts destroyed by the enemy. District committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), party organizations at district executive committees, cells in organizations, institutions, enterprises, collective farms, village councils, primary party organizations in the regional departments of the NKGB and the regional department of the NKVD, etc., resumed their work. The source material for this article is unpublished archival documents from

1943–1944, stored in the Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory (TsDNIKHK). These are information summaries, minutes of meetings of district committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and materials from checks of communists who, in late July and early August 1942, when German troops began their offensive into the Kuban region, did not evacuate to the Soviet rear. The communists' stay under occupation was a difficult and painful ordeal. They concealed their affiliation with the All-Union Communist Party (Bolsheviks) from the Germans and destroyed their party cards. Many of them, in order to earn money, found work on collective farms and at enterprises controlled by the German occupation administration. After the expulsion of German troops and the restoration of Soviet and party power structures, they underwent re-registration and checks of party membership. They were required to provide information about their stay and occupation in the occupied territory, and they were expelled from the party en masse for acts of cowardice (for refusing evacuation to the Soviet rear) and the loss (or deliberate destruction) of their party cards. Most of those who underwent checks and re-registration were innocent of any real guilt.

Keywords: VKP(b), restoration of the party structure, collaborationism, loyalty to the enemy, re-registration, loyalty test

For citation: Ivantsov I.G. Verification of the party's loyalty - re-registration of members of the VKP (B) in the Bryukhovetsky and Kropotkinsky districts of the Krasnodar krai. 1943–1944. Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No.3. P. 75-91 (In Russ.). EDN: TKCRMU
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-75-91

Введение. Актуальность исследования проблем наказания членов ВКП(б), не выполнивших распоряжение партии об эвакуации в тыловые районы в военный период и оставшихся на захваченных врагом территориях, имеет много граней. Объективный подход при реконструкции исторической действительности способствует более глубокому пониманию реалий военного времени, расширяет представление о социальных и политических отношениях между властью и населением, внутрипартийных установках по отношению к рядовым членам ВКП(б). Основной целью статьи является пополнение фактологической базы данных по истории повседневной действительности городов и районов Кубани в годы Великой Отечественной войны.

Основным источником для написания статьи стали архивные документы: Фонда–1390. Брюховецкий районный комитет КПСС. 1924–1991 гг.; Фонда–1724. Кропоткинский районный комитет ВКП(б). 1924–1943 гг.; Фонда–1820.

Кавказский районный комитет КПСС Краснодарского края. 1943–1988 гг.; Фонда–2061. Кропоткинский городской комитет КПСС. 1943–1991 гг.; Фонда–2507. Верхне-Баканский районный комитет КПСС. 1939–1953 гг. Все они находятся на хранении в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), г. Краснодар. В фондах отложились документы, созданные в период Великой Отечественной войны, в частности, датируемые с января 1943 года по август 1944 года. По своему содержанию это информационные сводки, протоколы заседаний районных комитетов ВКП(б), материалы проверок и расследований контрольных дел коммунистов, осуществляемых райкомами партии и органами РО НКВД.

Публикация имеет ограниченный объем, в связи с чем в статье дан краткий анализ работ, отражающих избранную автором тему.

Источниковедческую статью о случаях коллаборационизма на оккупированной части Центрально-Черноземного региона в 1941–1943 гг. опубликовал И.П. Цуканов [1]. Исследования о коллаборационистах Курской области в 1941–1943 гг. провели и опубликовали С.В. Богданов и В.Г. Остапюк [2], И.В. Феклистова и С.В. Богданов [3] и др.

Мерам ответственности для нацистских военных преступников, их пособников и коллаборационистов в советском уголовном праве периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посвятил свое исследование М.Д. Русс [4]. Деятельности НКГБ (МГБ) Чувашской АССР по проверке участников коллаборационистских формирований в 1945–1952 гг. посвящена статья В.В. Ахмеева [5]. Деятельность работников милиции в борьбе с дезертирством в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской республики) изучал Н.В. Иванов [6].

Характер и цели оккупационного режима в период 1941–1944 гг. стали темой монографии Б.Н. Ковалева [7].

Историография темы коллаборационизма на Северном Кавказе в период Великой Отечественной также обширна. Ее различные аспекты изучали и продолжают изучать многие исследователи. Для примера можно привести статьи С.И. Линец [8], Е.И. Журавлева [9].

Ряд статей по теме расследований личных дел коммунистов и уточнения потерь партийной организации ВКП(б) города Ейска [10], перерегистрации членов ВКП(б) как форме проверки их лояльности советской власти в 1943–1944 гг. [11], истории проверок коммунистов на предмет деятельности и род занятий в оккупированных районах Кубани [12] опубликовал И.Г. Иванцов.

Истории проявлений коллаборационизма на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) посвящен сборник документов, изданный Сочинским государственным университетом туризма и курортного дела [13], и др.

Методы исследования. В статье были использованы историко-сравнительный и хронологический методы исторического исследования, а также методы и приемы, характерные для таких исторических направлений, как история повседневности и микроистория, позволившие решить поставленную цель. В статье использован микроисторический подход, где объектом исследования являются локальные исторические события, позволяющие глубже понять всю глубину драматизма в жизни людей этого сложного периода, незаслуженно обвиняемых в коллаборационизме, когда действующая власть восстанавливала свой порядок.

Обсуждение. Начиная с января 1943 года, в связи с постепенным освобождением районов Краснодарского края от войск оккупантов, местные органы ВКП(б) также постепенно восстанавливали свой кадровый состав и структуру. Все члены партии, находившиеся в уже освобожденных районах, подлежали обязательной перерегистрации. Все коммунисты районных (городских) партийных организаций Краснодарского края, которые по различным причинам остались на временно оккупированной территории, проверялись на предмет деятельности и род занятий в период безвременья. Выявлялось наличие фактов их возможного (либо предполагаемого) сотрудничества с оккупационной властью [14, л. 9-10].

До немецкой оккупации Брюховецкого района Краснодарского края (до 06.08.1943 г.) в районной парторганизации ВКП(б) на учете состояло 188 членов и 39 кандидатов, всего 227 человек.

После освобождения района (05.02.1943 г.) Брюховецким райкомом ВКП(б) была объявлена и начала проводиться перерегистрация коммунистов. По состоянию на 2 марта 1943 г. было взято на учет 119 человек, 95 членов и 24 кандидата ВКП(б).

Из этих 119 человек без разрешения райкома находились на оккупированной немцами территории 78 человек, из них партийные документы не имел 51 человек. Прошли регистрацию у немцев как коммунисты 40 человек.

Из оставшихся в оккупации коммунистов на немцев работали три человека в должности управляющих колхозами.

Район был полностью освобожден только 10 февраля 1943 г. По состоянию на 2 февраля 1943 г. начавший действовать аппарат (временный) Брюховецкого райкома ВКП(б) состоял из четырех человек: двух секретарей, одного помощника секретаря и партийного инструктора. В то же время РО НКВД в основном был сразу укомплектован работниками.

В районе еще не были назначены прокурор, судья, управляющий госбанком, председатель РПС (Районного потребительского союза). На должности руководителей промышленных предприятий, колхозов и других учреждений работники были назначены, но еще не были проверены в достаточной степени.

В связи с тем, что основные работники прибыли в район только через семь дней после его освобождения, первые митинги и собрания в населенных пунктах были проведены представителями Красной Армии [15, л. 2-3].

На 10 апреля личный состав принятых на учет коммунистов в районе увеличился до 150 человек. Было зарегистрировано 126 членов партии и 24 кандидата: мужчин – 101 и женщин – 49. Из этого числа на оккупированной территории находились 100 человек. На месте в районе остались 65 человек. Отправились в эвакуацию, но были отрезаны противником и также остались в районе – 35 человек. На советской (неоккупированной территории) находились 50 человек.

Из зарегистрированных в апреле 150 коммунистов Брюховецкое бюро РК ВКП(б) рассмотрело личные дела 59 тех из них, кто находился на оккупированной территории. Из них были приняты на учет – 46 человек, исключены из партии – 13 человек. Из находившихся на оккупированной территории объявленную немцами обязательную регистрацию коммунистов прошли 52 человека.

Из 150 человек, принятых на учет, у 50 отсутствовали партийные документы (билеты). В результате опросов было выяснено, что партийные документы (со слов опрошенных) были по большей части уничтожены либо спрятаны на территории других районов [15, л. 6].

Некоторые из проходивших проверку на предмет деятельности и рода занятий в период временной оккупации части территории Краснодарского края ее не прошли: их чаще всего исключали или пытались исключить из ВКП(б).

Из исключенных:

Литвинов А.И., член ВКП(б) с 1918 г., в прошлом руководящий работник. С приходом немцев в Брюховецкий район немедленно явился к немецкому командованию и изъявил желание работать в должности управляющего колхозом. В период работы в колхозе им. Шевченко Литвинов колхоз разорил. За невыполнение его распоряжений целый ряд колхозников подверглись поркам и штрафам. За счет колхозных и личных средств колхозников устраивал банкеты для немцев, на которых сам произносил контрреволюционные речи в адрес ВКП(б) и правительства СССР.

Чанхиев И.И., член ВКП(б) с 1932 г. При отходе его части через Брюховецкий район дезертировал из РККА и 5 августа 1942 г. пришел домой, заранее уничтожив свои партийные документы. Зарегистрировался в немецкой комендатуре и получил патент, затем открыл кустарную мастерскую, где делал крестики, зажигалки и т.д. Соответствующие материалы (кремни и прочее) он получал из Германии, через одного из немецких офицеров, с которым имел связь. Наживал крупные суммы от реализации на рынке всего произведенного им по спекулятивным ценам. Платил известный процент от реализации немецкому офицеру за доставку ему кремней [15, л. 7].

Предпринимательская деятельность в эти годы, да еще и на оккупированной территории, строго каралась впоследствии.

«Отдельные коммунисты Брюховецкой парторганизации, находясь в районе во время его оккупации, не только не вели никакой работы по противодействию немецко-фашистским захватчикам, а, наоборот, спасая свою собственную шкуру, по существу преклонялись перед немецкими захватчиками» [15, л. 8].

Но были и другие, кто активно боролся с немцами и их союзниками, а также их «прихвостнями» (полицаями):

Лебединец Зинаида до оккупации работала в военно-учетном столе Брюховецкого сельсовета. Похитила у немецкого коменданта радиоприемник, научилась им пользоваться и передавала через верных людей сообщения и сводки Совинформбюро, которые распространялись среди населения.

Комсомолец Корендюк Георгий систематически вел подрывную работу против немецких оккупационных властей, за что был арестован немецкой комендатурой.

Бурченко – бригадир 2-й бригады колхоза «Пятилетка в 4 года». Не выполнил ни одного распоряжения немецких властей по вывозу хлеба из его бригады для немецкой армии. Он полностью сохранил выращенное зерно и сдал его частям РККА, освободившим район [15, л. 8].

По состоянию на декабрь 1943 г. в Брюховецком районе на учете состоял уже 181 человек: 157 членов и 24 кандидата ВКП(б). Насчитывалось 23 первичных парторганизаций ВКП(б) и 4 кандидатские группы [16, л. 62].

Из протокола № 1 заседания бюро Брюховецкого райкома ВКП(б) от 19 февраля 1943 г.

На заседании присутствовали 1-й секретарь райкома Закаблукин И.Е. и начальник РО НКВД Топоров. Рассматривались результаты спорной проверки-расследования коммуниста Чередниченко Ф.С. на предмет его дезертирства из районного партизанского отряда.

Удалось выяснить, что 5 августа 1942 г., в день оставления района и выезда партизанского отряда на место его дислокации в соответствии с указаниями Краснодарского крайкома ВКП(б), произошло следующее. Чередниченко Ф.С., состоявший в этом отряде, в 9 часов утра «скрылся» в неизвестном направлении на машине райисполкома. В результате расследования райкома и районного НКВД было установлено:

1. Чередниченко, под предлогом сохранения автомашины от ее мобилизации отходящими частями РККА, а также якобы оставленного в кармане гимнастерки партийного билета, которую якобы завезла эвакуированная 31.07.1942 г. его жена, решил вернуться. Далее его перемещения по территории Краснодарского края не описаны. Известно, что вплоть до освобождения частями Красной

Армии Кореновского района Краснодарского края на его территории все шесть месяцев он и находился.

2. Несмотря на то, что ему был хорошо известен маршрут движения партизанского отряда и место его расположения (базирования), он не принял никаких мер по переходу линии фронта противника и явке в отряд.

3. Находясь в течение всего времени на территории, занятой противником, Чередниченко не только не вел никакой диверсионной деятельности в тылу врага, но не сделал ни одной попытки связаться со знающими его советскими людьми и вести подпольную агитационную работу против немцев.

Бюро Брюховецкого РК ВКП(б) совместно с РО НКВД считало, что подобный поступок со стороны Чередниченко являлся не чем иным, как актом измены Родине с целью спасения своей собственной шкуры. На заседании было принято решение исключить Чередниченко Ф.С. из членов ВКП(б) и просить крайком ВКП(б) утвердить это решение [17, л. 1].

Тем не менее факт дезертирства был не вполне доказан. Материалы расследования этого дела в целом не дают возможности понять, был ли это действительно акт измены или же цепь драматических событий, возникших при воцарившемся хаосе в день оставления Брюховецкого района его партизанским отрядом. В материалах расследования нет сведений о принятом крайкомом ВКП(б) решении по делу Чередниченко Ф.С.

Из протокола № 5 заседания бюро Брюховецкого РК ВКП(б) от 10.03.1943 г.

Присутствовали члены бюро: Закаблукин, Богатырева, Кремезной, Поликарпов. Начальник РО НКВД – Токарев. Районный прокурор – Ситников.

Рассматривалось дело члена ВКП(б) Сорочинского Н.П.

Было установлено следующее: Сорочинский Н.П., член ВКП(б) с 1939 г., партбилет № 3924452, будучи бойцом партизанского отряда, 3 ноября 1942 г. находился вместе с отрядом, который занимал линию обороны в районе станицы Азовской. Отряд должен был покинуть линию обороны и перейти в тыл противника. Сорочинский обвинялся в том, что дезертировал из отряда с передовой линии обороны.

Перед уходом он объявил бойцам, что идет якобы по воду. Взял с собой оружие, но в двухстах метрах от передовой забросил винтовку в кусты и скрылся в неизвестном направлении.

Бюро ВКП(б) считало, что дезертирство Сорочинского можно было объяснить исключительно тем, что ему, как и всему отряду, было известно, что противник готовит наступление на удерживаемые ими позиции. Известно ему было и об отходе в тыл врага для продолжения осуществления активных боевых действий.

Бюро постановило:

1. Сорочинского Н.П., члена ВКП(б) с 1939 г., из партии исключить, как дезертира и изменника Родины.

2. Еще раз поставить вопрос перед Краевым управлением НКВД о привлечении Сорочинского к ответственности по законам военного времени, как изменника и дезертира.

3. Поставить в известность крайком ВКП(б) о том, что вопрос о привлечении Сорочинского Н.П. к ответственности ставился бюро Брюховецкого райкома ВКП(б) перед Крайуправлением НКВД неоднократно, однако оно не только не привлекло его к ответственности, но даже, наоборот, использовало его на работе в аппарате УНКВД в Адыгейской опергруппе, а затем направило его в Брюховецкий район, на место прежней работы – помощником уполномоченного РО НКВД.

Бюро Брюховецкого райкома приняло решение просить Крайком ВКП(б) вмешаться в это дело и потребовать от Крайуправления НКВД немедленного решения вопроса с Сорочинским [17, л. 10]. Дальнейшая его судьба в документах не отражена.

Здесь необходимо заметить, что обвинения Сорочинского Н.П. в дезертирстве имели несколько тенденциозный характер, а сохранившиеся материалы расследования противоречивы, обрывочны и не дают полной картины происшедшего. Не вполне доказанными выглядят и причины дезертирства. Подчеркивает тенденциозность расследования и факт дальнейшей работы Сорочинского Н.П. в аппарате УНКВД Адыгейской АО, поскольку его сотрудники проходили тщательную проверку.

Как следовало из протокола № 5 заседания бюро Брюховецкого РК ВКП(б) от 10.03.1943 г., проверку проходили все члены районной парторганизации. Проходил ее и 1-й секретарь Брюховецкого РК ВКП(б) Закаблукин Иван Евдокимович, как находившийся в партизанском отряде во время оккупации во вражеском тылу вплоть до освобождения района, и успешно ее прошел [17, л. 10 об].

Продолжались проверки-чистки личного состава районных организаций ВКП(б) и уже после окончательного изгнания немцев с территории края. Проверкам подлежали и сигналы о непотребном поведении некоторых руководящих работников районного звена с последующим принятием к ним соответствующих мер.

Выписка из протокола № 196 заседания бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) от 22 августа 1944 г. Пункт 63. «О тов. Белоусове И.И.».

Проверкой было установлено, что второй секретарь Брюховецкого РК ВКП(б) т. Белоусов вместо мобилизации колхозников на быстрейшее окончание

хлебосдачи государству разъезжал по колхозам и устраивал пьянки. 29 июля 1944 года в колхозе им. Суворова в пьяном виде ругал колхозниц нецензурными словами, при этом угрожал им оружием.

Тем не менее бюро Брюховецкого РК ВКП(б) и его первый секретарь тов. Сеньюков, располагая многими сигналами о поведении Белоусова, не придали этому факту политического значения.

Краснодарский крайком ВКП(б) постановил:

1. Белоусова И.И. за антипартийное поведение снять с работы второго секретаря Брюховецкого райкома ВКП(б) и из рядов партии исключить. Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее решение.

2. Указать бюро Брюховецкого РК ВКП(б) и его первому секретарю тов. Сеньюкову на недопустимую затяжку в разборе поступков Белоусова.

3. Поручить секретарям Адыгоблкома, ГК и РК ВКП(б) ознакомить с настоящим постановлением всех своих членов.

Это постановление подписал секретарь крайкома ВКП(б) И.И. Поздняк [18, л.18].

Конечно, в этом деле речь идет об антипартийном поведении и обычном пьянстве должностного лица, к которому партия относилась непримиримо.

Подобные перерегистрации-проверки коммунистов проходили и в другом районе Краснодарского края – Кропоткинском, освобожденном с 29.01.1943 г.

Протокол № 18 заседания бюро ВКП(б) Кропоткинского района от 2-3 июля 1943 г.

На заседании рассматривалось контрольное дело П.А. Радченко.

Радченко Петр Алексеевич, машинист-пенсионер, член ВКП(б) с 1931 г., партбилет № 2648077. Партбилет сохранил. Не эвакуировался и не пытался эвакуироваться. При немцах работал слесарем маслозавода, зарегистрировался в немецкой управе как коммунист.

Постановили: За уклонение от эвакуации, за добровольную работу на немцев по восстановлению маслозавода, за регистрацию как коммунист Радченко П.А. из рядов ВКП(б) исключить [19, л. 117].

Еще сведения о нескольких подобных делах.

Проценко К.М., кандидат ВКП(б) с 1941 г., до оккупации Кропоткинского района работала техническим руководителем райлесхоза. Не эвакуировалась вследствие болезни ребенка. Вызывалась в гестапо, но не репрессировалась, при немцах нигде не работала. Но ее муж работал уполномоченным по уголовным делам в полицейском участке. Выехал (бежал) после освобождения района вместе с немцами.

Как следует из протокола заседания бюро ВКП(б) Кропоткинского района от 2-3 июля 1943 г., по этому делу было принято следующее постановление: за

связь с изменником народа (со своим мужем-предателем), тов. Проценко К.М. из рядов ВКП(б) исключить [18, л. 8].

Протокол заседания бюро ВКП(б) Кропоткинского района от 30.03.1943 г. Дело Н.В. Конюковой.

Конюкова Н.В., кандидат ВКП(б) с 1939 г., до оккупации Кропоткинского района немцами работала счетоводом на хлебозаводе. Она не эвакуировалась, при немцах стала работать на железнодорожном транспорте чернорабочей, впоследствии работала регистратором на бирже труда, вплоть до самого прихода Красной Армии. Кандидатскую партийную карточку (по ее объяснениям) она уничтожила.

Постановили: За использование знания немецкого языка и активную работу в немецких учреждениях из рядов ВКП(б) т. Конюкову исключить [18, л. 8].

Протокол № 17 заседания бюро Кропоткинского РК ВКП(б) от 30 июня 1943 г.

Слушали: О приеме на партийный учет члена ВКП(б) тов. Ермакова.

Ермаков Яков Петрович, кладовщик Кавказского паровозного депо, член ВКП(б) с 1920 г., партийный билет № 2648085. Партийный билет сохранил.

Не эвакуировался и не пытался эвакуироваться, при немцах сам явился на работу в Кавказское паровозное депо и работал кладовщиком депо. Пристроил вещи, принадлежавшие бригадному дому, такие как: кровать, стол, шкаф, стулья и др.

Зять Ермакова при немцах работал управляющим немецким банком. Ермаков жил с зятем вместе, примирился с фашистским наймитом. Ермаков для Родины ничего не сделал и не пытался сделать.

Постановили: За то, что самовольно остался на оккупированной территории, за активную работу на немцев, за расхищение социалистической собственности Ермаков Яков Петрович был исключен из рядов ВКП(б) [17, л. 123].

Сразу же после окончания оккупации одной из первоочередных задач ВКП(б) было восстановление деятельности ее органов и структуры в целом. Ощущалась большая нехватка по ее численному составу. Одной из мер по закреплению своих членов в партийных организациях был полный им запрет на свободу перемещения без разрешения соответствующего кадрового отдела Краснодарского крайкома ВКП(б), что вызывало большое напряжение в его работе.

14 марта 1944 года секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) по кадрам тов. Борисов отправил всем секретарям райкомов, горкомов по кадрам и Адыгскому ВКП(б) края постановление крайкома партии.

Этим постановлением всем райкомам и горкомам ВКП(б) Краснодарского края было предоставлено право самостоятельно решать вопросы передвижения (перехода) коммунистов из одной партийной организации в другую. Тем же ре-

шением предлагалось сообщать в Краснодарский крайком ВКП(б) причины выезда коммуниста из района.

Но большинство районных и городских комитетов партии таких сведений в крайком не предоставляли. Для решения этого вопроса крайком ВКП(б) предлагал им регулярно сообщать в отдел кадров сведения по следующей форме: ФИО снимаемого с учета, в распоряжение какой парторганизации выезжает, в какой райком или горком ВКП(б), область или край и подробное изложение причины, вызвавшей разрешение отъезда, с целью более строгого учета членов партии [20, л. 9].

Впрочем, уже 26 апреля 1944 года секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) по кадрам указывал нижестоящим парторганизациям, что в их практике имеют место серьезные недостатки в подборе и перемещении номенклатурных работников крайкома.

Уже утвержденные на определенные должности крайкомом ВКП(б) работники освобождались или перемещались на другую работу без решения и согласия на то крайкома партии. Было и другое: некоторые работники исполняли свои обязанности продолжительное время. Их кандидатуры тем не менее не представлялись на утверждение крайкома партии, иногда не утверждались и самими райкомами (горкомами) ВКП(б). Этим как бы устанавливался испытательный срок для работников. Если такое могло иметь место в первый период после освобождения края от немецких оккупантов, то теперь они были недопустимы совершенно [20, л. 25].

Таким образом, после освобождения Краснодарского края контроль деятельности коммунистов был усилен. Любые их перемещения, независимо от их причин, строго контролировались и требовали специальных разрешений. В первую очередь это было вызвано намерением удерживать коммунистов в парторганизациях районов края в связи с предыдущими большими потерями численного состава партийных организаций Краснодарского края.

Выводы. Все коммунисты, работавшие в органах власти, созданных оккупантами, как-либо сотрудничавшие с ними, боясь наказания, часто уходили на нелегальное положение, избегали перерегистраций, жили по чужим документам, уезжали в другие регионы и т.д. Они выявлялись и наказывались вплоть до окончания войны, некоторые и после ее окончания [14, л. 22].

Жертвами перерегистрации стали многие члены ВКП(б), которые, находясь на оккупированной территории, были вынуждены приспособиться к немецкому режиму, лично ни в чем не виноватые, но вражеской власти открыто не сопротивлявшиеся.

Все эти люди находились под подозрением, пока не было доказано их неучастие в сотрудничестве с немцами, которое иногда подразумевало просто работу в колхозе или на предприятии, но на оккупированной территории под

немецким контролем. Таким образом, перерегистрация обернулась строгой и даже жесткой чисткой личного состава партийных организаций ВКП(б). «По законам военного времени» в случаях открытых антисоветских настроений, которые приводили к предательству или активному сотрудничеству с оккупантами, фигуранты, особенно члены партии, заподозренные в таких деяниях, если их вина была доказана, несли наказание вплоть до уголовной ответственности.

Архивные материалы, хранящиеся в ЦДНИКК, убедительно доказывают, что подавляющее большинство населения Кубани ненавидели немецкий оккупационный режим, не признавали фашистский «новый порядок». Все способные оказать активное вооруженное сопротивление воевали с оккупантами в партизанских отрядах и на фронте. Женщины, старики и дети на оккупированных территориях оказывали всяческое пассивное сопротивление, игнорируя все инициативы режима, поддерживая партизан и подпольщиков и помогая им. Кубанцы внесли свой достойный вклад в Великую Победу над фашизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цуканов И.П. Источники о случаях коллаборационизма на оккупированной части Центрально-Черноземного региона в 1941–1943 гг. // Вестник архивиста. – 2015. – № 3. – С. 98-112. – EDN VCIGIJ.
2. Богданов С.В., Остапюк В.Г. Грани предательства (коллаборационисты в Курской области 1941–1943 гг.) // Социологические исследования. – 2017. – № 3(395). – С. 115-122. – EDN YMFZT.
3. Феклистова И.В., Богданов С.В. Коллаборационизм на оккупированной немецкими войсками территории Курской области: рассекреченные страницы региональной истории // Казачество. – 2024. – № 74(1). – С. 117-123. – EDN BYAHBE.
4. Русс М.Д. Меры ответственности для нацистских военных преступников, их пособников и коллаборационистов в советском уголовном праве периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2023. – № 3(130). – С. 66-70. – DOI 10.18522/1997-2377-2023-130-3-66-70. – EDN TOVOAT.
5. Ахмеев В.В. Деятельность НКГБ (МГБ) Чувашской АССР по проверке участников коллаборационистских формирований в 1945–1952 гг. // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: Сб. мат-лов III Всерос. науч. конф. с междунар. участ., Чебоксары, 29 сентября 2023 г. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 118-121. – EDN IOGJOT.
6. Иванов Н.В. Работники милиции в борьбе с дезертирством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) (на материалах Чуваш-

- ской республики) // Гуманистические и социокультурные аспекты кризиса традиционных ценностей и социальных институтов: глобальный и региональный контуры новой реальности: Сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 25 июня 2020 г. – М.: Институт государственного администрирования, 2020. – С. 45-53. – EDN YAJJOS.
7. Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.) / М-во образования Рос. Федерации. Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т, 2001. – 482 с.
 8. Линец С.И. Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: истоки, проявления, масштабы // Россия в глобальном мире. – 2016. – № 8(31). – С. 148-165. EDN: YNDDSD.
 9. Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм и вынужденная лояльность населения юга России к оккупантам в годы войны (1941–1943) // Известия Ростовского государственного строительного университета. – 2011. – № 15. – С. 305-312. EDN: VHHNQZ.
 10. Иванцов И.Г. Из материалов расследований личных дел коммунистов и уточнения потерь партийной организации ВКП(б) города Ейска в 1943 г. // Казачество. – 2025. – № 83(2). – С. 138-144. – EDN VVVWDJ.
 11. Иванцов И.Г. Перерегистрация членов ВКП(б) как форма проверки их лояльности советской власти на примерах Краснодарского края. 1943–1944 гг. // Вестник архивиста. – 2024. – № 2. – С. 620-630. – DOI 10.28995/2073-0101-2024-2-620-630. – EDN EZEMWR.
 12. Иванцов И.Г., Романюк С.Н. Из истории проверок коммунистов на предмет деятельности и рода занятий в оккупированных районах Кубани. По материалам расследований органов ВКП(б) // Казачество. – 2024. – № 76(3). – С. 210-216. – EDN YVWGEF.
 13. Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы: Сб. док. / Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела, Соц.-пед. ин-т. Каф. отечеств. истории. – Сочи, 2003. – 69 с. – EDN QOTPTL.
 14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.2507. Оп.1. Д.1.
 15. ЦДНИКК. Ф.1390. Оп.1. Д.415.
 16. ЦДНИКК. Ф.1390. Оп.1. Д.437.
 17. ЦДНИКК. Ф.1390. Оп.1. Д.412.
 18. ЦДНИКК. Ф.1820. Оп.1. Д.34.
 19. ЦДНИКК. Ф.1724. Оп.1. Д.220.
 20. ЦДНИКК. Ф.2061. Оп.1. Д.241.

REFERENCES

1. Tsukanov, I.P. Sources on cases of collaborationism in the occupied part of the Central Black Earth Region in 1941-1943. *Archivist's Bulletin*. 2015. No. 3. P. 98-112. EDN VCIGIJ.
2. Bogdanov, S.V., Ostapyuk V.G. Facets of betrayal (collaborators in the Kursk region in 1941-1943). *Sociological studies*. 2017. No. 3 (395). P. 115-122. EDN YMFZT.
3. Feklistova, I.V., Bogdanov, S.V. Collaborationism in the territory of the Kursk region occupied by German troops: declassified pages of regional history. *Cossacks*. 2024. No. 74(1). P. 117-123. EDN BYAHBE.
4. Russ, M.D. Measures of responsibility for Nazi war criminals, their accomplices and collaborators in the Soviet criminal law of the Great Patriotic War (1941-1945). *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2023. No. 3(130). P. 66-70. DOI 10.18522/1997-2377-2023-130-3-66-70. EDN TOVOAT.
5. Akhmeev, V.V. Activities of the NKGB (MGB) of the Chuvash ASSR to verify participants in collaborationist formations in 1945-1952. Current issues in archeology, ethnography and history: Collection of materials from the III All-Russian scientific conference with international participation, Cheboksary, September 29, 2023. Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2023. Pp. 118-121. EDN IOGJOT.
6. Ivanov, N.V. Police officers in the fight against desertion during the Great Patriotic War (1941-1945) (based on the materials of the Chuvash Republic). Humanistic and socio-cultural aspects of the crisis of traditional values and social institutions: global and regional contours of the new reality: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, June 25, 2020. Moscow: Private institution of higher education "Institute of Public Administration", 2020. Pp. 45-53. EDN YAJJOS.
7. Kovalev, B.N. The Nazi occupation regime and collaborationism in Russia (1941-1944). Ministry of Education of the Russian Federation. Novgorod state University named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod: Novgorod state University, 2001. 482 p.
8. Linets, S.I. Collaborationism in the North Caucasus during the Great Patriotic War: sources, manifestations, scale. *Russia in the global world*. 2016. No. 8 (31). P. 148-165. EDN: YNDDSD.
9. Zhuravlev, E.I. Civil collaborationism and forced loyalty of the population of southern Russia to the occupiers during the war (1941 - 1943). *Bulletin of the Rostov State University of Civil Engineering*. 2011. No. 15. P. 305-312. EDN: VHNHQZ.

10. Ivancov, I.G. From the materials of the investigations of personal files of communists and clarification of losses of the party organization of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the city of Yeysk in 1943. Cossacks. 2025. No. 83 (2). P. 138-144. EDN VVVWDJ.
11. Ivancov, I.G. Re-registration of members of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as a form of checking their loyalty to the Soviet power on the example of the Krasnodar Territory. 1943-1944. Herald of the Archivist. 2024. No. 2. P. 620-630. DOI 10.28995/2073-0101-2024-2-620-630. EDN EZEMWR.
12. Ivantsov, I. G., Romanyuk S. N. From the history of checks of communists for activities and occupation in the occupied regions of Kuban. Based on the investigation materials of the bodies of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Cossacks. 2024. No. 76 (3). Pp. 210-216. EDN YVWGEF.
- 13.3. Collaborationism on the territory of Krasnodar Krai during the German occupation (1942-1943): little-known pages: Coll. doc.. Works of state University of Tourism and Resort Affairs, Soc.-ped. Inst. Dept. of Russian History. Sochi, 2003. 69 p. EDN QOTPTL.
14. Documentation Center for Contemporary History of Krasnodar Krai (CDNKK). F.2507. Op.1. D.1.
15. CDNKK. F.1390. Op.1. D.415.
16. CDNIKK. F.1390. Op.1. D.437.
17. CDNIKK. F.1390. Op.1. D.412.
18. CDNIKK. F.1820. Op.1. D.34.
19. CDNIKK. F.1724. Op.1. D.220.
20. CDNIKK. F.2061. Op.1. D.241.

Информация об авторе: Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко (Краснодар). Член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации.

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Ivantsov Igor Grigorievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the 1st department of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko (Krasnodar). Corresponding member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 18.03.2026

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 17.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-92-131

УДК 37.01(092)+37.034

EDN TPNGZM

**«... ЗВАНИЕ, КОТОРЫМ Я ОЧЕНЬ ДОРОЖУ»: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ В.Г. ДРУЖИНИНА**

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: [http // orcid.org/0000-0003-2094-6883](http://orcid.org/0000-0003-2094-6883)

viktor-n1962@mail.ru

Аннотация: Среди выдающихся представителей петербургской исторической школы видное место по праву занимает В.Г. Дружинин. Свой талант ученого, палеографа, публикатора документов, редактора изданий он реализовал в рамках Археографической комиссии, в которой прослужил почти 33 года, в том числе с 1903 г. в должности правителя дел. Первое обращение в Комиссию он сделал через своего научного руководителя Е.Е. Замысловского в 1888 г., избрание его членом произошло в 1896 г., а увольнение в ноябре 1929 г. В своих замечательных воспоминаниях, он основное место уделяет именно этому «почтенному» научному обществу. Их содержание позволяет существенно дополнить историю авторитетной Комиссии. Даны, ранее не встречавшиеся характеристики её председателям и правителям дел. Много внимания уделено напряженной работе по реализации предложенной С.Д. Шереметевым программы по подготовке и утверждению нового Положения, штатов, приобретении нового помещения. Его авторитет способствовал, несмотря на препятствия, полностью выполнить трудные, не решавшиеся десятилетиями задачи. Раскрыта и роль В.Г. Дружинина в этих судьбоносных для Комиссии и её сотрудников, начинаниях. Взаимоотношения между сотрудниками занимают не один десяток страниц воспоминаний, указаны на их как личные, так и профессиональные качества. Перечислены основные достижения в издательской деятельности Комиссии. Публикация нового интересного источника личного происхождения, насыщенного неизвестными

ранее фактами и сведениями, является важным направлением в изучении творческого наследия В.Г. Дружинина и Археографической комиссии.

Ключевые слова: В.Г. Дружинин, С.Д. Шереметев, Археографическая комиссия, новое Положение, Штаты, председатель, правитель дел, воспоминания

Для цитирования: Митрофанов В.В. «... звание, которым я очень дорожу»: археографическая комиссия в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Том 18. № 3. С. 92-131. EDN: TPNGZM DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-92-131

Original article

«... A TITLE THAT I VALUE VERY MUCH»: THE ARCHAEOGRAPHIC COMMISSION IN THE MEMOIRS OF V.G. DRUZHININ

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC
Saint Petersburg, Russia

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>
viktor-n1962@mail.ru

Abstract: V.G. Druzhinin rightfully occupies a prominent place among the outstanding representatives of the St. Petersburg historical school. He realized his talent as a scholar, paleographer, document publisher, and editor within the framework of the Archaeographic Commission, where he served for almost 33 years, including 1903 as the head of the Commission. He first applied to the Commission through his scientific advisor, E.E. Zamyslovsky, in 1888, and was elected a member in 1896. He was dismissed in November 1929. In his remarkable memoirs, he focuses on this "venerable" scientific society, providing valuable insights into the history of the esteemed Commission. He also provides previously unreported information about its chairmen and administrators. Much attention is paid to the hard work of implementing S.D. Shermetev's proposed program for the preparation and approval of a new Regulations, staffing, and acquisition of a new premises. Despite the obstacles, his authority helped to fully accomplish the difficult tasks that had been neglected for decades. The role of V.G. Druzhinin in these crucial endeavors for the Commission and its employees is also revealed. The relationship between the employees is described in dozens of pages of memoirs, which include both personal and professional qualities. The main achievements of the Commission's publishing activities are listed. The publication of this remarkable new source of personal origin, which is rich in previously unknown

facts and information, is an important contribution to the study of the creative legacy of V.G. Druzhinin and the Archaeographic Commission.

Keywords: V.G. Druzhinin, S.D. Sheremetev, Archaeographic Commission, new Regulations, States, Chairman, Governor of Affairs, memoirs

For citation: Mitrofanov V.V. «... a title that i value very much»: the archaeographic commission in the memoirs of V.G. Druzhinin. Historical and Socio-Educational Idea. 2026. Vol. 18. № 3 P 92-131 EDN: TPNGZM
DOI: 117748/2219-6048-2026-18-3-92-131

Введение.

Быть избранным в члены Археографической комиссии (АК), история которой связана с именем Павла Михайловича Строева, было знаковым событием в жизни ученого, это было свидетельством признания за ним важного вклада в науку. В своей автобиографии академик С.Ф. Платонов писал: «начинающие ученые историки второй половины XIX века с чувством особого уважения входили в скромное помещение Комиссии...» [1, с. 196]. Последняя часть цитаты указывает, что в 1890-е гг. её деятельность была в таком же незавидном состоянии. Он по этому поводу заметил: «положение Комиссии поколебалось. Предоставленная сама себе, она должна была осуществлять программу деятельности, в которой было много темного, искать средств на стороне, привлекать капиталы в помощь издательской своей деятельности. Было время, когда только имя Бычкова поддерживало Комиссию» [2, с. 377]. Жизнь требовала серьезных, можно сказать революционных, изменений в АК, прежде всего, привлечение новых сил, принятие нового «Положения», увеличение штатов и финансирования, помещения, соответствующего её авторитету, сложившемуся в научном и культурном сообществе России.

Историография вопроса

Историография заявленной темы имеет давнюю историю. К ней обращались исследователи в диссертациях, начиная с середины прошлого века [3; 4; 5], что свидетельствует о её роли, прежде всего, в собирательской, издательской деятельности по сохранению рукописного наследия, не только для исторической науки, археографии, но и отечественной культуры в целом.

Следует указать и на работы, помещенные в юбилейном сборнике [6], где немало исторических экскурсов. История АК, её плодотворная деятельность была предметом исследования в статьях С.О. Шмидта, А.И. Копанева, С.В. Чиркова, В.С. Брачева, И.С. Шаркова, И.З. Либерсон, Е.А. Чистяковой, М.Ф. Хартанович и др.

Имя В.Г. Дружинина и неточности в современных публикациях

В недавней статье А.В. Малов издание «Донских дел» справедливо называет «фундаментальной академической публикацией» и оценивает, как «главный труд жизни Василия Григорьевича» и «настоящим научным подвигом» [7, 45, 52]. При этом автор статьи сетует: «достойно удивления», что его предшественники «уделили так мало внимания публикации ими фонда-коллекции „Донские дела”» [7, 44]. Замечание справедливо, но заметим, что до сих пор нет комплексного монографического исследования, посвященного В.Г. Дружинину. Поэтому новые публикации, касающиеся биографии и научной деятельности ученого стоит только приветствовать. Но вызывает недоумение, что и сам А.В. Малов при написании обстоятельной статьи допустил ряд ошибок и неточностей. Например, не использовал многих уже давно опубликованных материалов, прежде всего, «Протоколов заседаний АК» [8, с. 72-73, 76-77, 88]¹, по которым можно подробно составить хронологию обсуждений и принятие решений по изданию «Донских дел». Да и в своих воспоминаниях В. Г. Дружинин отводит немало места этому вопросу. Прежде всего, историографический интерес представляет сюжет о том, как появилась идея по изданию архивных материалов. В.Г. Дружинин об этом пишет так: «Для моей диссертации «Раскол на Дону в XVII в.» я поручил в Московском архиве Министерства иностранных дел постепенно переписать мне до 2500 стр. Донских актов. Желая их использовать и уверившись, что нет полного издания актов для истории Дона, я вошел в Комиссию, предварительно обследовав в ней повод с запиской об издании этих материалов» [9, д. 8, л. 65-65 об]. «Комиссия приняла моё предложение и постановила печатать Донские дела сплошь. Это было первое систематическое издание актов» [8, с. 72-73, 76-77, 88], - указывал В.Г. Дружинин. Есть в рукописи и ответ на предположение А.В. Малова: «Вероятно, после сдачи в печать 5-го тома «Донских дел» Дружинин продолжал готовить следующие по хронологии два тома, которые должны были составить VI и VII книги за 1663–1671 и 1671–1673 гг. соответственно» [7, с. 45]. По этому поводу автор воспоминаний заметил: «В революцию издание прервалось, хотя я приготовил к печати шестой том и половину седьмого. Но во время революции казаки были не в моде и издание остановилось» [9, д. 8, л. 68].

Допустил А.В. Малов и произвольные неточности, касающиеся биографических сведений о В.Г. Дружинине. Например, годы его жизни указываются дважды, но разные. Первый раз указаны годы 1859 - 1937 [7, с. 43, примеч. 87]. (кстати, эту же дату смерти встречаем и у Н.Б. Бубнова [10, с. 113]), второй раз и при том на этой же странице другие 1869-1936 гг. Получается путаница, если в первом случае неверно указана дата смерти, то во втором - год рождения. Каса-

¹ Здесь же его «Отчет о занятиях в архиве Главного Управления Казачьих Войск члена Комиссии В. Г. Дружинина» [8, с.83-86].

ясь даты смерти, напомним, что ещё в 1994 г.Т. В. Берестецкая назвала её точно - 15 января 1936 г. [11, с. 214], затем её повторили Т.Г. Смирнова [12, с. 485], Е.М. Юхименко, П.В. Гайдуков, В.Д. Чебанов. Последний писал: «15 января 1936 г. Василий Григорьевич Дружинин скончался в возрасте 76 лет: отказало сердце» [13, 165].

В статье А.В. Малова упомянуто о «трагической судьбе» В.Г. Дружинина, которую он относит к годам «красного террора» [7, с. 43]. Вероятно, автор имел в виду совсем другой период – время «Академического дела» (предвестника «большого террора»), по которому и был арестован ученый. В этой связи стоит напомнить, что официально «красный террор» начался в начале сентября 1918 г. и продолжался до 1922 г. (хотя, имеются и другие точки зрения на его окончание, например, 1924 г.).

К сожалению, А.В. Маловым неверно указан 1930 год [7, с. 47] как время увольнения В.Г. Дружинина из АК. К тому же, к этому времени такой комиссии не существовало, она в 1926 г. была объединена с Постоянной исторической комиссией АН и было создано новое учреждение - Постоянная историко-археографическая комиссия (ПИАК АН), хотя продолжала именоваться по привычному - АК. Уволен же В.Г. Дружинин из последней 13 ноября 1929 г. по 1-й категории. Этот факт непосредственно связан с отставкой со всех постов академика С.Ф. Платонова в ноябре 1929 г. [12, с. 484; 13, с. 162-163], а за ним последовало увольнение и его друга со студенческой скамьи, занимавшего должность заместителя председателя. В подтверждение этой даты сошлемся на опубликованную Т.В. Берестецкой «Записку» В.Г. Дружинина от 29 ноября 1929 г. с просьбой о пересмотре решения [14, с. 486-491].

Обнаруживается неточность в утверждении А.В. Малова, что «коллекция старообрядческих рукописей Дружинина после его смерти поступила в Библиотеку Академии наук (БАН)» [7, с. 43]. Но еще в 1983 г.Н. Ю. Бубнов со ссылкой на «Протоколы заседаний Общего собрания РАН», с привлечением архивных документов убедительно показал, что «в 1918 г.В. Г. Дружинин продал свою коллекцию Библиотеке Академии наук» [10, с. 113, 122, примеч. 2, 3]. В это же время продана была и библиотека, об этом свидетельствуют письма В.Г. Дружинина на имя университетского друга - академика С.Ф. Платонова [15]. К тому же она не была «поделена» [7, с. 43] между рядом научных учреждений, как утверждает А.В. Малов. Да, её отдельные части сегодня находятся в перечисленных им учреждениях, но это далеко неполное собрание книг и работа по их выявлению продолжается и сегодня.

Нельзя согласиться с утверждением А.В. Малова, что «П. В. Гайдуков опубликовал развернутый обстоятельный обзор «Воспоминаний» [7, с. 44]. Само название статьи П.В. Гайдукова [16] (кстати, А.В. Малов дважды неверно указал его инициалы «П. Г.») позволяет говорить о конкретной теме публикации – Археологическая комиссия. К тому же и её объем не позволяет дать «разверну-

тый, обстоятельный обзор» [7, с. 44], насчитывающий в нумерации В.Г. Дружинина почти 2000 страниц.

В статье имеются и другие мелкие неточности: воспоминания были написаны В.Г. Дружининым, а не «записаны» [7, с. 44], как пишет автор. Рукопись с воспоминаниями, которую упоминает А.В. Малов, хранится в РГАЛИ, но не в одном архивном деле, как полагает исследователь, а в семи [9, д. 3, 4, 6-10].

Имеются неточности в библиографическом описании литературы. Ссылка на статью И.О. Тюменцева (Тюменцев И.О. Неопубликованные тома «Донских дел» и перспективы их издания // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 21–22 марта 2024 г. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2024. С. 48–49) неверна. В этом сборнике опубликована другая его работа в соавторстве (Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Тюменцева Н.Е. Новые документы о казаках на службе у Лжедмитрия II в 1608–1610. С. 138-148). О «Донских делах» статья помещена в другом сборнике (Тюменцев И.О. Неопубликованные тома «Донских дел» и перспективы их издания// Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (21–22 марта 2024 г., г. Ростов-на-Дону) / Под общ. ред. М.Н. Крота и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. С. 47–55). Получается, что в ссылке А.В. Малова [7, с. 45, примеч. 99] перепутаны две конференции, посвященные 100 и 105-летию А.П. Пронштейна.

Указание отмеченных невольных погрешностей не являются критическими, об этом свидетельствует следующий текст статьи А.В. Малова, где он касается подготовки к изданию «Донских дел» В.Г. Дружининым, «анализа принципов публикации» архивных документов. Эта часть действительно отличаются новизной, актуальностью и имеет практическую направленность, где автор предлагает основные направления работы по завершению публикации «Донских дел» и предлагает обратиться к неизвестным В.Г. Дружинину, но к выявленным при разборке очередных связок архивным документам.

Следовательно, в изучении биографии и деятельности В.Г. Дружинина сделано немало, но продолжают встречаться ошибки и неточности. На их устранение и нацелена публикация очередного фрагмента его воспоминаний.

Вхождение В.Г. Дружинина в Археографическую комиссию

К моменту избрания Василия Григорьевича Дружинина (1859-1936) он рекомендовал себя как авторитетный исследователь истории Раскола, организатор работы в должности секретаря Отделения Русской и славянской археологии

Русского археологического общества, а затем и всего общества в Археологической комиссии (с 16 июля 1889 г. по 22 ноября 1896 г.). Стоит заметить, что от преподавательской деятельности, а ему предлагали приват-доцентство, он отказался и реализовал свой профессиональный интерес через организаторскую, редакторскую, исследовательскую, публикаторскую деятельность.

12 декабря 1895 г. на заседании АК была «читана подписанная членами Комиссии: К.Н. Бестужевым-Рюминым, Л.Н. Майковым, С.Ф. Платоновым, Е.Е. Замысловским, И.А. Бычковым, Г.Ф. Штендманом, А.С. Лаппо-Данилевским, А.А. Куником и В.Г. Васильевским записка с предложением в члены Комиссии магистра Русской истории Василия Григорьевича Дружинина, автора исследования о расколе на Дону в XVII веке, приготовившего к изданию «Беседу Валаамских чудотворцев», напечатанную в X-м выпуске «Летописи занятий Комиссии», и поместившего несколько исторических статей в журналах» [8, с. 28-28]. Если посмотреть на список кто рекомендовал, то видим, что это был цвет российской исторической науки, среди них университетские учителя, научный руководитель магистерской диссертации, его друзья по известному «кружку русских историков», избранные ранее.

В заседании Комиссии 27 января 1896 г.: «происходил выбор в члены Археологической Комиссии предложенного в заседании 12-го декабря 1895 года, магистра Русской истории, Василия Григорьевича Дружинина, при чем оказалось, что он выбран единогласно. Определено: 1) принимая во внимание: а) что по установленным правилам в выборе членов должны участвовать две трети членов Комиссии, пребывающих в Петербурге (коих 16), и б) что в настоящем выборе участвовало 18 членов (отсутствующий А.Н. Труворов передал свой голос А.А. Кунику), признать настоящий выбор произведенный правильно, и 2) уведомить В.Г. Дружинина об его избрании в члены Комиссии» [8, с. 28]. А 2 марта этого же года впервые В.Г. Дружинин значится среди присутствующих на заседании АК и сразу же высказался по вопросу списков жития Стефана Пермского, хранящихся в Публичной библиотеке [8, с. 49], подготовкой которых к изданию занималась Комиссия.

Напомним, что первое обращение В.Г. Дружинина в АК было еще 1888 г., правда через посредничество Е.Е. Замысловского, когда он просил обратить внимание «на необходимость систематического издания «Донских актов». Но к этому вопросу вернулись только в заседании 9 ноября 1896 г. Здесь В.Г. Дружининым была представлена «Записка» по этому делу [8, с. 73-75]. АК приняла по этому решение, которое определило его научно-археологическую и издательскую деятельность на тридцать лет [18]: «1) приступить к изданию Донских документов, поручив редакцию оных В.Г. Дружинину; 2) выписать из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел первые две связки Донских дел; 3) снести с Главным Управлением Казачьих Войск о допущении В.Г. Дружинина к занятиям в архив этого Управления» [8, с. 73].

Судьбоносное событие в жизни В.Г. Дружинина, да и самой АК, произошло 5 марта 1903 г., когда В.Г. Дружинин был избран на должность правителя дел. В рукописи об этом говорится неопределённо: сначала «только появился слух», но ничего конкретного неизвестно. Об этом же намеком сообщается и С.Ф. Платонову в письме от 29 января 1903 г.: «Прости, что вчера не мог написать Тебе о Комиссии; если позволишь, забегу сегодня вечером передать о случившемся. «Предложение» я получил на ухо. Подробности при свидании» [19, с. 73]. В.Г. Дружинин писал, что граф С.Д. Шереметев лично приезжал переговорить по этому делу к нему на квартиру, правда, не застал его дома. Этот факт позволяет по-новому посмотреть на неизвестную черту характера столь высокопоставленной особы, каким был С.Д. Шереметев, назначенный императором председателем АК в 1900 г.

Ближайший друг В.Г. Дружинина - С.Ф. Платонов - писал с восторгом по этому поводу 22 марта 1903 г. М. А. Дьяконову: «В[асилий] Г[ригорьевич] Дружинин сделан правителем дел Археографической комиссии, и мы все ликуем» [20, с. 84]. Этот восторг объясняется тем, что С.Ф. Платонов часто замечал С.Д. Шереметева, поэтому фактически многие вопросы текущих дел ложились на него, а теперь и университетского друга. Тема работы АК часто затрагивалась и во взаимной переписке С.Ф. Платонова и В.Г. Дружинина.

Большой и ответственный фронт работы был закреплен за В.Г. Дружининым, связанный с выпуском и редактированием «Летописи занятий Археографической комиссии» (ЛЗАК) – её периодического печатного органа.

Реализация программы С.Д. Шереметева – председателя АК

О том, что в начале XX в. Комиссия нуждалась в серьезных переменах, писали многие исследователи. Не было постоянного помещения, требовало обновления «Положение» о Комиссии, её Устав, штаты не соответствовали стоявшим задачам. Немало нужно было провести и организационных изменений, которые и реализовывались усилиями В.Г. Дружинина, прежде всего, нужно было приводить её деятельность в соответствии с новыми условиями, унифицировать издательство письменных памятников.

Разрешение этих кардинальных проблем пришлось на первый период председательствования С.Д. Шереметева. Тем более что государство в лице царя шло навстречу: 6 мая 1903 г. АК получила статус императорской, что принципиально меняло её положение. Представилась хорошая возможность его закрепить. Программа, которую представил новый председатель, начала реализовываться. Результаты были блестящими: новое «Положение», на его основе штаты и соответствующее финансирование, своё помещение.

Хотя ситуация была трудной, в правительстве были чиновники, прежде всего, министр финансов, который активно противодействовал этому движению. В.Г. Дружинин подробно излагает хронологию событий по этим судьбоносным

проблемам Комиссии в своей рукописи. Эти же проблемы обсуждались и с С.Ф. Платоновым. Например, ему 4 июля 1903 г. было направлено объемное письмо [19, с. 75-78]. На это «любопытнейшее письмо, которое я читал с живым интересом», - С.Ф. Платонов отвечал 25 числа [19, с. 79-80].

Вся неизвестная процедура утверждения документов, хождение по кабинетам, роль С.Д. Шереметева в полной мере раскрыта в рукописи. Его деятельность способствовала новому расцвету Комиссии.

В. Г. Дружинин о сотрудниках Комиссии

Лаконичные характеристики даны его предшественникам. В.П. Титов – высокопоставленный чиновник, входивший в круг знакомых самого императора, занимал пост в 1872 (1873) -1891 гг. Во время его отсутствия его замещал А.Ф. Бычков, вскоре и возглавивший АК (1891-1899), после смерти своего предшественника в 1891 г. При нём деятельность Комиссии несколько оживилась, было увеличено финансирование на 2000 р. в год. Её бюджет распределялся просто: получали годовое жалование правитель дел, писец, сторож, наём квартиры для Комиссии и правителя дел, остатки на издательские нужды. Его профессиональные качества ученого в полной мере перечислены, названы труды и достижения в издательской деятельности, но В.Г. Дружинин указал и на его порой несправедливые решения, подмечены и некоторые черты поведения. Важно указание на посещение собраний «кружка русских историков», где наряду с генералом Савельевым своим опытом и воспоминаниями делился столь авторитетный ученый, возможно участвовал и в обсуждении итогов изысканий молодых магистрантов. Все эти сведения являются ценными фактами из жизни и особенно деятельности А.Ф. Бычкова. Его сменил на несколько месяцев (1899-1900) уже больной Л.Н. Майков, но *«ничего не успел сделать для Комиссии»*.

Безусловно, приведены интересные сведения о правителях дел Комиссии. Это касается фактов из жизни и работы А.И. Тимофеева. В.Г. Дружинин приводит и ранее неизвестные курьёзные случаи. Особенно это касается его стиля общения с посетителями, внешнего вида, методов работы, взаимоотношений с помощником, круга общения, семейных дел.

На смену А.И. Тимофееву был назначен Л.Н. Майков, который навел порядок в канцелярских делах. Помощником ему был назначен В.В. Майков – в будущем известный археограф, в советское время ставший членом-корреспондентом АН.

Большой фрагмент воспоминаний отводится П.А. Гильтебрандту – следующему правителю дед АК. Кстати, лаконичная фраза *«сейчас не могу справиться... Когда можно будет, я дополню эти сведения»* когда В.Г. Дружинин касается его биографии, указывает на то, что он всё-таки пользовался справочными изданиями, которые имелись у знакомых или в местной библиотеке. Имя П.А. Гильтебрандта лишь попутно упоминается в отдельных статьях и изданиях, по-

этому приведенные сведения имеют важное значение для характеристики многолетнего члена АК. А среди заслуг для неё являются его целенаправленные хлопоты по назначению С.Д. Шереметева председателем Комиссии. Он очень удачно использовал своё положение сотрудника Синодальной типографии и добился распродажи Читей-Миней, которые лежали на складе. Если профессиональные качества П.А. Гильтебрандта В.Г. Дружинин ценил, то человеческие (неискренность, властолюбие) вызывали в нем отторжение. Да и как оказывается, он преследовал собственные амбициозные цели, проявляя активность при ведении переговоров с С.Д. Шереметевым.

Среди членов Комиссии, постоянно присутствовавших в кабинетах, названы П.Л. Ежов и А.И. Тимофеев. Информация о помощнике правителя дел С.А. Адрианове позволяет существенно дополнить его ученую работу в первые годы самостоятельной университетской жизни и начальный период работы в АК, в том числе по разбору склада её изданий, который, находясь в непригодном подвальном помещении, способствовал гибели уже изданных тиражей ценных книг.

Заключение

К источникам личного происхождения всегда нужно подходить критически. Это действительно так, Но следует заметить, что во многом информация, содержащаяся в этой части рукописи, рефлексирована с упомянутой перепиской В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова [19]. Два одновременных источника, один по ходу дела, второй, написанный через 30 лет, совпадают. Следовательно, можно не ставить под сомнение сведения, приведенные в воспоминаниях.

В приложении помещена часть воспоминаний, где В.Г. Дружинин дает замечательную картину деятельности АК с момента своего знакомства с этим «почтенным» учреждением до периода, когда при новом председателе АК С.Д. Шереметеве были решены главные её проблемы, не решавшиеся десятилетиями и *«Комиссия зажила самостоятельной жизнью»*.

В. Г. Дружинин

«Воспоминания о литературных встречах и знакомствах»

(Археографическая комиссия). Часть 1.

Перейду теперь к описанию одного из самых почтенных учреждений, основанного в декабре 1834 г., как временное для разбора актов, собранных Археологической Экспедицией, и окончательно утвержденного в постоянное учреждение 18 декабря 1837 г., на изданиях которого возникли науки русской истории, истории русской церкви, истории русского права, к описанию Археографической комиссии.

Как только стал я подбирать себе историческую библиотеку в последних классах гимназии, я нашёл ход в Археографическую комиссию и там стал я по-

купать себе её издания летописей¹. Думаю, что ход туда мне показал мой друг и гимназический товарищ И.А. Шляпкин², будущий профессор. Археографическая комиссия помещалась тогда на Театральной улице в доме VI гимназии; вход в неё был со двора в церковном подъезде, ведущим в церковь гимназии. Она помещалась над церковью гимназии. Была одна лестница и в третьем этаже на площадке было две двери: одна в Комиссию, другая, против неё, в квартиру правителя дел Комиссии А.И. Тимофеева³. В Комиссию дверь вела в небольшую прихожую в одно окно, где стояла вешалка для платья и стоял стол, за которым сидел сторож Комиссии. Из прихожей вела дверь в другую комнату, тоже в одно окно со столом, за которым сидел помощник правителя дел, письмоводитель П.Л. Ежов⁴. За этой комнатой была большая комната. Комната была перегороджена длинными полками, на которых стояли картоны открытые и в них находились столбцы, привезённые Археографической Экспедицией. Картонов было до 200; они были зеленого цвета и на каждом был ярлык с наименованием места происхождения находящихся в нём актов. Тут же помещалась на полках библиотека комиссии. Из этой комнаты был вход в следующую, большую угловую, собственно самое присутствие Комиссии. В ней стоял письменный стол, за которым сидел А.И. Тимофеев. Кругом стен этой комнаты были поставлены диваны, обтянутые простым ситцем. Эта часть квартиры соединялась длинным коридором с квартирой правителя дел.

А. И. Тимофеев был женат, но детей не имел. Комиссия была открыта с 11 до 3-х часов. До 12 часов сидел за столом П.Л. Ежов, когда уходил в Департамент народного просвещения, где имел основную службу. Председателем Комиссии был в то время действительный тайный советник, член Государственного совета В.П. Титов⁵, друг императора Александра Второго. Но в то время Титов болел и жил за границей, а его должность исправлял А.Ф. Бычков⁶.

А. И. Тимофеев в молодости был певчим и переписчиком столбцов для изданий Комиссии при её председателе Муханове⁷. Он был высокого роста, ху-

¹ Вопросы издания Полного собрания русских летописей нашло отражение в публикации (Чирков С.В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 24–37).

² Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – русский педагог-филолог, палеограф, историк, древнерусского искусства.

³ Тимофеев Александр Ильич (1820–1895) – историк, который работал в Археографической комиссии, с 1873 г. правитель дел Комиссии.

⁴ Ежов Павел Леонтьевич

⁵ Титов Владимир Павлович (1807–1891) – писатель, с. 1865 г. состоял членом Государственного совета, в котором в 1882–1884 гг. занимал пост председателя департамента гражданских и духовных дел. С 1873 г. был председателем Археографической комиссии.

⁶ Бычков Афанасий Фёдорович (1818–1899) – историк, археограф, библиограф, академик.

⁷ Муханов Павел Александрович (1797–1871) – историк, археограф, собиратель, председатель АК (1869–1871).

дощав, носил бороду; я застал его немного сгорбленным, т[ак] к[ак] ему тогда было порядочно лет. Он вёл канцелярию Комиссии и редактировал издававшиеся тогда последние тома Дополнений к Актам Историческим¹. Чтобы собирать материал для тома актов, он ездил в Москву и там в архиве набирал случайно попадавшиеся ему акты. Затем подлинники отсылали в Археографическую комиссию, где П.Л. Ежов их переписывал, а А.И. Тимофеев делал заголовки актам и читал типографские корректуры и редактировал тома. За редакцию он получал полистную плату, а П.Л. Ежов полистно за переписку актов². Кроме этого заработка, А.И. Тимофеев читал корректуру Актов Южной и Западной России, которые выбирал в Москве член Комиссии Г.Ф. Карпов³, бывший профессор русской истории в Московском университете, женатый на дочери фабриканта Морозова⁴, который не нуждался в гонораре и отдавал его А.И. Тимофееву. Время в Москве Тимофеев проводил весьма весело. У него там была кутёжная компания в лице директора Московского архива Министерства иностранных дел барона Ф.А. Бюлера⁵, директора Московской Синодальной типографии В.Е. Румянцева⁶, Г.Ф. Карпова, Е.В. Барсова⁷, А.А. Титова⁸, которая иногда приезжала в Петербург и там тоже занималась кутежами.

А. И. Тимофеева можно было застать в Комиссии с 10 до 3-х часов ежедневно. Дверь в Комиссию, обыкновенно утром, не бывала заперта.

Если же она бывала на ключе, то можно было позвонить. Это обыкновенно бывало после 12 часов, когда П.Л. Ежов уходил, а сторож был отправлен по делам. Тогда отворял двери сам А.И. Тимофеев. Зимой он был одет, носил крахмальное бельё и в галстук носил золотую булавку с шаром, в который была вделана пирамида из оникса и латуни. Вместо сюртука на нём был цветной ситцевый халат нараспашку. Но летом он сидел в одном бельё и на себя накидывал свой халат, но иногда выходил к посетителям в одном белье, без халата.

¹ «Дополнения к „Актам историческим“» – серия изданий, публиковавших документы по истории России, Литовского великого княжества, Русской Церкви, католической и униатских Церквей на русской, украинской и белорусской землях и в Прибалтике в XIII — середине XVIII в.

² Далее зачеркнуто: Археографическая комиссия заседала раз в месяц, по вечерам в Публичной библиотеке, в служебном кабинете Бычкова.

³ Карпов Геннадий Фёдорович (1839–1890) – русский историк, специалист по истории Малороссии XV–XVII в.

⁴ Карпова Анна Тимофеевна (1849–1924) – дочь Тимофея Саввича Морозова (1823–1889) – купца I гильдии, промышленника, благотворителя и мецената.

⁵ Бюлер Фёдор Андреевич (1821– 1896) – барон, русский правовед и дипломат, действительный тайный советник, глава Московского главного архива.

⁶ Румянцев Василий Егорович (1822–1897) – российский археолог, библиограф.

⁷ Барсов Елпидифор Васильевич (1836 – 1917) – русский историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф.

⁸ Титов Андрей Александрович (1844–1911) – российский предприниматель, историк, краевед, археограф, коллекционер, общественный деятель.

Однажды, в начале июля, пришли в Комиссию жена¹ пр[офессора] С.Ф. Платонова² и её сестра³ для покупки только что вышедшего из печати тома летописей – Лаврентьевского списка. Дверь в Комиссию была заперта. Они позвонили; за дверью послышалось шлёпанье туфель и открыл дверь А.И. Тимофеев в одном белье, даже не накинув халат! Они так смутились, что быстро выбежали из Комиссии, не купив даже тома. Таков был приём посетителей в присутственное время правителем дел Комиссии. Я часто забегал в Комиссию для покупки её изданий и хорошо познакомился с А.И. Тимофеевым, он обращался со мной крайне ласково и шутил. Придёшь для покупки книги, а он спросит: «Зачем Вам книга? Купили бы вина и выпили бы как следует! А тут ещё книгу покупать!» Меня он всегда потчевал выпивкой, но я всегда отказывался, т[ак] к[ак] водки не пил. А моего приятеля С.Ф. Платонова, когда он заходил в Комиссию, А.И. Тимофеев зазывал к себе и угощал водкой, говоря, показывая на графинчики: «Вот это Тимофеевка, а это Карповка (разумея водку, любимую Г.Ф. Карповым); Какой налить?» За рюмкой следовала закуска – икра, сыр и прочее. Так радушно принимал он нас, полюбивших Археографическую комиссию и мечтавших стать её членами.

Иногда заставал я у А.И. Тимофеева Г.Ф. Карпова, члена Комиссии, редактировавшего Акты Южной и Западной России. В угловой комнате были по стенам диваны и на них лежали ногами один к другому А.И. Тимофеев и Г.Ф. Карпов. Тимофеев был в обычном костюме, а Карпов без крахмального белья, в сером летнем пальто и в валенках.

Тимофеев тут знакомил пришедшего с Карповым. Карпов был высокого роста, седоватый, носил короткую бородку, обладал хорошим состоянием. Он был профессором Московского университета и напечатал несколько ценных исследований по сношениям Москвы с Мароссией. Красный нос Карпова свидетельствовал, что обладатель его привержен хмельному питию. Он подбирал материал для томов Актов Южной и Западной России в Московских архивах, а печатал их в С.-П[етер]бурге, причем следил за изданием Тимофеева. Последний любил иногда стихотворить. И вот однажды он возвратил Карпову корректуру, которую тот вернул не исправив. На корректурной гранке было набрано и напечатано следующее стихотворение. «Карпов, поживаешь, как ты? Почто ты не читаешь сырьё? Дурак ты!»

И это было послано Карпову! Другой раз мой приятель застал Тимофеева в угловой комнате и спросил: «а где же Карпов?» Тимофеев, не смущаясь, отве-

¹ Платонова Надежда Николаевна (1861–1928) – переводчик, биограф писательницы Н. С. Кохановской, жена, соратница академика.

² Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик, член Археографической комиссии, затем её председатель.

³ Речь идёт о Шамониной Зинаиде Николаевне (1864–1940/1944) – владелица частной мужской гимназии.

чал: «Какать ушел!»! Так ласково и просто обращался Тимофеев с нами – молодежью!

Детей у Тимофеева не было, но в Комиссии часто можно было застать детей, по-видимому, приёмшей Тимофеева и его жены. Потом дети куда-то исчезли. Помню, застал я такую сцену. По комнатам ходил ребёнок и таскал по полу на верёвке переплетенную рукопись. Супруги Тимофеевы были очень набожны и ежегодно летом ездили в Новгород на поклонение тамошним святыням. Тимофеев был весьма ценен. Однажды супруга члена Комиссии П.А. Гильтенбрандта¹ пришла в Комиссию за гонораром, причитавшимся её мужу. Она была тогда молода и миловидна. Тимофеев принял её ласково. Денег выписано для её мужа не было. «И зачем пришли Вы сюда за деньгами, - сказал он ей - прошлись бы вечером по Невскому и получили бы больше, чем причитается получить Вашему мужу».

Она выругалась и убежала из Комиссии.

Таково было это «доисторическое» положение Археографической комиссии, не похожее на обычную сухость канцелярий.

С помощником своим - П.Л. Ежовым - он обращался просто, говоря ему «ты». Они были в хороших между собой отношениях. Но иногда друзья ссорились и преимущественно на денежной почве, когда Ежову не удавалось получить денежного пособия, но что он был большой охотник, имея большую семью. Как-то случилось между ними обострение отношений. Тимофеев положил Ежову на стол рукопись для отсылки её обратно в библиотеку откуда была получена и приказал написать бумагу препроводительную. Ежов взял дело и по старому трафарету написал бумагу и подал её Тимофееву к подписи. В последнее время форма в препроводительной бумаге была изменена. Тимофеев прибежал из своего кабинета к Ежову держа бумагу, которую не подписал, говоря: «Какой дурак так пишет бумагу!» На это Ежов молча открыл дело и показал оригинал, написанный рукой Тимофеева, с которого была списана бумага, но оригинал старый, которому было уже лет десять, со словами: «А это кто писал?!» Тимофеев молча бросил Ежову бумагу. Пришлось написать её по последнему трафарету.

В другой раз Тимофеев хотел подразнить Ежова. Он положил Ежову на стол рукопись, довольно объемистую, в его отсутствие, которую надлежало вернуть по принадлежности. Ежов не спросил для чего положена рукопись и целый час стал её описывать по статьям. Подходит Тимофеев и спрашивает: «Ты что делаешь?» Тот отвечал, что описывает рукопись.

«Дурак, спросил бы для чего положена рукопись! Надо её вернуть, а не описывать!» Но Тимофеев стал стариться. Почему-то больше не стал ездить в Москву собирать материалы в архивах; последние тома «Дополнений к Актам

¹ Гильтебрандт Пётр Андреевич (1840–1905) – русский православный литератор и историк, археограф, палеограф и фольклорист. С 1871 г. был членом Археографической комиссии и с 1893 по 1903 год — правителем дел..

Историческим» Х по XII редактировал за него Е.Е. Замысловский¹. Нуждаясь в деньгах, он стал продавать свои книги, в числе коих были по ошибке и комиссинские. В это время умер покровитель Тимофеева – председатель Комиссии В.П. Титов² и на его место был назначен А.Ф. Бычков. Он не мог оставить канцелярию Комиссии и её делопроизводство в таком архаическом виде и решил поставить её на деловую ногу. Тимофеев был уволен со службы с хорошей пенсией. Он был уже тайным советником и имел орден Анны I степени. Получив отставку, он уехал в Новгород и прожил до смерти³, оставив в нас, молодых, знавших его, самые лучшие о нём воспоминания. Мы очень пожалели его, когда его быстро скрутил и уволил А.Ф. Бычков, хотя в материальном отношении он обижен не был. Мир его праху!

На место Тимофеева был назначен Л.Н. Майков⁴ - брат поэта А.Н. Майкова⁵. Он родился в 1839 г., окончил курс С.-П[етер]б[ургского] университета по филологическому факультету⁶. В 1863 г. получил степень магистра русской словесности за диссертацию о былинах Владимирова цикла⁷ и начал службу в Статистическом комитете Министерства внутренних дел, а в 1882 г. был назначен помощником директора Публичной библиотеки. В 1889 г. он был избран в академики и с 1893 г. был председателем фонда Николая Второго для пособия литераторам⁸. С 1872 по 1886 г. редактировал «Записки отделения этнографии» Русского Географического общества. Был членом Археографической комиссии и после ухода Тимофеева назначен правителем дел Комиссии. На этой должности он пробыл до 1893 г., когда был назначен вице-президентом Академии Наук. Его

¹ Замысловский Егор Егорович (1841– 1896) – российский историк, профессор, чл.-кор. АН.

² Титов Владимир Павлович (1807–1891) – русский писатель, чиновник, дипломат, председатель Археографической комиссии (1872–1891).

³ 27 января 1896 г. на 441-ом заседании Комиссии были сообщены краткие сведения о А. И. Тимофееве (ЛЗАК) за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 27-28). Служил в Комиссии с 1844 по 1894 г.

⁴ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк литературы, библиограф, этнограф. В 1882 г. назначен помощником директора Публичной библиотеки, в 1889 г. избран академиком, в 1893 г. – вице-президентом АН.

⁵ Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – русский поэт, чл.-кор. АН.

⁶ Имеется в виду Историко-филологический факультет, окончил в 1860 г.

⁷ «О былинах Владимирова цикла», в которой предложил историческую точку зрения на происхождение былин: указывал, в частности, что былины Владимирова цикла – отражение киевского удельного периода.

⁸ Николай Второй стал императором в 1894 г. «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным» – общественная организация, учреждённая в 1859 г. в С. Петербурге. Деятельность прекратилась в 1917 г. Вероятно речь идёт о Постоянной комиссии при АН для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам – образована во исполнение Высочайшего указа 13 января 1895 г., которым повелено отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50000 руб. для оказания необходимой помощи нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

литературные статьи очень ценны и вышли отдельным сборником¹. В 1889 г. под его редакцией вышло роскошное издание сочинений Батюшкова в трёх томах² с большим исследованием о жизни и сочинениях Батюшкова. В Академии Наук он редактировал академическое издание сочинений Пушкина, в Археографической комиссии напечатал сборник Сибирских летописей. Человек широко образованный и просвещенный, он был высокого роста весьма плотного телосложения, ходил мягкой поступью, как бы немного покачиваясь и приседая на одну ногу, имел хорошие русые волосы и носил бороду. Он всегда носил пенсне и имел мягкий приятный голос. Был он приветливого нрава, но иногда на него находила хандра, и тогда к нему нельзя было подступиться: он, как говорили, огрызался. Он имел привычку - сидя за беседой, вынимать из кармана жилета специально находившуюся там веревочку и крутить, свёртывая и развёртывая её во время разговора. Беседа его была всегда интересна и остроумна. Когда меня ему представили, он вспомнил покойного моего дядю А.В. Дружинина³ и впоследствии всегда ко мне благоволил и посещал мои дружеские собрания, на которых участники все были ему знакомы.

При нём канцелярия Комиссии приняла вид обычной канцелярии учреждения. Помощником к нему по научной части был назначен В.В. Майков⁴, а Ежов остался переписчиком. А.Н. Майков в Комиссии не жил и заседания Комиссии продолжали бывать в Публичной библиотеке.

По смерти А.Ф. Бычкова Л.Н. Майков был назначен председателем Комиссии, но был уже больной – у него была болезнь почек. Он был председателем год с небольшим и умер.

Председателем Комиссии был А.Ф. Бычков. При нём мне пришлось исполнить первую работу по поручению Комиссии. Проф[ессор] И.В. Помяловский⁵ подарил Комиссии рукопись XVII в., в которой был список Смоленской шляхты, перешедшей на службу в Россию. Комиссия передала её мне для описания. Предполагалось напечатать это описание. Я исполнил эту работу. Но когда описание было мной представлено, что таких томов описаний много в архиве

¹ «Историко-литературные очерки» (СПб., 1895).

² Сочинения К.Н. Батюшкова со статьей О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова, написанной Л.Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В.И. Саитовым, [т. 1-3]. [Письма, 1797–1853]. 1885–1887.

³ А. В. Дружинину в воспоминаниях посвящено два очерка: «А. В. Дружинин и его дневник (1824-1864): По семейным воспоминаниям» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп.1. Д. 3. Л 1–11 об.); Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах: А. В. Дружинин (1824-1864). Д. В. Григорович (1822–1899)/Подг к публ, коммент. В. В. Митрофанов//Вестник «Альянс-Архео». М.: СПб.: Альянс-Архео. 2025. Вып.49. С. 131–135.

⁴ Майков Владимир Владимирович (1863–1942) – русский археограф, палеограф и библиограф, чл.-кор. АН.

⁵ Помяловский Иван Васильевич (1845-1906) — филолог-классик, археолог, заслуженный профессор, декан историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, чл.-кор. АН.

Юстиции в Москве¹, а это лишь случайный том из этой серии. Поэтому решили не печатать, а дать мне в виде гонорара за работу издания Комиссии по моему выбору. Это был первый мой гонорар, полученный из Археографической комиссии. Можно легко себе представить, когда я привёз домой на извозчике ряд томов актов и летописей и проч[ее]!

В 1896 г. я был избран членом Археографической комиссии. Предложили меня в члены и составили Записку Л.Н. Майков и Е.Е. Замысловский, а остальные члены подписали это заявление и я был избран единогласно.

А. Ф. Бычков был прекрасным председателем Комиссии. В 1840 г. он был назначен редактором Полного Собрания Русских Летописей и издал 8 томов этого собрания. В 1854 г. был избран в члены Археографической комиссии и назначен главным редактором Полного Собрания Русских Летописей. С 1865 по 1873 г. был правителем дел Комиссии².

В. П. Титов, личный друг императора Александра Второго, член Государственного Совета, действительный тайный советник, он жил за границей, а его обязанности по Комиссии исполнял А.Ф. Бычков. По смерти Титова председателем Комиссии был назначен А.Ф. Бычков. Он прекрасно вёл заседания Комиссии, которые происходили в его служебном кабинете в Публичной библиотеке, один раз в месяц по вечерам. В заседаниях подавали чай с булками. Дела докладывал правитель дел Комиссии. В заседаниях читали и утверждали предисловия к изданиям, обсуждали новые издания Комиссии, распределяли гонорары и читали отчёты о состоянии денежном Комиссии, т[ак] наз[ываемую] «денежную статью» и отчёты о библиотеке и продаже изданий.

В заседаниях предлагали новых членов Комиссии и баллотировали кандидатов. Число членов было не ограничено. Сотрудников Комиссии назначал председатель.

Средства Комиссии были весьма ограничены. Из казны отпускалось всего около 6000 р. на содержание Комиссии: канцелярию, жалование правителю дел 600 р. в год, писцу—480 р. в год, сторожу—360 р. в год, ему же «амуничных», т.е. на одежду — 45 р., на наём квартиры для Комиссии и правителя дел, на дрова, остальное же — на издания Комиссии. Поэтому издания, расходы на гонорары и типографские расходы шли медленно. Комиссия всегда нуждалась в деньгах. Тогда при Тимофееве деньги добывали от купцов, которым за пожертвования в Комиссию выхлопывали ордена. Один купец пожертвовал 10000 р. на издание Макарьевских Четь Миней и получил орден св. Станислава 3-й степени. Тимофеев ловил этих купцов в трактире в Чернышовом переулке, где иногда завтракал и обедал. Но однажды случилось неудача. Купец мало пожертвовал, что-то 2000 руб., деньги истратили, а в ордене ему отказали. Еле-еле удалось достать ему орден. Это называлось навешивать «Ставсюков», т.е. ордена св. Станислава

¹ Речь идёт об архиве Министерства юстиции.

² Об этом В. Г. Дружинин писал и ранее (РГАЛИ. Ф. 167. Оп.1. Д. 7. Л. 224).

3-й степени. После этого случая прекратили эту операцию, и Бычкову удалось выхлопотать увеличение содержания Комиссии на 2 т[ысячи] рублей в год. Это дало возможность определить помощником правителя дел В.В. Майкова с назначением его сотрудником Комиссии.

А.Ф. Бычков был замечательным знатоком скорописи XVI и XVII в., читал дьячьи пометы на столбцах, разбирал самые трудные почерки. Равным ему по умению разбирать такие почерки был только Ежов. В самых трудных местах текстов памятников Бычков умел найти правильное чтение, почему в трудных случаях к нему постоянно обращались все члены Комиссии. Он и редактировал восемь томов Полного Собрания Русских Летописей, издал отдельно первоначальную летопись по Лаврентьевскому списку отдельным изданием, которое издавалось три раза. В одном из изданий проскочил большой курьёз. В одном примечании было напечатано: «В этом году пятница приходилась в воскресенье». Непонятно, как эта ошибка ускользнула от его опытного глаза. Под его редакцией составлен был первый том указателя личных имён, встречающихся в восьми томах Полного Собрания Русских Летописей. Составил указатель Н.П. Барсуков¹, но Бычков взял рукопись и издал под своей редакцией. Это страшно обидело Н.П. Барсукова и он перестал посещать заседания Комиссии во время председательства Быčkova. В последние годы жизни Бычков по поводу Петровского юбилея предпринял издание собственноручных писем Петра Великого и издал несколько томов². Издание очень роскошно и снабжено многими учеными примечаниями. По смерти его продолжал издание сын его - И.А. Бычков³. Из других изданий А.Ф. Быčkova упомяну сделанную им перепечатку первых «Ведомостей»⁴ в 1703 г. на славянском языке, описание книг, напечатанных при Петре Великом. Оба издания весьма в ограниченном числе экземпляров; Описание рукописных сборников Погодинского собрания рукописей⁵.

Кроме того, он редактировал предпринятую Главной императорской квартирой перепечатку подобных журналов Петра Великого, т[ак] называемых «Юрналиов» с 1695 г.⁶ Издание продолжалось, т[ак] к[ак] эти журналы обратились в

¹ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) — русский историк, археограф, библиограф.

² «Письма и бумаги императора Петра Великого». С 1884 г. за издание отвечал сам Бычков, выпустивший тома 1–4. Том 5-й готовил его сын И. А. Бычков, 6-й — А. С. Лаппо-Данилевский. К 2003 г. вышло 13 т.

³ Бычков Иван Афанасьевич (1858–1944) — русский и советский археограф и библиограф, чл.- кор АН

⁴ «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах», первый номер вышел 2(13) января 1703 г.

⁵ Собрание рукописей М. П. Погодина – часть коллекции предметов старины.

⁶ «Юрнали и походные журналы Петра Великого, с 1695 по 1725 гг.» (СПб., 1853–1855; издание Афанасия Быčkova)

Камер-фурьерский журнал¹, в который записывалось изо дня в день и деятельность государей, как бы дневники их жизни. Издание велось так, чтобы каждый год выходил из печати том, посвященный придворной жизни за сто лет назад, т. е., напр[имер], в 1880 г. выходил том, посвященный событиям 1780 г., и так шло до революции.

При Бычкове мне пришлось исполнить первую ученую работу по поручению Комиссии. И.В. Помяловский передал в Комиссию рукопись- список Смоленской шляхты середины XVII в., перешедшей на службу Московского государства. Комиссия передала мне эту рукопись для описания. Предполагалось напечатать это описание. Когда описание было готово, то оказалось, что в Московском архиве Юстиции много таких томов, а данный мне для описания случайно попал к И.В. Помяловскому. Поэтому было решено не печатать моего описания, а уплатить мне гонорар изданиями Комиссии по моему выбору. Можно себе представить мою радость, когда я привёз на извозчике домой ряд томов изданий Комиссии: «Дополнений к Актам Историческим», «Актов Южной и Западной России, тома Летописей и проч[ее].

Помощником А.Ф. Бычкова по назначению его директором Публичной библиотеки был Л.Н. Майков - брат поэта Л.Н. Майкова. Он родился в 1839 г., окончил Курс С.-П[етербургского] университета по филологическому факультету. В 1863 г. получил степень магистра русской словесности за диссертацию о былинах Владимиров цикла и поступил на службу в Статистический комитет Министерства внутренних дел, а в 1882 г. был назначен помощником директора Публичной библиотеки. В 1889 г. он был избран в академики Академии Наук и в 1893 г. назначен председателем фонда Николая Второго для пособия литераторам и ученым. С 1882 г. по 1886 г. редактировал тома² Записок, издаваемых в Отделении Этнографии Русского географического общества, был членом Археографической комиссии и правителем дел её после ухода в отставку А.И. Тимофеева. В 1893 г. он был назначен вице-президентом Академии Наук, после чего оставил должность правителя дел Комиссии. По смерти Бычкова он в 1892 г. был назначен председателем Археографической комиссии. В последних двух должностях он и умер. Его литературные статьи очень ценны и вышли отдельным сборником. В 1889 г. под его редакцией вышло великолепное издание сочинений Батюшкова в трёх томах с вводной статьёй – целым исследованием о Батюшкове и его сочинениях. Последние годы жизни он редактировал сочинения Пушкина в Академии Наук. В Археографической комиссии он издал Сибирские летописи. Человек хорошо образованный и просвещенный, он был высокого роста, весьма плотного сложения, ходил мягкой поступью, немного как бы припадая на одну ногу, имел хорошие русые волосы и носил бороду. Он всегда носил

¹ Журналы и Камер-фурьерские журналы 1695–1774 гг.

² Далее зачеркнуто – Сборника.

пенсне и имел мягкий и приятный голос. Был он приветливого нрава, но иногда на него находила хандра, и тогда к нему нельзя было подступиться: он, как говорили, огрызался. Он имел привычку сидя за беседой, вынимать из кармана жилета специально находившуюся там веревочку и крутить, свёртывая и развёртывая её во время разговора. Беседа его была всегда интересна, остроумна и поучительна. Когда меня ему представили, он вспомнил моего покойного дядю А.В. Дружинина и впоследствии всегда ко мне благоволил и посещал мои дружеские собрания, на которых участники ему все были знакомы.

В 1896 г. я был избран в члены Археографической комиссии. Предложили меня и составили мне записку Л.Н. Майков и Е.Е. Замысловский, а остальные члены Комиссии подписали моё предложение в члены Комиссии, и я был избран единогласно.

В 1893 г. Л. Н. Майков был назначен вице-президентом Академии Наук и оставил должность правителя дел Комиссии. На его место был назначен П.А. Гильтебрандт, член Комиссии¹, старший справщик Петербургской Синодальной типографии². Он занялся продолжением преобразования канцелярии Комиссии и приведением в порядок её помещения и склада изданий.

Когда и где родился П.А. Гильтебрандт³, сейчас не могу справиться, знаю только, что он долго служил в Вильне при графе Муравьеве⁴. Когда можно будет, я дополню эти сведения. Знаю только, что он был прекрасный знаток церковно-славянского языка, что дало ему возможность получить место справщика в С.-П[етер]бургской Синодальной типографии. Он напечатал несколько ученых статей, в том числе описание нескольких книг Литовской Метрики⁵. Но самые важные его труды были Симфонии (конкордации) на книги Нового Завета – 2 тома и Псалтырь⁶. Слова в них были искажены греческим переводом. После них он предпринял составление симфонии на Ветхий Завет. И до него были симфонии, напечатанные в XVIII в. (так князь Антиох Кантемир⁷ составил симфонию на Псалтырь и она выдержала два издания). Но эти симфонии были очень неудовлетворительны, равно как и симфония, составленная и изданная княжной

¹ С. 1871 г.

² В 1884–1903 гг. был справщиком Санкт-Петербургской синодальной типографии.

³ с. Перво, Касимовский уезд, Рязанская губерния.

⁴ П. А. Гильтебрандт работал при графе М. Н. Муравьеве — Виленском генерал-губернаторе.

⁵ Литовская метрика (сокращённо от «Метрика Великого княжества Литовского») — собрание специфических материалов (тетрадей, книг) канцелярии Великого княжества Литовского XV—XVIII веков.

⁶ «Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету» — по славянскому тексту синодального издания 1862 года, СПб., 1882–1885; «Справочный и объяснительный словарь к Псалтири». СПб., 1898.

⁷ Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744) — русский поэт-сатирик XVIII в., переводчик, дипломат (посол России в Лондоне и Париже), деятель раннего русского Просвещения.

Барятинской¹. К сожалению, П.А. Гильтебрандт умер, не окончив этого труда, и его карточки продолжать было некому и труд погиб. Он успел лишь составить симфонию к книгам Моисея.

В Комиссии он издал два больших тома Литературных полемических памятников против протестантов и католиков юго-западной России XVI в. В них он перепечатал сохранившиеся сочинения – уники и некоторые рукописи, в том числе «Палинодию» Захария Копыстенского². Издание было снабжено ученым комментарием. Был подобран материал для третьего тома, но, к сожалению, он не был напечатан. Он издал также один том Метрики Литовской и снабдил его образцовым указателем и комментариями. Как правитель дел, он редактировал «Летописи занятий Комиссии». Он был высокого роста, с длинным лицом, редкой бородой и черными волосами с проседью. Он медленно говорил, тянул слова и покрывал: э, э, э... между словами. Его красное лицо и особенно красный нос выдавали его любовь к выпивке. Он был в очках, носил черный сюртук, на улице палку, которую подвешивал на пуговицу пальто. Он любил хвастаться своей силой, но рассказы его об этом носили легендарный характер. Он часто бывал на моих дружеских вечерах в конце 12-го часа, собираясь к 12 часам быть дома, т[ак] к[ак] говорил, что после 12 часов «враг рода человеческого выходит на ловитву».

К Ежову он относился свысока и за глаза называл его «Поль Эжаниус»³. Но Ежов заслуживал полного уважения своей аккуратной работой и любовью к Комиссии. У Гильтебрандта была небольшая собственная библиотека и собрание актов, вывезенное из Западного края. После его смерти библиотеку его купил Синодальный училищный совет⁴, а собрание актов – Комиссия. Как я сказал, он имел казённую квартиру при Синодальной типографии, а потом по приобретении дома на Надеждинской, 28 имел там казённую квартиру, в которой и умер. Он пережил председательство Бычкова и Майкова и был инициатором продолжения и хлопот по назначению графа С.Д. Шереметева председателем Комиссии. Это его большая заслуга.

При Бычкове и Майкове он не проявлял своего властолюбия и подчинялся их приказаниям.

¹ «Симфония или Согласие на Новый Завет» (издание 1874 г.). Елизавета Дмитриевна Барятинская (1835-1899).

² Палинодия или книга обороны католической святой апостольской восточной церкви – сочинение архим. Захарии Копыстенского (1585-1627), самое замечательное из всех западнорусских сочинений XVII в., направленных на защиту православия против католичества и унии. Автор южнорусский деятель XVII в.

³ Жан Поль (1763–1825) – немецкий писатель, сентименталист и преромантик, автор сатирических сочинений, эстетик и публицист.

⁴ Училищный совет при Святейшем Синоде, учреждённый в 1885 г. для усиления влияния православного духовенства на начальное народное образование.

В. В. Майков ушел из помощников правителя дел, получив место в Рукописном отделении Публичной библиотеки. А на его место был назначен С.А. Адрианов¹.

Поступив в Историко-филологический институт, он, однако, со 2-го курса ушел и перешел в С.-П[етер]б[ургский] университет на филологический факультет, окончил курс и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и получил установленную стипендию. Во время прохождения университетского курса он очень нуждался. Филологический институт давал ему квартиру, стол, одежду и обучение. Перейдя в университет, он первое время очень нуждался. По его словам, он обедал в извозчых столовых, получая тарелку мясных щей за 5 коп. с хлебом. Для чая он покупал там же кипяток и приносил его домой. Нужно было ещё оплачивать комнату. Пока не было у него частных уроков, ему жилось очень тяжело. Но вот появились уроки, и он стал жить лучше и работать научно. По окончании курса он очень кстати получил должность правителя дел Комиссии. Гильтебрантд поручил ему привести в порядок склад изданий Комиссии, который находился в здании VI гимназии, в подвале. При подъеме воды в Неве, вода поднималась и в Театральной улице и проникала из почвы в склад изданий Комиссии и подмачивала их; а так как их не проветривали, то они гнили. Кроме того, инспектор гимназии держал в этом помещении своих кур, которые бродили по изданиям, сидели на них и гадили. Пришлось разобрать издания и выкинуть гниющие книги, подмоченные водой. Уцелевшие издания внесли в помещение Комиссии. Надо сказать, что склад изданий Комиссии до 1863 г., т.е. до пожара Апраксина рынка, находился в этом рынке, в кладовой, которую нанимала Комиссия. Но в 1863 г. случился на рынке большой пожар, и часть изданий Комиссии сгорела, но всё же успели вывезти большую часть изданий Комиссии. Оттого исчезли из продажи некоторые её издания. Таковы «Акты Археографической Экспедиции», «Акты исторические» тт. с I по III, «Акты Западной России» тт. с I по II, Писцовые книги Ижорской земли-два выпуска, Новгородские писцовые книги тт. с I по III, «Дополнения к Актам Историческим тт. I-IV. До 1863 г. эти все издания мало разошлись и потому дорого продавались на рынке, т[ак] к[ак] в обращении их было немного. Так, четыре тома «Актов Экспедиции» стоили 25 руб. и редко попадались. «Акты Западной России» я случайно купил у букиниста в Москве, в С.-П[етер]б[урге] я на рынке их не встречал. Из Апраксина рынка издания Комиссии попали в подвал VI гимназии, где их постигло выше описанное несчастье.

С. А. Адрианову было поручено перебрать и пересмотреть издания, отобрать годные, уничтожить гнилые и перенести годные в помещение Комис-

¹ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) – русский литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. С 1896 по 1908 год состоял сотрудником Археографической комиссии.

сии, что он исполнил с большим трудом, потратив на это целое лето. Но этим не прекратились невзгоды изданий.

Водопроводы в здании VI гимназии были ветхими и неисправными. В один прекрасный день над помещением Комиссии лопнули фановые трубы и из них пошел благовонный поток в Комиссию и тоже попал на издания.

Гильтебрандт очень картинно описывал в заседании Комиссии как в помещении из фановых труб потекли «экскременты».

Гильтебрандт не жил в помещении Комиссии, а имел квартиру при С.-П[етер]б[ургской] Синодальной типографии.

Пользуясь своим знакомством в Синоде, ему удалось выхлопотать приказ, что все епархии выписали их Комиссии наличные тома Великих Миней Четьих митрополита Макария¹. Это дало Комиссии 800 р. дохода, что было очень кстати при её скудных средствах.

По избрании меня в члены Археографической комиссии, я получил тотчас же работу. Мне Комиссия поручила редактировать отдельное издание жития св. Стефана Пермского² по поводу исполнившихся трехсот лет со дня кончины. Рукописи жития в четырёх списках были уже определены и мне пришлось только их проредактировать и напечатать, что я и исполнил.

Для моей диссертации «Раскол на Дону в XVII в.» я поручил в Московском архиве Министерства иностранных дел постепенно переписать мне до 2500 стр. Донских актов. Желая их использовать и уверившись, что нет полного издания актов для истории Дона, я вошел в Комиссию, предварительно обследовав в ней повод с запиской об издании этих материалов. Некоторые акты по истории Дона были уже напечатаны в «Актах Археографической Экспедиции», «Дополнениях к Актам Историческим»; в Новочеркасске были в 1864 г. изданы грамоты, пожалованные Войску Донскому, были изданы Лишиным четыре тома

¹ Подробнее см., Брачев В. С. Великие Миней Чети, собранные митрополитом Макарием. К истории публикации (1868–1917)//Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 367–376.

² Стефан Пермский (коми Перымса Степан, мирское имя неизвестно (1340-1396)) — епископ Русской православной церкви, миссионер, который проповедовал христианство в землях коми (зырян). В 1383 г. был поставлен первым епископом образованной в результате его миссионерской деятельности Пермской епархии. Инициировал вопрос издания С. Ф. Платонов на заседании Комиссии 12 декабря 1895 г. В протоколе заседания отмечено, что «С. Ф. Платонов заявил далее о том, что преподаватель истории 6-ой С.-Петербургской гимназии Г. С. Лыткин просил передать Комиссии его предложение издать, в виду приближающегося пятистолетия (26 апреля 1896 года) со дня кончины св. Стефана, епископа Пермского, древнейший список его жития (ЛЗАК за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 24). На заседании 27 января 1896 г. было постановлено: «Поручить издание жития св. Стефана вновь избранному члену В. Г. Дружинину...» (Там же. С. 30).

«Акт по истории Дона»¹, по копиям, сделанным по поручению П.М. Строева, с Донских актов, хранящимся в Московском архиве Министерства иностранных дел и находящимся² в архиве Главного управления Казачьих войск в С.-П[етер]б[урге]. Были и другие издания отдельных актов. Но все это были случайные издания. Мне поручила Комиссия обследовать хранящиеся в Управлении Казачьих войск копии, для чего меня туда и командировала. Обследовав их, я убедился, что это выборки, сделанные по поручению П.М. Строева из донских дел, которые он разобрал в архиве. Составив о всех моих изысканиях доклад, в котором изложил, что не существует полного издания актов для истории Войска Донского и предложил Комиссии издавать систематически Донские дела и книги, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел в Москве, из листа в лист, чтобы избавить исследователей впредь обращаться в архив. Кроме столбцов, в архиве были и книги, т[ак] н[азываемые] Донские книги, в которых были копии со столбцов, сделанные в Посольском приказе в XVII в. для канцелярских целей, и часто сохранившие нам документы, утраченные в столбцах.

Комиссия приняла моё предложение и постановила печатать Донские дела сплошь. Это было первое систематическое издание актов³.

Для моего издания выписывались из Москвы в Комиссию подлинники и их здесь копировала А.А. Гельвих⁴, и я считывал с него, проверяя её копии. Но корректура производилась по сверке набора с подлинников. Я редактировал издание. Когда вышел первый том издания⁵, он был озаглавлен «Донские дела» и печатались они в Исторической библиотеке, издаваемой Комиссией. Когда вышел первый том «Донских Дел», он не произвёл впечатления на Дону: в то время

¹ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным (Акты Лишина). Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск: Тип. А.А. Карасева, 1891–1894.

² Далее зачеркнуто – в Главном управлении кабинета.

³ Подробнее об этом смотреть протоколы Комиссии (ЛЗАК. Вып. 12. С. 72–73, 76–77, 88). Здесь его записка (там же. С. 73–75). «Отчет о занятиях в архиве Главного управления Казачьих Войск члена Комиссии В. Г. Дружинина» (Там же. С. 83–86).

⁴ Гельвих Аделина Августовна (1876 г. р.) – окончила С.-Петербургскую Петровскую женскую гимназию и историко-филологическое отделение Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1898). Была учительницей учебного заведения I разряда О. С. Кулжинской. Сотрудник Археографической комиссии, умерла во время Блокады Ленинграда.

⁵ Кн.1 вышла в 1898 г. РИБ т. XVIII тома XVIII, XXIV, XXVI, XXIX, XXXIV, вышли в 1898–1917 гг.) Донские дела / Ред. В.Г. Дружинин. Кн. 1. (1594–1639 гг.). СПб., 1898. С. VII; Кн. 3. (1646–1648 гг.). СПб., 1909. С. III–IV; Кн. 4. (1648–1654 гг.). СПб., 1913. С. I.

В 4-й и 5-й книгах «Донских дел» указатели были составлены сыном Василия Григорьевича Александром (1890–1939). Об издании см., Малов, А. В. Издание в «Русской исторической библиотеке» Донских дел на рубеже XIX–XX вв. И судьба проекта в условиях революций и гражданской войны // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 2. С. 41–54.

не было историков казачества. Но зато во время революции Донские казаки, эмигрировавшие в Париж и начавшие там заниматься историей Донского казачества, приветствовали моё издание и от одного из них – Сватикова – я получил письмо, в котором он отдаёт должное изданию «Донских Дел», которых к этому времени вышло пять томов и удостоверяя, что ими положено основание для истории Дона. В революцию издание прервалось, хотя я приготовил к печати шестой том и половину седьмого. Но во время революции казаки были не в моде и издание остановилось. Сватиков спрашивал меня – будет ли продолжаться издание «Донских Дел». К сожалению моему, мне не удалось ему ответить, а между тем он отозвался об издании с большими дифирамбами по моему адресу, говоря, что это издание «Донских Дел» составило эпоху в истории Донского казачества. Надо еще сказать, что для истории Дона имели большое значение Крымские дела того же архива. Но их очень медленно и не систематически издавало Русское историческое общество. Вышло их всего два тома «Сборника Русского Ист[орического] Общества». А между тем там были документы XVI в. по нападениям казаков на Крым. Я мечтал о том, чтобы их двинуть, но мне это не удалось.

Кроме «Донских Дел» мне было поручено довести до конца XI том Летописи занятий. Издание затянулось, а между тем в нём были интересные документы, собранные Н.П. Лихачевым¹, по делу о приезде иезуита Антония Поссевино² в Москву. Мне удалось очень быстро окончить печатание этого тома, насадея на типографию Балашева, которая находилась в так называемой Вяземской Лавре. Том скоро вышел из печати.

Зная мои дружеские отношения к пр[офессору] М.А. Дьяконову, мне поручила Комиссия редактировать XII т. Летописи занятий³, в котором решили напечатать его докторскую диссертацию о сельском населении Московского государства⁴. Сочинение это имело большой успех и через три-четыре года том «Летописи» вышел из продажи, несмотря на то, что автор получил 500 экземпляров отдельных оттисков, которые тоже распродались.

¹ Лихачёв Николай Петрович (1862–1936) – русский историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики, академик.

² Поссевино Антоний (1533–1611) – итальянский священник-иезуит, церковный писатель, проповедник и дипломат, папский легат в Восточной Европе. Первый представитель своего ордена, побывавший в России.

³ Выпуск вышел в 1901 г. На титульном листе указано: «под наблюдением правителя дел», но в это время им был П. А. Гильтебрандт.

⁴ «Сельское население Московского государства в XVI–XVII в.в.» Этот вопрос рассматривался на заседании Комиссии 7 ноября 1897 г. П. 3. На просьбу М. А. Дьяконова напечатать его труд в ЛЗАК, было определено: «1. уведомить г. Дьяконова о согласии Комиссии.... 2. В вознаграждение г. Дьяконова напечатать 500 экземпляров отдельных оттисков, с проставлением на оных определённой им цены» (ЛЗАК. Вып. 12. С. 155).

Гильтебрандт был очень властолюбив и неискренен. Последнее качество наблюдалось у всех, служивших в Западном крае, но при Бычкове и Майкове его сдерживали их распоряжения. Особенно недолго любил его Л.Н. Майков, не доверяя его неискренности.

Председательство Л.Н. Майкова продолжалось недолго. Бычков умер в 1898 г.¹, а Майков в 1900 г. Он стал председателем Комиссии уже будучи больным почками и сердцем. При нём заседания Комиссии проходили в помещении Комиссии на Театральной улице. Было там заседать неудобно. Большого стола не было; приходилось составлять канцелярские столы к заседанию. Не было достаточного освещения – заседали при свечах. Майков ничего не успел сделать для Комиссии.

По смерти его председательствующим был назначен старший член Комиссии Г.Ф. Штендман² до назначения нового председателя.

Гильтебрандт переговорил с графом С.Д. Шереметевым и убедил его принять председательство в Комиссии, как оказалось, граф очень почитал Комиссию и охотно согласился, узнав предварительно от Гильтебрандта все нужды Комиссии. Гильтебрандт изобразил положение Комиссии, наверное, сгустил краски. Вероятно, графу пришлось испросить разрешение государя на принятие этого назначения, т[ак] к[ак] граф был в числе первых чинов двора. И граф не побоялся доложить государю об истинном положении Комиссии и её нуждах и заручился поддержкой государя в приведении Комиссии в надлежащее положение и принял предложенную Гильтебрандтом просьбу Комиссии быть её председателем.

По мнению Гильтебрандта и вообще, граф в обществе совершенно незаслуженно слыл за недалёкого человека, и Гильтебрандт рассчитывал верховодить в Комиссии, что ему не удавалось при Бычкове и Майкове. Но тут Гильтебрандт жестоко ошибся: граф оказался умней, чем о нём думали, и только его застенчивость доставляла ему такую репутацию. Он не позволил Гильтебрандту сесть себе на шею. Действительно, граф был конфузлив, все заявления читал по записке. Но он несомненно был очень умён, о чём свидетельствует его деятельность.

В этом я убедился, состоя 15 лет правителем дел во время его председательства. Комиссия вошла представлением в Министерство и последовал высочайший указ о назначении графа председателем Комиссии.

Первое заседание под его председательством состоялось в его дворце на Фонтанке. Открыв заседание и поблагодарив за избрание, он выступил с программной речью, которую прочёл по записке. Он заявил, что весьма почитает

¹ Смерть А. Ф. Бычкова наступила в 1899 г.

² Штендман Георгий (Юрий) Фёдорович (1836 – 1903) – российский историк, секретарь Императорского Российского исторического общества, член Археографической комиссии.

Комиссию и считает, прежде всего, что нужно ей дать соответствующее значению её помещение и что ей не подобает ютиться в квартире в доме VI гимназии и второе - ей надо дать Положение и штаты, соответствующие её значению и улучшить её материальное положение. И он берёт на себя труд провести то и другое. Отрадно было слышать такое обещание, ибо граф был не такой человек, чтобы обещать попусту что-либо сделать, но очевидно было, что он заручился согласием государя улучшить положение Комиссии. После этой программной речи все члены Комиссии ожили.

Граф не пропускал заседаний Комиссии; но всегда на них председательствовал. Только однажды внезапно он не мог быть на заседании и просил Г.Ф. Штендмана председательствовать за него. Этим хотел воспользоваться Гильтебрандт и подложил мне свинью, отказав в высылке «Донских дел» без всякого с моей стороны повода. Но тут вступился Г.Ф. Штендман и вся Комиссия поддержала меня, и дело обошлось благополучно. После заседания Г.Ф. Штендман меня спрашивал, откуда явилась такая затея Гильтебрандта: но я решительно недоумевал. Больше наскоков Гильтебрандта на меня не было.

Заседания Комиссии шли своим чередом. Между тем С.А. Адрианову было поручено подыскать подходящий для Комиссии дом, который она могла бы заарендовать. Видимо, граф получил обещание государя дать денег на аренду дома. С.А. Адрианов нашел дом №28 по Надежкинской улице, близ Баскова переулка. Дом принадлежал Брянчаниновым. Дом был старый, но при нём была большая дворовая площадь, на которой стоял ветхий каретный сарай. Вот этот дом и решил граф заарендовать до получения денег на его приобретение. Граф решил поместить в доме внизу при входе лавку с иконами Иконописного комитета¹, а по другую сторону ворот лавку с изданиями Комиссии. Рядом с иконной лавкой дали квартиру одному из сторожей Комиссии. Бельэтаж был передан для помещения Комиссии, кроме одной комнаты, в которой временно поместилось Русское генеалогическое общество². Часть бельэтажа с окнами во двор занял секретарь этого Общества Руммель³. Под ним в нижнем этаже был оборудованный стеллажами склад для изданий Комиссии. Квартиру над Комиссией с окнами на улицу граф предоставил Гильтебрандту, который оставил службу в Синодальной типографии. Во дворе был выстроен амбар высотой в два этажа для склада икон. Рядом с ним была несгораемая кладовая. Но временно этот склад приспособили для жилья младших служащих, который шутя называли «террариум» второго сторожа Комиссии, сторожа Комитета иконописи и дворника.

¹ «Комитет попечительства о русской иконописи», учреждённый Именным Высочайшим указом 19 марта 1901 г., председателем которого был назначен С. Д. Шереметев.

² Русское генеалогическое общество (РГО) – действовавшее (1897–1922) и восстановленное (1991).

³ Руммель Василий Владимирович (? — 1903) – секретарь Русского генеалогического общества, историк-генеалог.

Не ожидая отпуска из Казны денег, граф заарендовал дом на своё имя и приказал оборудовать помещение Комиссии для переезда. Были заказаны простые шкапы для библиотеки и архива Комиссии, большой стол для заседаний, зелёное сукно для его покрытия, куплена мебель. Канцелярские столы были. Помещение склада оборудовано стеллажами; в нём построено несколько печей. Также оборудованы были и лавки.

Был нанят второй сторож для Комиссии, приказчик для иконной лавки.

О делах Комитета попечительства о русской иконописи скажу ниже.

Самое помещение Комиссии было нарядно. Лестница была мраморная с верхним светом. Стены её зала заседаний были покрыты желтым полированным цементом наподобие желтого мрамора. Потолки бельэтажа были с золотыми узорами. Вышина комнат была 7 аршин. В третьем этаже была квартира для Ежова. Проведено было электричество. Рядом с залом, окнами на улицу, был кабинет правителя дел. Параллельно с этим помещением была длинная комната, в которой поместился архив Комиссии. Руммель скоро умер, и его квартира тоже отошла Комиссии, а конец её был отдан для второго сторожа. На обустройство Комиссии были дарованы деньги из собственных сумм государя – 3000 р. для покрытия израсходованных графом этих денег из своего кармана. Узнав об отпуске государем 3000 р., Министр финансов С.Ю. Витте тоже отпустил из казны 2000 р., и графу пришлось спросить государя указания, как поступить с полученными от него деньгами, и он разрешил употребить их на усиление средств Комиссии. Т[аким] о[бразом], в жизни комиссии наступила новая эра: Комиссия получила новое просторное помещение. Через год дом Брянчаниновых был куплен на имя Комитета попечительства о русской иконописи с тем, как говорилось в высочайшем повелении, чтобы поместить в нём Археографическую комиссию и Комитет попечительства о русской иконописи. Казалось сначала странным, что граф купил дом на имя Комитета, а не Комиссии. Но причина этого такова и мера оказалась очень разумной. По Комитету граф имел личный доклад у государя, а по Комиссии был подчинён Министру народного просвещения, и только через него мог получить доклад у государя, как подчинённый Министру. Тут же сношения были прямые и простые. Граф, в случае надобности, просил по телефону разрешения ехать в Царское село и попутно с Комитетскими докладывал дела Комиссии. Так возил он государю издания Комиссии. Весьма мудрое решение вопроса о покупке дома.

Канцелярия Комиссии, т.е. Ежов и Адрианов, сидели и работали в зале заседаний: Ежов – во главе большого стола, а Адрианов сидел и работал в зале заседаний. Ежов – во главе большого стола, а Адрианов имел свой канцелярский стол. День за большим столом сидели и занимались молодые ученые, приходившие читать акты и рукописи Комиссии. Для заседаний была куплена малиновая коврая дорожка, которой покрывалась лестница. На окнах были повешены зелёные рапсовые занавесы, которые вечером завешивались. Комиссия сразу при-

няла вид ученого учреждения, но не обычного канцелярского типа. Гильтебрандт пригласил чиновника Министерства финансов М.Г. Курдюмова¹ (о нём будет сказано ниже), убеждённого любителя описывать акты и разбирать их. Он начал это дело, работая по вечерам, т[ак] к[ак] днём он был занят на службе в Министерстве. Собственное помещение Комиссии давало возможность устраивать три раза в неделю вечерние занятия.

Заседания Комиссии происходили по вечерам один раз в месяц под председательством графа. Подавали чай лакеи графские, привозившие самовар и посуду, и булки.

Таково было разрешение первого пункта программы, высказанной графом в первом заседании, бывшем под его председательством. Теперь надлежало выполнить второй пункт: о новом уставе Комиссии, её штатах и увеличении средств Комиссии.

Дело о новом Уставе и штатах Комиссии тянулось около 40 лет и дальше пересмотра проектов не двигалось: не пускало Министерство и откладывало его рассмотрение до общего пересмотра законоположения о Министерстве, а это рассмотрение не осуществлялось. Итак, проектов нового устава Комиссии было составлено несколько, и теперь надо было приспособить проект к современным требованиям. Граф приказал отпечатать последнее выработанное Положение, разослать его членам Комиссии для исправления его. Когда отзывы членов Комиссии поступили, граф предложил избрать Комиссию, которая дала сводку мнений членов Комиссии. В это время произошла размолвка между графом и Гильтебрандтом. Последний, видимо, не хотел считаться с мнением графа и не предупреждая его, за его спиной распоряжался, считая графа неспособным вникать в дела. А граф, в свою очередь, хотел всё знать и распоряжаться, опасаясь, как он всегда говорил, всяких неожиданностей, а такие неожиданности преподносились ему Гильтебрандтом *post faktum*. Я не знаю, как это у них произошло, вероятно, был крупный разговор, и в результате Гильтебрандт просил графа уволить его от должности правителя дел Комиссии. Это было в конце 1902 г., так что Гильтебрандт был правителем дел при графе 2 ½ года.

Кто предложил меня в преемники Гильтебрандту, не знаю. Только появился слух, что граф хочет меня назначить правителем дел Комиссии. Гильтебрандт отговаривал меня принять эту должность, предупреждая, что граф – человек недоступный, его трудно ловить для доклада и неудобно вести с ним дело. Я выслушал предупреждение, но, конечно, ему не поверил и не придал ему значения и ждал событий. В один прекрасный день граф приехал ко мне с визитом днём и, не застав меня, поручил мне передать, чтобы я приехал к нему для

¹ Курдюмов Михаил Григорьевич (1869 –1924) – русский учёный-архивист, археограф. Служил чиновником Главного управления неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов, с 1902 г. стал работать в Археографической комиссии.

переговоров по делу. На следующий день в назначенное время я был у него. Он принял меня в помещении своего архива, где работал, и очень любезно заявил мне, что желает назначить меня правителем дел Комиссии. Я поблагодарил за доверие, но перед дачей согласия просил выяснить два условия: 1) что никакое дело не должно идти помимо него, он должен быть от меня обо всём осведомлен.; и 2) если бы моя работа, как правителя дел, ему не понравилась, то, чтобы он предупредил меня об этом, чтобы я вовремя ушел из должности правителя дел Комиссии, но, чтобы это не помешало мне оставаться членом Комиссии – звание, которым я очень дорожу.

На это граф ответил, что вполне со мной согласен и желал, чтобы среди дел не было бы неожиданностей в их разрешении помимо него. Он предупредил меня, что каждый день, за редким исключением, может принимать меня для доклада, для чего я спрашивал бы по телефону время, когда бы я мог его застать. Разговор был непродолжительный, т[ак] к[ак] мы оба одинаково смотрели на дело. Я ещё раз поблагодарил его и уехал домой. Через некоторое время был назначен правителем дел Комиссии. На меня сразу же налегло дело о проведении штатов и Положения о Комиссии.

Я уже сказал, что была избрана Комиссия для редактирования проекта нового «Положения и штатов» Комиссии. Было выработано представление Министру народного просвещения, и граф направил его по принадлежности, рассчитывая, что оно попадёт в весеннюю сессию Государственного Совета. Но время шло, и в Министерстве говорили, что «Положение» о Комиссии будет рассмотрено в связи с пересмотром общего законоположения о Министерстве, т.е. иначе говоря, дело хотели положить под сукно. Но время для внесения в весеннюю сессию Государственного Совета было пропущено. Надо было позаботиться, чтобы дело попало в осеннюю сессию, которая начиналась в октябре. Тогда граф решил написать письмо к государю. В письме он указал на министерскую волокиту и высказал, что единственная надежда на помощь государя, чтобы двинуть дело. Письмо возымело своё действие. Видимо, государь приказал Министру народного просвещения двинуть дело. Из Министерства пришел запрос о том, считает ли граф редакцию «Положения» окончательной. Министерство же поправок в проект «Положения» не внесло. Зная, что проект пойдёт на заключение Министру финансов и Государственного Контролёра, граф распорядился послать им копии проекта для ознакомления. Предвидя возможность возражений со стороны этих ведомств, я написал возражения на возможные придижки с их сторон. Настал уже конец мая месяца, и граф уехал к себе в имение Михайловское Рязанской губернии, где обыкновенно проводил лето. Хотя летом дела замирали, но на всякий случай я решил свести эти возражения к графу в Михайловское. Это имение находилось в 30 верстах от г. Пронска Рязанской губернии. Мы списались с графом, и он прислал за мной коляску, запряженную тройкой лошадей. Собираясь ехать на Урал, я из Москвы поехал к графу в Михайловское.

Оно было расположено на реке Пахре, с видом на большое протяжение реки. К вечеру приехал в Михайловское. В имении был дом, в котором жил граф с семейством; отдельно стояла длинная большая постройка с верхним светом, в которой помещалась прекрасно подобранная библиотека. Отдельно был естественно-исторический музей, где собраны были коллекции ботанические, этнологические и почвенные этой местности, которыми ведала супруга графа Екатерина Павловна. У музея были свои печатные издания с описанием коллекции музея, которые делали специалисты. Была больница и доктор. Кругом дома был великолепный старый парк. Приехав вечером, я введён был в семью графа, и мы пили чай. Комната была мне отведена в библиотеке. Утром я доложил графу бумаги, мной привезённые. После этого мы прошлись с ним по парку, а в 12 часов мы пошли завтракать с семьёй графа.

После завтрака, вместе с доктором вернулись мы к поезду в Пронск, и на следующий день из Москвы я продолжал путь на Урал.

В августе я вернулся в Петербург и узнал, что Министерство составило и напечатало установленную записку по нашему делу и представило её в Государственный Совет и таким образом дело попало на рассмотрение осенней сессии Совета. Таков был результат письма графа к государю.

Я пошел в канцелярию Государственного Совета справиться, когда будет назначено к слушанию наше дело. Там я встретил моего гимназического товарища Липского¹, который служил там и был помощником статс-секретаря. Впоследствии он был помощником Финляндского генерал-губернатора по гражданской части. Липский представил меня статс-секретарю Н.Н. Покровскому² - докладчику по нашему делу. Оно должно было слушаться в соединённом присутствии двух департаментов: Наук и Торговли и Промышленности. Н.Н. Покровский оказался очень благожелательным и просвещённым человеком и обещал своё содействие нашему делу. Но сам Липский дал мне следующие наставления. «Имей в виду, говорил он, что всё, что не будут болтать старики на заседании, значения для дела не имеет. Самое важное - это журнал, который ты и проредактируешь с Н.Н. Покровским. Вся суть в журнале. Он и впоследствии будет служить документом, в случае каких-либо недоразумений, как первая инстанция для разрешения этих недоразумений. Во время же заседания ты можешь возражать и давать разъяснения лишь по вызову твоего Министра. Ты с ним условься,

¹ Липский Адам Иосифович (1863 – 1921) – российский государственный деятель, сенатор (1916–1917), Финляндский генерал-губернатор (март 1917). С 1902 по 1910 год состоял в должности помощника статс-секретаря Отделения Свода законов Государственной канцелярии

² Покровский Николай Николаевич (1865–1930) – государственный деятель, В 1903–1904 гг. – статс-секретарь департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета, с 1904 г. — статс-секретарь департамента государственной экономики Государственного совета. последний министр иностранных дел Российской империи в 1916–1917 гг.

чтобы по твоему знаку он испросил у председателя тебе слова». Получив такое напутствие, я был введен в курс дела, и осталось ожидать повестки о заседании.

Министром был тогда Г.Э. Зенгер, которого я знал ещё студентом и который бывал у нас на танцевальных вечерах. Т[аким] о[бразом], дело, по-видимому, налаживалось. Сам граф не захотел защищать наше дело в заседании и назначил меня.

По нашему проекту, который был одобрен Министерством, Археографическая комиссия становилась самостоятельным учреждением Министерства, наподобие Академии Наук, и подлежала общему государственному контролю и получала средства по своим ассигновкам. Число членов было ограничено 12-ю; 13-й был член и правитель дел. Члены делились на членов, состоящих в V классе, имеющие ученые степени и VI классе, не имеющих ученых степеней. Число сотрудников было неограничено, и они состояли в VI классе. Правитель дел назначался из членов V класса, а его два помощника – из сотрудников Комиссии. Содержания ни члены Комиссии, ни сотрудники не получали. Председатель должен был получать 1000 р. столовых. Правителю дел назначалось жалование 1500, столько же столовых и 600 р. квартирных: он был приравнен к ординарным профессорам университета. Пенсия шла ему по ученой службе. Два помощника его получали по 750 р. жалования и 750 р. столовых и по 300 р. квартирных. Пенсия тоже шла по ученой части.

На хозяйственные нужды ассигновывались Комиссии 1000 р. На издания в проекте стояло 30 т., на случай, если бы пришлось что-нибудь скинуть.

Сторожа получали по 50 р. в месяц при казенной одежде и квартире.

Наконец, настал день заседания. Я явился в вицмундире со шпагой (!) и в орденах и сел в аванзале, где висела картина Репина¹, изображающая заседание Государственного Совета. Через этот аванзал нужно было идти в зал заседания. Через несколько времени прибыл и Министр. Я подошел к нему и объяснил положение о том, как вызывать меня на случай возражений. Условился с ним, как мне подавать ему знак и какой, на случай, если бы я счел нужным говорить и возражать. Когда настала очередь нашего дела, нас впустили в зал заседания. Это был очень высокий зал с окнами, расположенными гораздо выше роста человека и дававшие впечатление зала с верхним светом, кругом зала, вдоль стен, были столы, за которыми сидели члены департаментов.

За средним столом сидел председатель заседания – адмирал Чихачев²; по правую его руку докладчик – статс-секретарь Н.Н. Покровский, а по левую – не-

¹ «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения» – колоссальная по размерам картина, над которой в течение трех лет работал Илья Репин с помощниками.

² Чихачёв Николай Матвеевич (1830–1917) – адмирал российского императорского флота, генерал-адъютант, государственный деятель.

которые представители ведомств, среди них Зенгер и Танеев¹, начальник инспекторского отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Посреди зала стояли рядами стулья, и на них сидели чиновники государственной канцелярии. Из членов Государственного Совета я увидел князя Вяземского – начальника департамента двора и уделов² и Д.Ф. Кобеку.

Н. Н. Покровский докладывал нашу печатную записку. По прочтении её Кобеко возразил, что вообще считает существование Археографической комиссии излишним, т[ак] к[ак] каждый старообрядческий начетчик умеет читать рукописи и может их печатать (явная передержка, направленная против графа). Я подал Министру знак, и он попросил у Чихачева разрешения мне возразить Кобеке. Я привёл Кобеке пример, где неправильное чтение текста летописи давало повод неправильному его напечатанию.

Надо было напечатать: «бе Якун се леп и у него была златая гривна»³, а было напечатано: «бе Якун слеп и у него была златая гривна». Я привёл ему ещё несколько примеров неумелого чтения текста памятников, искажавшего их смысл, и это такими учреждениями, как ученые архивные комиссии. Он больше мне не возражал. Он отлично понимал, что говорит чепуху, но надо было сделать возражение, неприятное графу. Потом возразил Танеев против места устава, где сказано, что члены Комиссии в чинопроизводстве шли по ученой службе, т.е. двумя чинами выше класса должности. Он заявил, что при этом члены Комиссии скоро все станут действительными статскими советниками. Это тоже была явная передержка, тоже направленная против графа. Я ему возразил, что ему лучше, чем кому бы то ни было хорошо известно, как начальнику инспекторского отделения, что чинопроизводство по линии ведётся только до чина действительного статского советника, а далее требуется всеподданнейший доклад. Он больше не возражал. Были и другие замечания, но я их не помню, вероятно, они были незначительны. Вместо 30 т. на издания, дали нам 25 т. Нужно же было что-либо урезать! По окончании заседания князь Вяземский прислал мне нарисованный им карандашом мой портрет. Очень недурно нарисованный им. Т[аким] о[бразом], наше дело прошло благополучно. Нужно было только отредактиро-

¹ Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) – с 1896 г. и по 1917 г. – главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией, академик.

² Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909 – князь, начальник Главного управления уделов Министерства императорского двора Российской империи (1890–1900).

³ Возможно, имелась в виду цитата из «Повести временных лет» Нестора Летописца: «И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ съ лѣпъ, и луда бе у него золотомъ исткана». Речь идёт о Якуне Слепом — варяге, который носил на больных глазах шитую золотом повязку (луду). Упоминается в летописи под 1023 годом, когда он с дружиной пришёл на помощь великому князю Ярославу Мудрому, воевавшему с князем Мстиславом тмутараканским

вать с Н.Н. Покровским журнал, который через некоторое время в корректуре сообщил мне Н.Н. Покровский для исправления и корректуры.

На меня это заседание произвело тяжелое впечатление. Я думал присутствовать в высоком учреждении среди сановников, умудрённых административным опытом, бесстрашных в обсуждении дела. Но я увидел, что возражения имели не деловой, а чисто личный характер нападок на графа, положению которого вообще завидовали. И мне стало очень грустно: Государственный Совет после этого заседания перестал быть для меня святилищем. На следующий день я приехал к графу, сообщил ему, что наше дело прошло благополучно, т[ак] к[ак] обрезку 5 т. руб. на издания мы ожидали. Но я покался графу в том впечатлении, которое произвело на меня заседание Государственного Совета, и что я потерял одну иллюзию, что очень тягостно мне в сорокалетнем возрасте. Государственный Совет перестал для меня быть святилищем. На это граф неожиданно для меня ответил: «Что это впечатление, которое выносит оттуда всякий порядочный человек. Я потому и ушел из департамента Государственного Совета, что больше не хотел присутствовать при этих дразгах, а остался лишь в Общем собрании Совета!» Такой реплики я не ожидал! Но значит моё впечатление было правильно.

Через несколько¹ времени Н.Н. Покровский прислал мне на просмотр корректуру журнала заседания. Я её проштудировал и нашел, что прав Комитет: выписывать к себе рукописи несколько, как будто уменьшено законоположениями других учреждений, учрежденных после Комиссии, которые получили право по высылке своих рукописей. Я посоветовался по этому поводу со знакомым мне юристом практиком, и мы внесли с ним некоторую поправку в журнал. Когда я показал эту поправку Н.Н. Покровскому, то он возразил, что правку нашу внести нельзя, т[ак] к[ак] некоторые позднейшие музеи и библиотеки имеют право по их законам не высылать рукописей, но что это вина кодификации и теперь нужно оставить за Комиссией право выписывать к себе рукописи по старому, а в журнале объяснить, что такие учреждения, получившие законоположения после Комиссии, должны будут на основании Положения толкования её в журнале исполнять требования Комиссии, испрашивая каждый раз на то высочайшее разрешение, т[ак] к[ак] право Комиссии этими законоположениями не уничтожено. Такое толкование было внесено Н.Н. Покровским в журнал. Я просматривал корректуру журнала и увидел, что право Комиссии выписки рукописей за нею сохранено.

Теперь оставалось ожидать утверждения этого журнала. Он должен был пройти через следующее заседание кабинетного присутствия для утверждения и для внесения его в Общее собрание Государственного Совета, и затем идти на

¹ Далее зачеркнуто дней.

высочайшее утверждение. Дело тянулось и попало в Общее собрание Государственного Совета лишь в январе, в котором, по случаю начавшегося тогда Японской войны¹, было заявлено, что впредь никакие новые ассигнования не будут допущены. Но наше дело как раз вовремя попало в заседание и было утверждено. По высочайшим утверждениям мнения Государственного Совета было утверждено и наше новое Положение о Комиссии и Штаты мы получили уже в виде закона.

Надо было переизбрать всех членов Комиссии, переназначить всех сотрудников Комиссии и должностных лиц Комиссии, что и было исполнено. Т[аким] о[бразом], положение Комиссии и служащих в ней было сразу улучшено, и Комиссия зажила новой жизнью.

Графу удалось провести дело, которое более сорока лет тянуло Министерство, и таким образом он исполнил второй пункт взятого на себя обязательства.

Установились новые отношения к департаменту просвещения, весьма добрые, в чем помогли мне приятели, служившие в департаменте. Как только получили новые средства, я постепенно обзавелся хозяйством, чтобы избавиться от приезда графской челяди. Купил самовар, посуду, полотенец чайных и Комиссия зажила самостоятельной жизнью.

РГАЛИ, Ф. 167. Оп.1. Д. 8. Л. 36 об. – 95 об.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Платонов С.Ф. [Автобиография]//Собрание сочинений: в 6-т. М.: Наука. 2010. Т. 5. С. 196. С. 187–213.
2. Платонов С.Ф. Обзор источников русской истории летописного типа: Лекции, читанные в Археологическом институте в 1904/05 уч. г. (стенографически записанные, но профессором не исправленные//Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Наука. 2017. Т. 5. С. 363–413.
3. Корнева И.И. Очерки деятельности Петербургской археографической комиссии по собиранию и изданию исторических источников в 30–50-е годы XIX в.: автореф... к.и. н. М., 1950. 19 с.
4. Хартанович М.Ф. Петербургская Археографическая комиссия как научное учреждение. 30-90-е годы XIX века: дис. к.и. н. Л., 1984. 231 с.
5. Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834-1929 гг.). СПб.: Нестор, 1997. 161 с.
6. Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН) / отв. ред. С.М. Каштанов. М.: ООО «Старая Басманная», 2017. 450 с.

¹ Следовательно, это прохождение документов относится к 1904 г.

7. Малов А.В. Издание в «Русской исторической библиотеке» Донских дел на рубеже XIX-XX вв. И судьба проекта в условиях революций и гражданской войны // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 2. С. 41–54.
8. Летопись занятий Археографической комиссии за 1895–1899 гг. СПб.: Сенатская типография, 1901. Вып. 12.
9. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 167. Оп.1. Оп.1. Д.3, 6–10.
10. Бубнов Н.Ю. В.Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука. 1985. С. 113–125.
11. Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. / Под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 214–227.
12. Смирнова Т.Г. О творчестве и жизни В.Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 4. СПб., 2008. С. 469–500.
13. Чебанов В.Д. Последние годы В.Г. Дружинина // Памяти Василия Григорьевича Дружинина, (1859–1936): материалы научных чтений, 10 августа 2010 г. СПб: БАН, 2010. С. 162–168.
14. Дружинин В.Г. Записка в Центральную комиссию по чистке советского аппарата при НК РКИ./публ. Т.Г. Смирновой // Деятели русской науки XIX–XX веков. Л., 2008. Вып. 4. С. 486–491.
15. Митрофанов В.В. «... проданное мною собрание»: о судьбе библиотеки В.Г. Дружинина (по переписке с академиком С.Ф. Платоновым/ отв. ред. Н.В. Колпакова//Наука и библиотека. СПб.: БАН, 2026. Вып. 15 С.
16. Гайдуков П.В. «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 2010. № 4. С. 136–142.
17. Смирнова Т.Г. В.Г. Дружинин и Археографическая комиссия//Памяти Василия Григорьевича Дружинина, (1859-1936): Мат-лы научных чтений, 10 августа 2010 г. СПб: БАН, 2010. С. 27-40.
18. Донские дела. Кн. 1–5 /под. ред. В.Г. Дружинина//Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. 18; СПб., 1906. Т. 24; СПб., 1909. Т. 26; СПб., 1913. Т. 29; СПб., 1917. Т. 34.
19. Митрофанов В.В. Научные и личные коммуникации В.Г. Дружинина и С.Ф. Платонова (1894–1906 гг.) // Культурный ландшафт регионов. 2025. Том. 7. №5-6 С. 35–94.
20. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. В 2-х т./сост. В Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 388 с.

REFERENCES

1. Platonov S.F. [Avtobiografiya] [Autobiography]. Sobranie sochinenij: v 6-t. [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow: Nauka. 2010? vol. 5, pp. 187–213. (In Russ.).
2. Platonov S.F. Obzor istochnikov russkoj istorii letopisnogo tipa: Lekcii, chitan-ny`e v Arxeologicheskom institute v 1904/05 uch. g. (stenograficheski zapisanny`e, no professorom ne ispravlenny`e [Review of sources of Russian history of the chronicle type: Lectures given at the Archaeological Institute in the 1904/05 academic year (stenographically recorded, but not corrected by the professor)]. Platonov S.F. Sobranie sochinenij: v 6-t. [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow: Nauka. 2017, pp. 363–413. (In Russ.).
3. Korneva I.I. Ocherki deyatel`nosti Peterburgskoj arxeograficheskoj komissii po sobiraniyu i izdaniyu istoricheskix istochnikov v 30–50-e gody` XIX v.: avtoref... k.i. n. [Essays on the activities of the St. Petersburg Archaeographic Commission for the collection and publication of historical sources in the 1830s–1850s: author's abstract... candidate of historical sciences]. Moscow, 1950. 19 p. (In Russ.).
4. Xartanovich M.F. Peterburgskaya Arxeograficheskaya komissiya kak nauchnoe uchrezhdenie. 30-90-e gody` XIX veka: dis. k.i. n. [The St. Petersburg Archaeographic Commission as a Scientific Institution. 1830s–1890s: diss. of Cand. Sci. (History).]. Leningrad, 1984. 231 p. (In Russ.).
5. Brachev V.S. Peterburgskaya arxeograficheskaya komissiya (1834-1929 gg.) [St. Petersburg Archaeographic Commission (1834-1929)]. St. Petersburg: Nestor, 1997. 161 p. (In Russ.).
6. Akademicheskaya arxeografiya v Rossii XVIII–XXI vekov (Tixomirovskie chteniya 2016 goda: K 60-letiyu Arxeograficheskoy komissii RAN) [Academic Archaeography in Russia in the 18th–21st Centuries (Tikhomirov Readings 2016: On the 60th Anniversary of the Archaeographic Commission of the Russian Academy of Sciences)]. otv. red. S.M. Kashtanov. Moscow: OOO «Staraya Basmannaya», 2017. 450 p. (In Russ.).
7. Malov A.V. Izdanie v «Russkoj istoricheskoy biblioteke» Donskix del na rubezhe XIX-XX vv. I sud`ba proekta v usloviyax revolyucij i grazhdanskoj vojny` [The Russian Historical Library's publication of the Don Affairs at the turn of the 19th and 20th centuries. And the project's fate amidst revolutions and civil war]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta texnologij i upravleniya imeni K.G. Razumovskogo (Pervy`j kazachij universitet). Seriya obshhestvenny`x nauk = Bulletin of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University). Social Sciences Series.. 2025, no.2, pp. 41–54. (In Russ.).

8. Letopis` zanyatij Arxeograficheskoy komissii za 1895–1899 gg. [Chronicle of the activities of the Archaeographic Commission for 1895–1899.]. St.Peterburg: Senatskaya tipografiya, 1901. Vy`p. 12. pp. 26–28. (In Russ.).
9. Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` [The Russian State Archive of Literature and Art], bac. 167, inv. 1, cas. 3, 6–10. (In Russ.).
10. Bubnov N. Yu. V.G. Druzhinin i ego kollekcija staroobryadcheskix rukopisej [V. G. Druzhinin and his collection of Old Believer manuscripts]. Arxeograficheskij ezhegodnik za 1983 god = Archaeographic Yearbook for 1983. Moscow: Nauka. 1985. Pp. 113–125. (In Russ.).
11. Beresteczskaya T.V. V.G. Druzhinin: Novy`e materialy` k biografii [V.G. Druzhinin: New materials for the biography]. Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.): sb. nauch. tr. [Old Believers in Russia (17th–18th centuries): collection of scientific papers.]. Pod red. E.M. Yuximenko. Moscow, 1994. Pp. 222–227. (In Russ.).
12. Smirnova T.G. O tvorchestve i zhizni V.G. Druzhinina (k biografii uchenogo) [On the work and life of V.G. Druzhinin (on the biography of the scientist)]. Deyateli russkoj nauki XIX–XX vv. [Figures of Russian science of the 19th–20th centuries]. Rel. 4. St.Peterburg, 2008, pp. 469–500. (In Russ.).
13. Chebanov V.D. Poslednie gody` V.G. Druzhinina [The last years of V.G. Druzhinin]. Pamyati Vasiliya Grigor`evicha Druzhinina, (1859–1936): materialy` nauchny`x chtenij, 10 avgusta 2010 g. [In memory of Vasily Grigorievich Druzhinin (1859–1936): materials from scientific readings, August 10, 2010] St.Peterburg: BAN, 2010, pp. 162–168. (In Russ.).
14. Druzhinin V.G. Zapiska v Central`nuyu komissiyu po chistke sovetskogo apparata pri NK RKI publ. T.G. Smirnovoj [Note to the Central Commission for the Purification of the Soviet Apparatus under the People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection. / Published by T.G. Smirnova]. Deyateli russkoj nauki XIX–XX vekov [Figures of Russian science of the 19th–20th centuries]. Leningrad, 2008. rel. 4. Pp. 486–491. (In Russ.).
15. Mitrofanov v.V. «... prodannoe mnoyu sobranie»: o sud`be biblioteki V.G. Druzhinina (po perepiske s akademikom S. F. Platonovy`m [“...the collection I sold”: about the fate of V. G. Druzhinin's library (based on correspondence with Academician S. F. Platonov)]. otv. red. N. V. Kolpakova. Nauka i biblioteka [Science and the Library]. St.Peterburg: BAN, 2026. rel. 15, pp. (In Russ.).
16. Gajdukov P.V. «Vospominaniya» V.G. Druzhinina kak istochnik po istorii Imperatorskoj Arxeologicheskoy komissii [“Memoirs” by V.G. Druzhinin as a source on the history of the Imperial Archaeological Commission]. Rossijskaja arxeologija= Russian archeology. 2010, no. 4, pp. 136–142. (In Russ.).

17. Smirnova T. G. V. G. Druzhinin i Arxeograficheskaya komissiya [Druzhinin and the Archaeographic Commission]. Pamyati Vasiliya Grigor`evicha Druzhinina, (1859-1936): mat-ly` nauchny`x chtenij, 10 avgusta 2010 g. [In Memory of Vasily Grigoryevich Druzhinin (1859-1936): Materials of Scientific Readings, August 10, 2010]. Rossijskaya akad. nauk, B-ka Rossijskoj akad. nauk; [otv. red. I.M. Belyae-va]. St.Peterburg: BAN, 2010, pp. 27–40. (In Russ.).
18. Donskie dela. Kn. 1–5 /pod. red. V. G. Druzhinina [Don Affairs. Books 1–5 / edited by V. G. Druzhinin]. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. St.Peterburg, 1898. T. 18; St.Peterburg, 1906. T. 24; St.Peterburg, 1909. T. 26; St.Peterburg, 1913. T. 29; St.Peterburg, 1917. T. 34. (In Russ.).
19. Mitrofanov V. V. Nauchny`e i lichny`e kommunikacii V.G. Druzhinina i S.F. Platonova (1894–1906 gg.) [Scientific and personal communications of V.G. Druzhinin and S.F. Platonov (1894–1906)]. Kul`turny`j landshaft regionov = Cultural landscape of the regions. 2025, vol. 7, no. 5–6, pp. 35–94. (In Russ.).
20. Akademik S.F. Platonov. Perepiska s istorikami: v 2 t. [Academician S.F. Platonov. Correspondence with Historians: in 2 vol.]. Otv. red. S.O. Shmidt; sost. V.G. Buxert. Moscow: Nauka, 2003, vol. 1. 388 p. (In Russ.).

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС». Российская Федерация,

199226, Санкт-Петербург, Россия, Галерный проезд, 3

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Viktor V., Mitrofanov Doctor in History, Professor, Department of state and legal disciplines, ANO VO University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint Peetersburg,

196226. Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 24.02.2026

Статья принята после рецензирования и доработки / The article was accepted after peer review and revision: 25.05.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-132-146

УДК: 94(47).05/06

EDN TRQVBH

Константин Анатольевич Соловьев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Москва, Россия

ksoloviov@spa.msu.ru

**СООТНОШЕНИЕ РЕПРЕССИВНЫХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ
ИНСТРУМЕНТОВ В ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В РОССИИ XV в.**

Аннотация: Проблематика «отмены» какого-либо политического деятеля или же политической структуры широко изучена применительно к современным общественным процессам. Вместе с тем аналогичные «отмене» механизмы символической политики, позволяющие воздействовать на восприятие образа конкурента в борьбе за власть, применялись и в прошедшие эпохи, чаще всего в период институциональных трансформаций и политических кризисов. Проблематика данной статьи ориентирована на ситуации политического конфликта, в которых возникала потребность символической «отмены» конкурента. **Задача статьи** – выявление инструментов «отмены» политических конкурентов в кризисных ситуациях, возникавших на протяжении XV – начала XVI в. **Источники и методы.** При решении обозначенной задачи ключевыми источниками являются летописи, содержащие изложение политических событий в России XV в. и составленные в конце XV – 1-й половине XVI в., дополненные содержанием литературно-публицистических произведений этой эпохи. Изучение источников проведено с применением методов социокультурной истории, прежде всего семантического и семиотического анализа. **Выводы.** Первым результатом исследования стала характеристика символической политики «отмены» в России XV – начала XVI в. как сложного и постоянно изменяющегося сочетания двух механизмов – демонстрационного и репрессивного. Второй результат состоит в выявлении базовых ориентиров, в символической политике «отмены». К числу таких ориентиров необходимо отнести традиционные и рациональные типы легитимации власти

при слабо прослеживаемом мотиве «харизматичности». Третьим результатом стало выявление тенденций к усилению репрессивных инструментов отмены в моменты обострения политического кризиса и тенденций к их ослаблению (с усилением разнообразия демонстративных инструментов) в те моменты, когда острота кризиса спадала и символическая политика применялась как профилактическая.

Ключевые слова: история России, Россия XV века, политическая история символическая политика, механизмы «отмены», Иван III

Для цитирования: Соловьев К.А. Соотношение репрессивных и символических инструментов в династической борьбе в России XV в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Том 18. № 3. С. 132-146 EDN: TRQVBH DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-132-146

Original article

Konstantin A. Soloviev

M.V. Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

ksoloviev@spa.msu.ru

CORRELATION OF REPRESSIVE AND SYMBOLIC INSTRUMENTS IN THE DYNASTIC STRUGGLE IN RUSSIA IN THE 15TH CENTURY

Abstract: The problem of "canceling" a political figure or political structure has been extensively studied in relation to contemporary social processes. However, similar mechanisms of symbolic politics, which allow for influencing the perception of a competitor in the struggle for power, have also been used in past eras, most often during periods of institutional transformations and political crises. This article focuses on situations of political conflict in which the need for the symbolic "canceling" of a competitor arose. **The objective** of this article is to identify the tools used to "canceling" political competitors in crisis situations that arose during the 15th and early 16th centuries. **Sources and Methods.** In solving this problem, the key sources are chronicles containing accounts of political events in Russia in the 15th century, compiled in the late 15th and first half of the 16th centuries, supplemented by literary and journalistic works of that era. The study of the sources was conducted using methods of socio-cultural history, primarily semantic and semiotic analysis. **Conclusions.** The first result of the study was a characterization of the symbolic policy of "abolition" in Russia in the 15th and early 16th centuries as a complex and constantly changing combination

of two mechanisms—demonstrative and repressive. The second result was the identification of the fundamental guidelines of the symbolic policy of "abolition." These guidelines include traditional and rational types of power legitimization, with a weakly discernible "charismatic" motive. The third result was the identification of tendencies toward strengthening the repressive instruments of abolition during periods of acute political crisis and tendencies toward weakening them (with a greater diversity of demonstrative instruments) during periods when the severity of the crisis abated and symbolic policy was applied as a preventative measure.

Keywords: Russian history, Russia of the 15th century, political history, symbolic politics, mechanisms of "cancellation", Ivan III

For citation: Soloviev K.A. Correlation of repressive and symbolic instruments in the dynastic struggle in Russia in the 15th century. Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No.3. P. 132-146 (In Russ.). EDN: TRQVBH
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-132-146

Введение

Проблематика «отмены» при изучении исторических форм политической борьбы возникает в тех случаях, когда есть потребность в выявлении символического значения мер, которые применяются по отношению к тем, кого хотят вывести из конкурентной борьбы за власть. Сами по себе репрессии, применяемые к побежденным, не обязательно являются «отменой». Более того, известны случаи, когда физическое устранение конкурента во власти приводила к «героизации» и возвеличиванию его образа. Наиболее яркий пример этого – судьба «царевича Дмитрия» и использование его образа в политической борьбе Смутного времени. Символическая деятельность по снижению образа кого-либо из участников политической борьбы (с целью его частичной или полной «отмены») тесным образом связана с понятием легитимности государственной власти. Общая цель применения механизмов «отмены» состоит в том, чтобы:

- лишить конкурента «личной харизмы» в том обществе, где харизматическая легитимность (по Веберу) является доминирующей формой легитимации;
- противопоставить образ конкурента в борьбе за власть тем верованиям, традициям, обрядам и ритуалам, которые служат ориентирами в признании легитимности власти в том обществе, которое ориентировано именно на традиционные формы легитимности и, тем самым, «демонизировать» конкурента;
- привнести в образ конкурента черты «носителя зла», деятельность которого неизбежно принесет вред стране и населению – в обществе, ориентированном на рациональные формы легитимности.

При том, что «чистые» типы легитимности в реальной жизни почти не встречаются, а в каждом обществе действует комбинация традиционности, рациональности и харизматичности, механизмы «отмены» работают как многоцелевые, ориентированные на снижение образа конкурента в глазах различных слоев населения, но прежде всего – в слоях политической и управленческой элиты.

Важно отметить, что активация механизмов отмены происходит либо в период транзита власти, либо в состоянии кризиса, которое может привести к транзиту. В том обществе, в котором действуют сильные, устойчивые и хорошо отработанные институты транзита (будь то традиция наследования монаршей власти в феодальное время или процедуры, сопровождающие выборы главы государства в демократических странах), механизмы отмены задействованы как профилактические. Они сопровождают отработанные временем процедуры, но не заменяют их. Там же, где институты транзита еще не сложились в полном виде или же разрушены действием внутренних или внешних политических сил, механизмы отмены могут играть решающую роль, а процедуры – лишь оформляющую.

В XV в. Российское государство переживало период становления, осложненного борьбой за независимость от Орды. Важными чертами этого процесса (в рамках интересующей нас темы) были:

- резкое расширение государственной территории, с включением в состав России ряда прогосударственных образований и этносов, обладающих собственными специфическими представлениями о власти и традициях ее достижения и реализации;
- столь же резкий разрыв со многими традициями во властной сфере, часть из которых угасла под воздействием власти Орды, а другая часть была этой властью искажена;
- полное исключение из властной сферы горожан как субъекта политической жизни. Процесс этот был начат московскими великими князьями еще в XIV в., а завершен в XVI – ликвидацией веча в Пскове;
- трансформация властной элиты, которая привела к усилению персональной власти государя Всея Руси, значительному росту его полномочий и ослаблению прежде существовавших институтов феодальной власти;
- начало формирования общерусских органов государственного управления, которое пришлось на конец рассматриваемого периода.

Все обозначенные выше тенденции указывают на слабость или же отсутствие тех институтов, которые могли бы придать устойчивости государственной власти, в особенности формам ее транзита. Следствием этого стал кризис легитимности и персонализация форм транзита в первой половине рассматриваемого

периода, что получило в историографии название «Феодальная война». В дальнейшем, московские правители (в особенности Иван III) предпринимали настойчивые попытки институализации процесса транзита, в частности введением института «соправления» и соблюдением обряда венчания нового правителя «шапкой Мономаха». Но поскольку процесс институализации всегда занимает длительный период и требует неоднократной смены поколений, при слабых институтах персонализация транзита играла ключевую роль, а значит, были необходимы инструменты «отмены» конкурентов.

Проблематика данной статьи ориентирована на ситуации политического конфликта, в которых возникала потребность символической «отмены» конкурента. Это «Феодальная война», правление Ивана III и конфликт между наследниками-соправителями Ивана III, великими князьями Дмитрием Внуком и Василием Ивановичем. Политическая сторона всех вышеупомянутых событий подробно изучена в отечественной историографии 2-й половины XX и начала XXI в. [2] и отражена в целом ряде монографических исследований [1; 3; 5]. В современных исследованиях происходит постепенное расширение проблемного поля за счет обращения к таким сюжетам, как выявление политических амбиций представителей православной церкви [10]. В ситуации с «отменой» Батые современных исследователей интересует эволюция семантики власти в публицистике данной эпохи (в частности, в политическом тексте Вассиана Рыло [14, с. 136]) и ее политическая стилистика [19, 19–21]. Особое внимание уделяется внутриэлитным конфликтам, проявившимся в рассматриваемых в данной статье ситуациях [4; 11]. Отметим здесь трактовку внутриэлитного конфликта как борьбы «реформаторов» с их консервативными противниками, «не сумевшими осознать ... грандиозных задач социального переустройства» [12, с. 93], что переводило, по мнению автора, конфликт на уровень столкновения политических сил, отстаивающих разные варианты государственной политики [13, с. 14].

Вместе с тем появляются исследования, в которых обозначается возможность использования понятия «культура отмены» применительно к характеристике политических процессов глубокого прошлого [16], в рамках поворота историков к изучению «политики памяти» [20]. Такого рода исследования позволяют выявить социокультурные доминанты политической деятельности, поскольку «культура отмены» – это, прежде всего, набор символических действий, либо опирающихся на сложившиеся стереотипы политического поведения, либо их опрокидывающие.

Задача данной статьи – выявление инструментов «отмены» политических конкурентов в кризисных ситуациях, возникавших на протяжении XV – начала XVI в. Для решения этой задачи необходимо применение методов социокультурной истории, прежде всего сочетание семантического и семиотического анализа как конкретных текстов, выражавших интенции «отмены», так и соответствующих политических поступков, этими текстами зафиксированных.

Символика «отмены» Василия Косого

Первая, в XV в., ситуация «отмены» политического конкурента в Московском княжестве была следствием династического спора в потомстве Дмитрия Донского и послужила триггером к перерастанию династического конфликта в кризис легитимности, именуемый «Феодалной войной». Сам же династический кризис может быть обозначен, как «конфликт завещаний». По завещанию Дмитрия Донского по смерти его старшего сына Василия, следующий сын должен был получить «князь Васильев удел» [7, с. 35], что могло быть трактовано как переход титула великого князя к князю Галичскому и Звенигородскому Юрию Дмитриевичу. Завещание же в.к. Василия Дмитриевича, составленное в 1423 г., оставляло место для разных трактовок: «А даст бог сыну моему великое княжение, ино и аз сына своего благословляю, князя Василия» [7, с. 61]. Таким образом, в претензии Юрия Дмитриевича на великое княжение было три сильных аргумента: а) «старшинство» в роду потомков Ивана Калиты, б) завещание отца, в) не вполне четкое указание в завещании его старшего брата о передаче титула именно Василию Васильевичу.

Неприезд князя Юрия Дмитриевича на свадьбу племянника стал *первым актом символической политики* («старший» не едет к «младшему»), а приезд его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки – вторым («равные» едут к «равному»). Акт «отмены», предпринятый на свадьбе, стал ответным действием в символической политике, совершенным матерью в.к. Василия Васильевича, Софьей Витовной. Вот описание этого действия в Ермолинской летописи: «В лето 6941 женися князь великы Василий Васильевич, февраля 8 и на той свадьбе Захарий Иванович Кошкин ималеи за пояс у князя Василия у Юревича у Косого, и князи и бояре разъехашеся по домам, а князь Василей да князь Дмитрей Шемяка совокупся и поедоша к отцю своему в Галич» [8, с. 147].

Чуть больше информации дает Воскресенская летопись: «... позна Петр Константинович на князе Василеи пояс золот, на чепех, с камнем, что был приданой князя великого Дмитрия Ивановича от князя Дмитрия Константиновича Суздальского (...) княгиня же великаа Софья снят с него тогды, и с того князь Василей и князь Дмитрей раззлобишеся побегоша с Москвы к отцу в Галич...» [6, с. 97]. Причем в том месте, где в этой цитате поставлен пропуск, в летописи представлена подробная история «переходов» пояса из руки в руки, объясняющая, каким образом он попал к Василию Косому. Такое внимание к поясу может быть объяснено только тем, что золотые пояса – важнейшая часть того, что именуется «регалиями княжеской власти» и даже «символами великокняжеской власти» [18, с. 16-17].

Оба источника дают общую картину демонстративного акта символической политики – насильственного изъятия одной из регалий великокняжеской власти в присутствии представителей высшей московской знати («князей и бояр»). Применение насилия в этом акте показывают глаголы «имать» и «снять».

Но это не было репрессией, а стало показательным актом унижения, что должно было решить политическую задачу – зафиксировать подчиненное положение «младшей» ветви династии по отношению к «старшей».

В этом акте проявились две важные черты актов символической политики, периода «Феодалной войны». Первая – *демонстрация власти* важнее тяжести репрессии. Вторая – демонстративное унижение фиксирует «отмену» прав на престол. Обе эти черты были производными от исторически сложившейся традиции княжеского поведения, в которой со времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого принято было обозначать внутридинастическое насилие как «каинов грех». Особо отметим, что акт символической политики («отмены») включал демонстративное насилие, но не сопровождался репрессиями, которые бы воздействовали на жизнь, здоровье или свободу «отменяемых».

Репрессивный крен в актах «отмены» в «Феодалной войне»

Символическая «отмена», не подкреплённая физическими репрессиями, не воспринималась как окончательная и могла стать своеобразным «катализатором» вражды, о чем нам говорит использование выражения «раззlobившись» в Воскресенской летописи. Соответственно, с каждым новым актом «отмены» уровень демонстрации падал, а уровень репрессий рос, правда не сразу.

В военном противостоянии между в.к. Василием Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем поражение в сражении вело к отказу (часто временному) от титула великого князя по соглашению с победителем и получение «в удел» того или иного города, что, собственно, и фиксировалось договорной грамотой: «А на сем на всем, брате младший, князь Юрий Дмитриевич целуй ко мне крест, к своему брату старейшему, к великому князю старейшему, к великому князю Василью Васильевичю...» [7, с. 78]. Ни репрессий (насильственного ограничения прав), ни «отмены» (символического унижения) эти соглашения не предполагали. Такого рода династическая политика продолжалась и после смерти Юрия Дмитриевича, свидетельство чему – договорная грамота от 12 июня 1436 г. между в.к. Василием Васильевичем и князем Дмитрием Шемякой, начальные строки которой воспроизводят формулу прежних грамот: «Божьей милостью и пречистой богоматере и по нашей людми, на сем на всем, брате младшей, князь Дмитрей Юрьевич, целуй ко мне крест, к своему брату старейшему, к великому князю Василию Васильевичу» [7, с. 92].

Но уже в 1436 г. уровень репрессий в династической борьбе был резко повышен. Сначала Дмитрий Шемяка был схвачен великим князем и отправлен в Коломну, под надзор «пристава» Ивана Старкова [6, с. 99]. И поскольку в летописи при упоминании о восстановлении статуса Дмитрия Шемяки говорится, что великий князь «велел из желез выпустить» [6, с. 100], то можно предположить, что арест не был символическим и предполагал физическое насилие – закование «в железа».

Следующий, более высокий уровень физического насилия был достигнут репрессией по отношению к князю Василию Дмитриевичу, который пусть очень недолго, но обладал статусом великого князя и пытался этот статус восстановить в вооруженной борьбе. Победа над Василием Косым не привела к заключению «докончания». Было предпринято действие одновременно и репрессивное, и символическое – ослепление князя Василия, что должно было, по замыслу великого князя Василия Васильевича, положить конец претензиям Василия Косого на великое княжение, что, собственно, и произошло. Но символическая «отмена» Василия Косого как великого князя не привела к отмене его княжеского статуса как такового, о чем свидетельствует содержание договорной грамоты между ним и великим князем Василием Васильевичем, датированной примерно 1439 г.: «А что ты есмь пожаловал Дмитровом с волостями з Дмитровскими, что вотчина твоя, братьи моей младшей, того всего под тобою блюсти, а не обидети, не вступатися» [7, с. 101].

Демонстративное же освобождение из-под ареста Дмитрия Шемяки «идучи на князя Василия» [15, с. 252] с последующим его «пожалованием», закрепленным в цитированном выше договоре, должно было зафиксировать иерархию власти: великое княжение принадлежит Василию Васильевичу, а потомство Юрия Дмитриевича должно довольствоваться положением удельных князей – «братьев младших». Великий князь пытался закрепить не отмену младшей ветви династии, а «отмену» прав только на великое княжение, что ему сделать в то время не удалось.

Через 10 лет, в 1446 г., состоялась «обратная отмена». При выходе великого князя Василия Васильевича из ордынского пленения он был захвачен князем Иваном Можайским, посажен в «голые сани» и отправлен в Москву [6, с. 116]. И далее пишет летописец: «А князя великого Василия в понедельник на ночь на Мясопустной неделе, февраля 14, приведоша его на Москву и посадиша на дворе Шемякине ... в среду на той же недели на ночь ослепиша князя великого и ото-слаша его на Угличе поле» [6, с. 117].

Мы видим, что в ходе «Феодалной войны» при попытках «отмены» претензий на власть великого князя символическое насилие (подобное изъятию золотого пояса у Василия Косого) сменилось физическим насилием: захватом, закованием «в железа», демонстративным унижением и, наконец, ослеплением. В последнем акте насилия, зеркально примененным к двум старшим (на момент ослепления) представителям династических линий, символика и репрессии сливались воедино в максимальном для того времени выражении. Однако результаты применения этих однотипных актов символического насилия были разными: если Василий Косой был исключен из династической борьбы, то ослепление Василия Васильевича не стало препятствием для восстановления его статуса, что было зафиксировано уже в июле 1447 г. «Перемирной грамотой», заключенной великим князем с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским, в которой те вос-

становливали status quo: «На сем князь Дмитрий Юрьевич, да князь Иван Андреевич целовали есьма крест ... бити челом своем господину, брату старейшему, Великому князю Василию Васильевичу» [7, с. 140].

«Отмена» Андрея Большого как акт символической политики

Следующим актом «отмены» в династической борьбе в московском княжеском доме стало разрешение (в 1492 г.) долго тянувшегося конфликта между великим князем Иваном III и его братом Андреем Большим. Летописец сообщает об этом так:

«В лето 7000-е сентября в 20 князь великий Иван Васильевич вся Русь сложи с себе крестное целование брату своему Андрею Васильевичу за его измену, что он изменил крестное целование, думал на великого князя Ивана Васильевича, на брата своего старейшего, с братьею своею, с князем Юрием и с князем Борисом, и с князем Андреем, да к целованью их привел на том, что им на великого князя, на брата своего старейшаго, стояти с одного, да и грамоты свои посылал в Литву к королю Казимеру, одиначася с ним на великого князя, да посылал грамоты свои к царю Ахмату Большиа Орды, приводивша его на великого князя на Русскую землю ратью, да с великого князя силою на Ордынского царя воеводы своего и силы не посылал, а все то чиня измену великому князю, преступая крестное целование. И за то велел его князь великий поимати и посади его на казенном дворе на Москве...» [15, с. 333].

Политический фон для этого решения был создан смертью (в 1490 г.) наследника престола и великого князя, князя Ивана Молодого, что в случае внезапной смерти Ивана III воспроизводило ситуацию начала «Феодалной войны», поскольку одному из вероятных наследников – Дмитрию Ивановичу Внуку – было на тот момент 7 лет, а другому – Василию Ивановичу, сыну Софьи – 11. Отец Ивана III вступил на отцовский престол в 10 лет, имея поддержку деда по матери – великого князя Литовского Витовта, но это не удержало династию от междоусобицы. Иван III, переживший в детстве кошмар ослепления и изгнания отца, не мог не видеть в действиях непокорного брата угрозу его семье, что отразилось в материалах, которые использовал для написания своей «Истории» В.Н. Татищев:

«Тогда собравшися мнози князи и бояре, начаша просити митрополита Зосима, чтобы печаловался со властью о князе Андрее, и митрополит ниединова проси, тоже князи сродни. Князь же великий отрече, молвя: “Жаль ми добре брата моего и нехочу изгубити его, а на себе порока положить, а свободити не могу про то, что ни единою зло на меня замышлял и братию свободил, а потом каляся. И ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати. Да то бы ничто, а когда я умру, то ему доставати великое княжение. А внук мой, кому великим князем быти, и он, коли собою того не достанет, то смутит дети моя, и будут воеватися межи собою, и татары, пришед, видя в нестроении, будут

землю русскую губить, жечи и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде. А что аз токо потрудися, и то будет все не во что, и вы будете раби татаром”. Се слышавшее, и умолкоша, не смеюче что речи» [21, с. 76].

Но в символической политике Ивана III «отмена» Андрея Большого объясняется не опасениями воспроизводства династического насилия, а совсем иным – чередой «измен», совершенных Андреем Большим. Летописное обоснование ареста Андрея Большого по своей сути – *акт политики памяти*, то есть действие, которым должна быть закреплена такая картина недавнего прошлого, в которой вся жизнь Андрея Большого получала единую трактовку – его действия принесли вред не только власти великого князя, но всей стране. В этой *символической конструкции памяти* арест и заключение Андрея Большого – акт справедливого воздаяния за преступления, совершенные им против своей страны, своей семьи и старшего брата.

Обратим внимание на то, что арест был произведен 20 сентября и эта дата была внесена в летопись. А 20 сентября – это день поминовения святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора, а также святого благоверного князя Олега Романовича Брянского. Михаил Черниговский был казнен Батыем за отказ покориться его воле и пройти языческий обряд для получения ярлыка на княжение. Князь Олег, внук Михаила Черниговского, добровольно отказался от власти, став монахом. Оба они – яркие символические фигуры, образы которых указывают на тот посыл, с которым проводилась «отмена» Андрея – благочестие состоит в противостоянии врагам Руси и в отказе от борьбы за власть.

То, что символическая политика, в том числе с опорой на даты православного календаря, постоянно сопровождала действия средневековых государей, известно давно, но хотелось бы подчеркнуть, что вторая половина XV в. – это время становления *исторической политики* Российского государства, проводимой по разным направлениям: по отношению к Новгороду, к Орде, к Литве, к обоснованию права московской династии на власть во всех русских землях. «Отмена» Андрея Большого, состоящая из двух частей, репрессивной и символической, в своей «символической» части опиралась на опыт проведения исторической политики, накопленный Иваном III в 1470–1480-х годах. Сочетание символики даты и сконструированной памяти о «винах» Андрея Большого стало новацией в символической политике «отмены» как выражения государственной необходимости, реализуемой, возможно, вопреки братским и христианским чувствам, о чем свидетельствует фрагмент из Типографской летописи о «покаянии» Ивана III. Там указано, что в 1598 г., сразу после «венчания» Дмитрия Внука великим князем, «князь же великий, став перед своим отцом митрополитом и архиепископом и епископы, начаша бити челом перед ними, с умилением и великими слезами, а прося у них прощения о своем брате Андрее Васильевиче, что своим грехом, ноесторжею, его уморил, в нужи стоя перед ними долго время» [22, с. 214].

Отмена Дмитрия Внука

К 1498 г. соперничество в борьбе за наследование престола великого князя, при стареющем Иване III, обострилось настолько, что тому пришлось предпринять несколько действий символического характера. Первое – это мягкий вариант «отмены» одного из претендентов – Василия Ивановича, сына Ивана Васильевича и Софьи Палеолог: «В лето 7006 Декабря ... воспалился князь великий Иван Васильевич на сына своего на князя Василия, да и на жену свою великую княгиню Софию, да в той вспалке велел казнити детей боярских», судя по характеру записи ближайших сторонников «отменяемого» сына, главы их секоша Декабря в 27 день» [17, с. 246]. Стоит оговориться, что мягкой отмена была по отношению к жене и сыну великого князя, которые не были лишены свободы, но она сопровождалась актом демонстративной жестокости по отношению к их сторонникам.

Второй символический акт – венчание Дмитрия Внука великим князем, подробное описание которого поставлено в Никоновской летописи встык с рассказом о казнях. Показательная торжественность впервые приводимого акта легитимации наследника престола стала своеобразным «зеркалом» показательного насилия в ходе «отмены» неудачливого на тот момент претендента.

Но в апреле 1502 г. политическая ситуация перевернулась: «Апреля 11, в понедельник, князь великий Иван положил опалу на внука своего, на великого князя Дмитрия и на его мать Елену и от того дни не велел их поминати в октениях и литиях, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы» [17, с. 225]. Это действие, одновременно репрессивное и символическое – самый яркий и самый откровенный вариант «отмены» как инструмента династической борьбы. Прямой и гласный приказ «отменить» все внешние признаки привилегированного положения наследника и соправителя, дополненный насилием, которое применялось в XV в. только к Дмитрию Шемяке (посадить «за приставы») и Андрею Большому – все это создавало картину максимально возможных «отменяющих» действий по отношению к члену семьи.

Выводы

Таким образом, мы можем определить характер символической политики «отмены» XV – начала XVI в. как сложное и постоянно меняющееся сочетание двух ее механизмов – демонстрационного и репрессивного.

Демонстрационный механизм представлял собой публичное действие, по лишению кого-либо всех или части властных полномочий, сопровождающееся действиями, содержащими угрозу насилия. Эффект «отмены» здесь достигается публичной демонстрацией этого действия, то есть символическим актом.

Репрессивный механизм – это прямое насилие, результатом которого становится ущерб, наносимый жизни, здоровью объекта насилия, а также частичное или полное лишение его свободы. Демонстрационный эффект здесь не важен или даже излишен. Эффект «отмены» достигается нанесением ущерба, а символика акта становится дополнительным элементом репрессии.

На разных этапах символической политики предпринимаемые действия ориентировались либо на традиционные (Феодальная война), либо на рациональные (решения Ивана III) мотивы. Демонстрационные акты, направленные на снижение «харизмы» политического конкурента, не выявлены. Снижение харизматичности происходило как побочный эффект репрессий. При этом можно обозначить тенденцию к усилению репрессивных инструментов отмены в моменты обострения кризиса и тенденцию к их ослаблению (с усилением разнообразия демонстративных инструментов) в те моменты, когда она применялась как профилактическая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. – Новосибирск, 1991. – 240 с.
2. Алексеева С.В. О понятии «Феодальная война» в отечественной историографии XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – № 4. – С. 24-30.
3. Борисов Н.С. Василий Темный. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 314 с.
4. Волков В.А. Роковой яд «в куряти». Смерть Дмитрия Шемяки и окончание московско-галичских войн второй четверти XV в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2024. – № 2. – С. 27-35.
5. Володихин Д.М. Иван III. Гроссмейстер большой политики. – Калуга, 2023. – 288 с.
6. Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. VIII. – СПб., 1859.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). – М.-Л.: Издательство Академии наук, 1950.
8. Ермолинская летопись. ПСРЛ Т. XXIII. – СПб., 1910.
9. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
10. Коновалов К.В. Социально-политические воззрения преп. Мартиниана Белозерского: из истории междоусобной войны в Московской Руси (1425–1453) // Палеоросия. – 2019. – № 1(11). – С. 106-111.
11. Корзинин А.Л. «Государь всяя Руси» Иван III и русская аристократия // Исторический формат. – 2016. – № 1 (5). – С. 163-180.
12. Михайлова И.Б. Московские или удельные калитичи? (борьба за «Старейший» великокняжеский стол в Северо-Восточной Руси второй четвер-

- ти XV в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2010. – № 1. – С. 78-97.
13. Михайлова И.Б. Смута на Руси во второй четверти XV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. – 2004. – № 1-2. – С. 4-18.
14. Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Родовая семантика в публицистическом дискурсе Московской Руси («Святорусское царство» и его языческие корни) // Лингвокультурология. – 2014. – № 8. – С. 132-137.
15. Московский летописный свод к. XV в. ПСРЛ. Т. XXV. – М.-Л., 1949.
16. Могилевский Н.А., Скиженко А.В., Черникова Т.В. Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого? // Вестник РУДН. Сер.: История России. – 2023. – № 3. – С. 470-483.
17. Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XII. – СПб., 1901.
18. Рудковская М.М. Драгоценные пояса в системе регалий княжеской власти в средневековой Руси // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – № 4 (84). – С. 11-19.
19. Серганова Д.А. Средства выражения авторской модальности в «Послании на Угру» Вассиана Рыло // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2024. – № 4. – С. 16-24.
20. Сыров В.Н. Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 73. – С. 19-35.
21. Татищев В.Н. История российская. Ч. 4 // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 6. – М., 1996.
22. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. XXIV. – Петроград, 1921.

REFERENCES

1. Alekseev Yu. G. Gosudar' vseya Rusi [Sovereign of all Rus']. Novosibirsk, 1991. – 240 s.
2. Alekseeva S.V. O ponyatii «Feodal'naya vojna» v otechestvennoj istoriografii XX v. [On the concept of "Feudal War" in Russian historiography of the 20th century.]// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2006. № 4. S. 24-30.
3. Borisov N.S. Vasilij Temnyj [Vasily the Dark]. M.: Molodaya gvardiya, 2020. - 314 s.
4. Volkov V.A. Rokovoj yad «v kuryati». Smert' Dmitriya Shemyaki i okonchanie moskovsko-galichskih vojn vtoroj chetverti XV v. [The fatal poison "in the kuryati." The death of Dmitry Shemyaka and the end of the Muscovite-Galich

- wars of the second quarter of the 15th century] // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2024. № 2. S. 27-35.
5. Volodihin D.M. Ivan III. Grossmeister bol'shoj politiki [Ivan III. Grandmaster of Grand Politics]. Kaluga, 2023 – 288 s.
 6. Voskresenskaya letopis' [Resurrection Chronicle]. PSRL. T. VIII. SPB., 1859.
 7. Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV – XVI vv. [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the 14th – 16th centuries.] (DDG). M.-L. Izdatel'stvo Akademii nauk. 1950.
 8. Ermolinskaya letopis'. [Yermolinsky Chronicle]. PSRL T. XXIII. SPb 1910.
 9. Zimin A.A. Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya vojna v Rossii XV v. [Knight at the Crossroads: Feudal Warfare in 15th-Century Russia]. M.: Mysl', 1991.-286 s.
 10. Konovalov K.V. Social'no-politicheskie vozzreniya prep. Martiniana Belozerskogo: iz istorii mezhdousobnoj vojny v Moskovskoj rusi (1425–1453) [The socio-political views of St. Martinian of Belozersk: from the history of the civil war in Muscovite Rus' (1425–1453)] // Paleorosiya. 2019. № 1 (11). S. 106-111.
 11. Korzinin A. Le. «Gosudar' vseya Rusi» Ivan III i russkaya aristokratiya ["Sovereign of All Rus'" Ivan III and the Russian aristocracy] // Istoricheskij format. 2016. № 1 (5). S. 163 – 180.
 12. Mihajlova I.B. Moskovskie ili udel'nye kalitichi? (bor'ba za «Starejshij» velikoknyazheskij stol v Severo-Vostochnoj Rusi vtoroj chetverti XV V.) [Moscow or appanage princes? (the struggle for the "Oldest" grand princely throne in North-Eastern Rus' in the second quarter of the 15th century)]// Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2010. № 1. S. 78 – 97.
 13. Mihajlova I.B. Smuta na Rusi vo vtoroj chetverti XV v. [The Time of Troubles in Rus' in the second quarter of the 15th century] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2004. № 1-2. S.4-18.
 14. Mihajlova T. V., Mihajlov A.V. Rodovaya semantika v publicisticheskom diskurse moskovskoj Rusi («Svyatorusskoe carstvo» i ego yazycheskie korni) [Generic semantics in the journalistic discourse of Muscovite Rus' (the "Holy Russian Kingdom" and its pagan roots)] // Lingvokul'turologiya. [2014. № 8. S. 132-137.
 15. Moskovskij letopisnyj svod k. XV v. PSRL. [Moscow Chronicle Collection, late 15th century]. T. XXV. M.-L. 1949.
 16. Mogilevskij N. A., Skizhenok A. V., Chernikova T.V. Zashchitnye praktiki v istorii Rossii: nachalo formirovaniya «kul'tury otmeny» ili redkoe sobytie proshlogo? [Defensive practices in Russian history: the beginning of the formation of "cancel culture" or a rare event of the past?] // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii. 2023. № 3. S. 470-483.
 17. Nikonovskaya letopis'. [Nikon Chronicle]. PSRL, T. XII. SPb. 1901.
 18. Rudkovskaya M.M. Dragocennye poyasa v sisteme regalij knyazheskoj vlasti v srednevekovoj Rusi [Precious belts in the system of regalia of princely power in

- medieval Rus'] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2012. №4 (84). S. 11-19.
19. Serganova D.A. Sredstva vyrazheniya avtorskoj modal'nosti v «Poslanii na Ugru» Vassiana Rylo [Means of expressing the author's modality in Vassian Rylo's "Message to the Ugra"] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. 2024. № 4. S. 16-24.
20. Syrov V. N. Novyj vitok v traktovke sootnosheniya pamyati i istorii i ego perspektivy [A new turn in the interpretation of the relationship between memory and history and its prospects] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2023. № 73. S. 19-35.
21. Tatishchev V.N. Istoriya rossijskaya [Russian history]. Ch. 4 // Tatishchev V.N. Sobr. soch. T. 6. M., 1996.
22. Tipografskaya letopis' [Typographic Chronicle]. PSRL. T. XXIV. Pg. 1921.

Информация об авторе: Соловьев Константин Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

РИНЦ: AuthorID: 440315

e-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Solovev Konstantin Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, M.V.Lomonosov Moscow State University 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory, 1.

RSCI: AuthorID: 440315

e-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.06.2026

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-147-171

УДК 93/94

EDN TTBXNM

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА
(ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ) В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1920–1930-е гг.)**

Наталья Сергеевна Харина

Югорский государственный университет

г. Ханты-Мансийск, Россия

hanase83@yandex.ru

Николай Андреевич Качин

Югорский государственный университет

г. Ханты-Мансийск, Россия

kachinnikolay@mail.ru

Аннотация. Введение: актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа эволюции государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Обь-Иртышского Севера в 1920–1930-е гг., связанной с переходом от имперской модели управления к советской национально-территориальной системе. В статье рассматриваются трансформация административных и социально-экономических практик, меры советской власти по интеграции коренного населения в систему Советов и партийных структур, а также процесс формирования национально-территориальных автономий. Анализ данной проблематики позволяет выявить ключевые этапы трансформации государственной политики и оценить ее влияние на традиционный уклад жизни коренных народов региона. **Материалы и методы:** в рамках исследования использован комплекс историко-правовых и нормативных источников, включающий законодательные акты Российской империи и СССР, постановления ВЦИК и СНК РСФСР, а также материалы местных органов власти и партийных структур. Для более глубокого понимания реального положения дел и оценки государственной

национальной политики использованы материалы региональной периодической печати. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию управленческих практик; сравнительно-исторический метод, использованный для сопоставления дореволюционной и советской моделей управления; а также системный анализ, обеспечивший рассмотрение взаимодействия центральных и местных институтов власти. Дополнительно применялись методы анализа и синтеза при работе с нормативными актами и архивными материалами, а также метод обобщения для выявления закономерностей развития государственной национальной политики.

Результаты исследования: установлено, что в 1920–1930-е гг. государственная политика в отношении коренных народов Обь-Иртышского Севера претерпела переход от имперской административной модели к советской системе национально-территориальной интеграции. Выявлено, что в дореволюционный период сохранялось сочетание государственного контроля и элементов традиционного самоуправления, тогда как в советский период ключевую роль играли Наркомнац, Советы и партийные структуры, обеспечившие вовлечение коренного населения в систему управления. Показано, что образование национальных округов в 1930 г. закрепило новую институциональную модель и способствовало дальнейшей трансформации традиционного уклада. **Обсуждение и заключение:** авторы пришли к выводу о том, что государственная политика в отношении коренных народов Обь-Иртышского Севера в 1920–1930-е гг. носила последовательный характер и отражала переход от имперской системы административно-фискального управления к советской модели национально-территориальной интеграции. Данный процесс сопровождался трансформацией традиционных форм самоуправления и их включением в структуру государственных институтов.

Выявлено, что ключевую роль в указанных изменениях играли Наркомнац, местные Советы и партийные органы, обеспечившие постепенное вовлечение коренного населения в политическую и социально-экономическую систему СССР. Формирование национальных округов закрепило институциональные основы новой модели управления. Результаты исследования подтверждают сочетание модернизационных преобразований с сохранением отдельных элементов традиционного уклада, а также постепенную адаптацию коренных народов Обь-Иртышского Севера к новым административным условиям. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом региональных различий и локальных механизмов взаимодействия традиционных и государственных институтов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Обь-Иртышский Север, государственная национальная политика, Советы, партийные структуры, национально-территориальная автономия, административная система

Для цитирования: Хари́на Н.С., Качин Н.А. Коренные народы Обь-Иртышского Севера (территория современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) в системе государственной национальной политики СССР (1920–1930 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Том 18. № 3. С. 147-171. EDN: TTBXNM
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-147-171

Original article

THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE OB-IRTYSH NORTH (THE TERRITORY OF THE MODERN KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA) IN THE SYSTEM OF STATE NATIONAL POLICY OF THE USSR (1920-1930)

Natalia S. Kharina

Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
hanase83@yandex.ru

Nikolay A. Kachin

Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
kachinnikolay@mail.ru

Abstract. Introduction: The relevance of the research topic is determined by the need to analyze the evolution of state policy toward the indigenous peoples of the Ob-Irtysh North in 1920–1930, in the context of the transition from the imperial system of governance to the Soviet national-territorial framework. The article examines changes in administrative and socio-economic practices, measures undertaken by the Soviet authorities to integrate the indigenous population into the system of Soviets and party structures, as well as the process of forming national-territorial autonomies. This study makes it possible to identify the key stages in the transformation of state policy and assess its impact on the traditional way of life of the indigenous peoples of the region. **Materials and methods:** The research is based on a set of historical, legal, and regulatory sources, including legislative acts of the Russian Empire and the USSR, resolutions of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR, as well as materials from local authorities and party structures. For a more comprehensive understanding of the actual situation and an assessment of state national policy, materials from the regional periodical press were also used. The methodo-

logical framework of the study consists of the historical-genetic method, which made it possible to trace the evolution of administrative practices; the comparative-historical method used to compare pre-revolutionary and Soviet governance models; as well as systemic analysis, which enabled the examination of interactions between central and local government institutions. Additionally, methods of analysis and synthesis were applied in working with legal regulations and archival materials, along with the method of generalization to identify patterns in the development of state national policy. **Research outcomes:** It is established that in 1920–1930 state policy towards the indigenous peoples of the Ob-Irtysh North underwent a transition from the imperial administrative model to the Soviet system of national-territorial integration. It is revealed that in the pre-revolutionary period a combination of state control and elements of traditional self-government persisted, whereas in the Soviet period the People's Commissariat for Nationalities, Councils, and party structures played a key role in ensuring the involvement of the indigenous population in the governance system. It is shown that the formation of national districts in 1930 consolidated the new institutional model and contributed to the further transformation of the traditional way of life. **Discussion and conclusions:** The study concludes that state policy towards the indigenous peoples of the Ob-Irtysh North in 1920–1930 was consistent and reflected the transition from the imperial system of administrative and fiscal governance to the Soviet model of national-territorial integration. This process was accompanied by the transformation of traditional forms of self-government and their incorporation into the structure of state institutions. It is revealed that a key role in these changes was played by the People's Commissariat for Nationalities, local Soviets, and party bodies, which ensured the gradual involvement of the indigenous population in the political and socio-economic system of the USSR. The formation of national districts consolidated the institutional foundations of a new governance model. The results of the study confirm a combination of modernization processes with the preservation of certain elements of the traditional way of life, as well as the gradual adaptation of the indigenous peoples of the Ob-Irtysh North to new administrative conditions. Prospects for further research are related to an in-depth analysis of regional differences and local mechanisms of interaction between traditional and state institutions.

Keywords: Indigenous Peoples, Ob-Irtysh North; state nationality policy, local Soviets, party organizations, national-territorial autonomy, administrative system

For citation: Kharina N.S, Kachin N.A. The indigenous peoples of the Ob-Irtysh North (the territory of the modern Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra) in the system of state national policy of the USSR (1920-1930). Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No.3. P. 147-171 (In Russ.). EDN: TTBXNM
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-147-171

Введение

История государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Обь-Иртышского Севера представляет собой сложный и многослойный процесс трансформации традиционных форм общественного устройства под воздействием царских и советских административно-правовых институтов. Несмотря на значительный массив исследований, посвященных отдельным аспектам управления северными территориями, остается недостаточно разработанным вопрос о преемственности и разрывах в системе административного регулирования коренных народов в долгосрочной исторической перспективе – от дореволюционного периода до становления национальных округов в 1930-е гг.

Научная проблема состоит в выявлении механизмов трансформации традиционных институтов самоуправления коренных народов Обского Севера в условиях последовательной интеграции в общеимперскую, а затем в советскую административную систему, а также в определении степени сохранения элементов обычного права и локальных форм политической организации в процессе этих изменений. В предыдущих исследованиях преимущественное внимание уделялось либо дореволюционному, либо советскому периоду, тогда как их взаимосвязь и преемственность остаются недостаточно изученными.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа эволюции правовых и управленческих механизмов, применявшихся на Обь-Иртышском Севере, а также их влияния на социально-экономическую и культурную трансформацию коренного населения. Особое значение данный вопрос приобретает в контексте современных научных задач, связанных с изучением моделей взаимодействия государства и коренных народов, сохранения их этнокультурной идентичности и адаптации традиционных хозяйственных систем к внешним институциональным изменениям.

Целью исследования является выявление особенностей реализации государственной национальной политики в отношении коренных народов Обь-Иртышского Севера в 1920–1930-е гг. и механизмов вовлечения представителей коренного населения в систему управления и общественно-политическую жизнь.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих поставленных задач:

- определить особенности формирования национально-территориальных автономий и окружных партийных структур на каждом из этапов проведения национальной политики;
- раскрыть процесс вовлечения коренного населения в систему советского политического участия через Советы, партийные организации и иные формы общественной активности.

Научная ценность исследования состоит в уточнении представлений о специфике реализации Устава «Об управлении инородцев» 1822 г., «Положения

об инородцах» 1892 г. и последующих советских нормативных актов, обусловивших переход от фискально-административной модели управления к системе национально-территориальной организации. Полученные результаты могут быть использованы при разработке современных подходов к реализации государственной национальной политики и совершенствованию механизмов регионального управления на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов.

Отличительной особенностью исследования являются систематизация разрозненного комплекса историко-правовых источников и выявление роли промежуточных управленческих форм, обеспечивавших адаптацию коренного населения к новым государственным институтам, что позволило проследить долговременную динамику трансформации административных практик.

Обзор литературы

Историография исследований коренных малочисленных народов Обь-Иртышского Севера связана с изменением подходов к изучению государственной политики и социально-культурного развития северных территорий. В развитии этих исследований выделяются три основных этапа: дореволюционный, советский и современный. Каждый из них отличается своими особенностями и способами изучения проблемы.

В дореволюционный период работы Г.Ф. Миллера, Г. Георги, А.Ф. Миддендорфа, Г. Новицкого, А.П. Словцова, С.К. Патканова, М.Н. Ядринцева и других исследователей были посвящены преимущественно этнографическому и хозяйственному описанию народов Севера и содержали сведения об административном устройстве и традиционных формах самоорганизации, сформировав источниковую основу для последующих исследований. Значительный вклад в изучение демографических и этнических процессов внес С.К. Патканов, однако вопросы административного управления не получили в его трудах специального освещения. Развитие исследований в первой половине XIX в. было связано с введением в действие «Устава об управлении инородцев» (1822 г.), а со второй половины XIX в. существенную роль в изучении региона сыграло Русское географическое общество, представители которого уделяли внимание вопросам обычного права и особенностям общественной организации народов Сибири.

В советский период проблемы национального строительства и организации управления северными территориями получили развитие в трудах П.Г. Смидовича, В.Г. Богороза, В.А. Зибарева, П.Е. Островского, Л.Я. Штейнберга и других исследователей. Их работы были посвящены вопросам советизации Севера, созданию национальных административно-территориальных образований, развитию местных органов власти, подготовке национальных кадров и вовлечению коренного населения в общественно-политическую жизнь. Значительный вклад

в изучение социальных и этнокультурных процессов внесли Б.О. Долгих, И.С. Вдовин, Л.В. Хомич, И.С. Гурвич, А.В. Смоляк, З.П. Соколова.

В постсоветский период исследовательский интерес сместился к переосмыслению советской национальной политики, механизмов взаимодействия государства и коренных сообществ, а также проблемам этнополитического развития. Существенный вклад в разработку данных вопросов внесли В.А. Тишков, Н.И. Новикова, Н.В. Лукина, Е.А. Пивнева, Е.П. Мартынова, В.В. Крюков, И.В. Семенова, Е.Г. Чумак, Е.В. Лешукова, Л.В. Алексеева, Н.В. Ткачук и др.

Вместе с тем вопросы формирования окружных партийных структур, особенностей функционирования национально-территориальных автономий и механизмов вовлечения представителей коренных народов Обь-Иртышского Севера в систему советского политического участия остаются изученными недостаточно. Региональная периодическая печать, отражающая деятельность органов власти, общественных организаций и участие коренного населения в политической жизни, до настоящего времени использовалась преимущественно фрагментарно и редко рассматривалась в качестве самостоятельного источника.

Нормативно-правовую базу исследования составляют акты федерального уровня, а также нормативные правовые акты органов власти, принятые в рассматриваемый период. К ним относятся постановления ЦК ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР, материалы партийных съездов, конференций и пленумов, законодательные акты, а также решения региональных органов управления. Данные источники позволяют проследить основные направления государственной национальной политики, особенности формирования национально-территориальных образований и окружных партийных структур.

Существенное значение имеют материалы местных органов власти, отражающие практику реализации национальной политики и деятельность органов управления на местах. Особую группу источников составляют материалы региональной периодической печати, содержащие сведения о работе Советов, партийных и общественных организаций, ходе подготовки национальных кадров и вовлечении представителей коренного населения в систему советского политического участия и общественную деятельность.

Материалы и методы

Исследование основано на комплексном анализе историко-правовых, Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов, партийных документов, материалов органов государственной власти и периодической печати, отражающих реализацию государственной национальной политики в отношении коренных народов Обь-Иртышского Севера в 1920–1930-е гг. В качестве материалов использованы постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и РСФСР, материалы партийных съездов, конференций и пленумов, решения местных органов власти, статистические данные и публикации региональной

периодической печати, освещавшие деятельность Советов, партийных и общественных организаций.

Объектом исследования являются коренные народы Обь-Иртышского Севера в условиях реализации государственной национальной политики в 1920–1930-е гг. Предмет исследования составляют процессы формирования национально-территориальных образований и окружных партийных структур, а также механизмы вовлечения коренного населения в систему советского политического участия.

Методологическую основу работы составляют историко-генетический, историко-сравнительный и системный методы. Историко-генетический метод позволил проследить последовательность формирования национально-территориальных автономий и развития окружных партийных структур. Историко-сравнительный метод использован для выявления особенностей отдельных этапов реализации национальной политики. Системный подход применен при рассмотрении взаимодействия органов власти, Советов, партийных и общественных организаций в процессе вовлечения представителей коренного населения в политическую жизнь. Методы анализа, синтеза и обобщения использованы при обработке нормативных документов, статистических материалов и данных периодической печати.

Результаты исследования

До второй половины XIX в. территории, населенные малочисленными народами Обь-Иртышского Севера, входили в состав Березовского округа Тобольской губернии, в административном отношении разделенного на три отделения. В состав Сургутского отделения входили Пырчина, Салтыковская, Лумпокольская, Ваховская, Аганская, Мало-Юганская, Подгорно-Юганская и Тром-Юганская волости, а также Пимская, Салымская и Селияровская волости. Кондинское отделение включало Сосьвинскую, Ляпинскую, Казымскую, Подгорную и Котскую волости. Обдорское отделение состояло из Обдорской и Куноватской волостей [ТГВ. 1858. № 19–25].

Система управления коренными народами Сибири определялась положениями высочайше утвержденного Устава «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., разработанного под руководством М. М. Сперанского и вошедшего в Полное собрание законов Российской империи [ПСЗРИ. С. I. Т. XXXVIII. № 29126].

В соответствии с положениями Устава «Об управлении инородцев» 1822 г., для кочевых народов была предусмотрена трехступенчатая система самоуправления, состоящая из родовых управлений, инородных управ и степных дум, при этом управление бродячими инородцами осуществлялось посредством родовых старост. Создание Обдорской самоедской и Обдорской остяцкой управ не полностью соответствовало нормам Устава 1822 г., так как для «бродячего

населения» учреждение подобных органов власти не предполагалось. Их формирование было обусловлено преимущественно фискально-административными задачами государства, направленными на оптимизацию учета населения и обеспечение эффективности сбора ясака. Во главе каждой инородческой управы находился выборный старшина, которому оказывали содействие два помощника. На управы возлагались административно-фискальные и судебные функции, включавшие поддержание порядка среди подведомственного населения, сбор ясака, а также осуществление судопроизводства [ПСЗРИ. С.І. Т. XXXVIII. № 29126].

Система судопроизводства тоже была трехступенчатая. Судом первой инстанции являлось родовое управление, второй инстанцией выступала инородческая управа, а высшей судебно-полицейской инстанцией служило земское (полицейское) управление. Наряду с официальной системой судопроизводства продолжали функционировать традиционные институты обычного права, представленные родовыми сходами, рассматривавшими дела в соответствии с местными правовыми обычаями [1, с. 7–9].

Таким образом, судебно-административная система, сформированная в соответствии с Уставом 1822 г., сочетала элементы государственного управления с сохранением традиционных форм самоуправления коренных народов Сибири. Учреждение Обдорского самоедского и Обдорского остяцкого управ не соответствовало положениям Устава 1822 г. и было обусловлено фискально-административными интересами государства.

Принятие «Положения об инородцах» в 1892 г. способствовало систематизации деятельности соответствующих управ и их последовательной интеграции в общеимперскую систему местного управления. В соответствии с новыми правилами в состав каждой управы входили голова, два выборных члена, два кандидата в члены управы, а также письмоводитель и его помощник [СЗРИ. 1892. Т. II. Ст. 56–57]. Тем самым система управления была подвергнута дальнейшей регламентации и приобрела более выраженный бюрократический характер. Рост бюрократизации и подчинение инородческих управ крестьянским начальникам в 1898 г. ознаменовали постепенное сокращение традиционных форм самоуправления и усиление административного контроля со стороны государства.

В начале XX в. коренные народы Обь-Иртышского Севера сохраняли традиционный уклад жизни, основанный на охоте, рыболовстве, собирательстве и оленеводстве. Для общественных отношений были характерны черты общинной организации и сохранение авторитета местных лидеров. Среди представителей коренного населения, выполнявших административные функции, выделялись ханты Василий Тайшин и Андрей Серасхов, а также ненцы Никифор Вауйта, Гавриил Ямал и Иван Хороля [2, с. 190–191].

Установление советской власти на Обь-Иртышском Севере ознаменовало переход к новому этапу государственной политики в отношении коренных малочисленных народов. В отличие от дореволюционного периода, характеризовавшегося преобладанием административно-фискальных методов управления, советское государство осуществляло комплекс мероприятий, направленных на социально-экономическую и культурную трансформацию региона, а также на интеграцию коренного населения в систему советских общественных и хозяйственных отношений.

27 октября (9 ноября) 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял решение об учреждении Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) во главе с И.В. Сталиным. В структуре комиссариата функционировали отделы по делам «национальных меньшинств» [СУ РСФСР. 1917. № 1. ст. 1].

После окончания Гражданской войны на Обь-Иртышском Севере были организованы поставки продовольствия, боеприпасов, рыболовных снастей и других товаров первой необходимости. Одновременно осуществлялась национализация рыбных промыслов и речного судоходства. В рамках политики военного коммунизма государство установило монополию на внешнюю торговлю и ограничило частную торговую деятельность, прежде всего в сфере заготовки и покупки пушнины. В целях улучшения социально-экономического положения коренного населения советские органы власти освободили его от уплаты государственных и местных налогов. В районах проживания коренных народов создавались хлебозапасные магазины, обеспечивавшие снабжение населения зерном и другими продуктами питания, а также предусматривавшие возможность выдачи хлеба в кредит в случае возникновения продовольственных трудностей. Так, И.А. Иванов отмечал, что меры «по снабжению хантов товарами и приему от них рыбы» были установлены в 1920 г. в Березовском уезде [3, с. 22].

На страницах региональной периодической печати освещались вопросы восстановления и развития рыбного и пушного промыслов, составлявших основу хозяйственной деятельности коренного населения. Значительное внимание уделялось анализу состояния традиционных промыслов коренных народов Севера, а также мерам государственной поддержки, направленным на их сохранение и модернизацию [4, 5, 6].

Важным направлением государственной политики являлось развитие государственной и кооперативной торговой сети. За коренными народами на правах хозяйственного пользования закреплялись охотничьи и рыболовные угодья. Государственное кредитование, осуществлявшееся в денежной и товарной формах, было ориентировано преимущественно на поддержку и модернизацию традиционных отраслей хозяйства [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г.]. Подтверждение этому можно найти в материалах региональной периодической печати, в которых также освещались мероприятия по организа-

ции ветеринарной службы, направленные на сохранение поголовья оленей и повышение эффективности оленеводческого хозяйства [7, 8, 9].

В первой половине 1920-х гг. на территориях проживания коренных народов сохранялся общий порядок советского управления, а местное население включалось в систему сельских Советов. Характерной особенностью партийных организаций северных районов являлась их малочисленность. В общественной жизни коренных народов значительную роль продолжали играть старшины и «князьки». В ряде районов, в частности в Обдорске и Сургуте, они были интегрированы в систему местного управления посредством инородческих подотделов при исполнительных комитетах, что способствовало усилению контроля советских органов власти над традиционными институтами управления. С целью установления более тесных контактов с коренным населением представители советской власти принимали участие в традиционных национальных съездах и собраниях, а также инициировали проведение съездов, конференций и общих собраний. Подобные мероприятия, как правило, проводились с использованием родных языков участников. К 1923 г. в Сургутской уездной партийной организации насчитывалось 140 коммунистов, в Березовской уездной – 173. Из 16 волостей этих уездов волостные организации РКП(б) действовали лишь в шести, при этом на каждую партийную ячейку приходилось в среднем около 15 коммунистов [10, с. 13, 19–20].

Одним из первых представителей народа ханты, вступивших в ряды коммунистов, был Лука Федорович Ернов. Первую партийную ячейку в округе в селе Горно-Филинское, а также вторую в соседнем селе Цингалы в 1918 г. организовал Николай Сергеевич Пospelов, балтийский моряк, участник штурма Зимнего дворца. В последующие годы партийные ячейки постепенно формируются в ряде населенных пунктов региона, включая Сургут, Самарово, Березово, Реполово, Обдорск и Саранпауль.

С 24 по 29 июля 1922 г. в селе Самарово состоялась первая конференция малых народностей Обь-Иртышского Севера. В мероприятии приняли участие 15 делегатов из таких населенных пунктов, как Самарово, Обдорск (Салехард), Сургут, Реполово и Нахрачи (Кондинск). В телеграмме, составленной участниками конференции для передачи в ВЦИК, указывалось: «Созванная Наркомнацем конференция туземных народностей Тобольского Севера по национальному вопросу под почетным председательством товарища Ленина, первая в истории полярных народов, выявляя национальную волю, наметила пути широкого творчества. Самоедская, зырянская, остяцкая, мусульманская, вогульская народности в лице конференции горячо приветствуют национальную политику Республики Советов...» [11, с. 120–121].

В ходе конференции были рассмотрены вопросы восстановления и улучшения условий жизни коренных народов Севера, а также организации культурно-просветительской работы в регионе. По итогам обсуждения было принято

решение о создании сети медицинских пунктов, открытии фельдшерских школ, организации научных экспедиций, увеличении финансирования образовательных учреждений и отмене монополии на рыболовный промысел. Реализация данных мер нашла отражение на страницах региональной периодической печати, где публиковались материалы, посвященные проведению медицинских обследований, организации медицинской помощи коренному населению, а также развитию сети учреждений здравоохранения, включая открытие больниц и детских санаториев. [12, 13, 14].

Коренное население Обь-Иртышского Севера постепенно вовлекалось в систему советского управления посредством участия в выборах сельских Советов и волостных исполнительных комитетов. Показательным примером является ситуация, сложившаяся в 1922 г. в Юганской волости Сургутского уезда, где представители ханты добились переноса сроков выборов на период традиционных сезонных собраний. Их просьба была удовлетворена, а представители коренного населения вошли в состав волостного исполнительного комитета, председателем которого был избран Кирилл Лянькин. В начале 1920-х гг. функционировали 62 сельских Совета, 17 волостных и два уездных исполнительных комитета (Березовский и Сургутский). Заместитель председателя губернской плановой комиссии (губплана) Первухин в 1923 г. отмечал, что «из среды остяцкого населения некоторые работают в сельских Советах и волостных исполнительных комитетах, являясь безграмотными, они отличаются опытом и смекалкой, так что возложенные на них обязанности в качестве членов сельских Советов и волостных исполнительных комитетов выполняются удовлетворительно» [15, с. 29–30].

Возрастание политической активности коренного населения находит отражение в материалах региональной периодической печати [16, 17, 18].

В марте 1920 г. были образованы Березовский и Сургутский уездные комитеты РКП(б), которые заложили основу для создания волостных партийных организаций. К середине 1922 г., после их формирования, организационная структура и численный состав партийных организаций выглядели следующим образом. Березовский уездный комитет объединял четыре волостные организации – Обдорскую (36 членов), Кондинскую (41), Елизаровскую (33) и Березовскую (59), а также 11 низовых партийных ячеек. Сургутский уездный комитет включал Тундринскую, Локосовскую, Александровскую и Ново-Николаевскую волостные организации, а также шесть низовых ячеек [15, с. 38–39].

В результате административно-территориального районирования 1923–1926 гг. волостные, уездные и губерnsкие партийные организации были преобразованы в районные и окружные структуры. На территории Обь-Иртышского Севера были созданы Березовская, Кондинская, Обдорская, Самаровская и Сургутская окружные партийные организации. В 1926–1927 гг. в отношении коренных народов была введена временная система советского управления и судопроиз-

водства, учитывавшая особенности их социально-экономического и культурно-бытового уклада.

В апреле 1923 г. Малая коллегия Наркомнаца приняла решение о создании «Комитета содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири»: «учитывая огромное экономическое и политическое значение северных окраин, с одной стороны, и катастрофическое положение племен, их населяющих, с другой, а так же принимая во внимание полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов, образовать «Комитет содействия народностям северных окраин» [19, с. 11].

В 1924 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК) был сформирован Комитет Севера. С 1924 по 1934 гг. должность председателя Комитета занимал заместитель председателя ЦИК СССР - Петр Гермогенович Смидович [19, с. 11].

Можно говорить о том, что право коренных малочисленных народов Севера на самоопределение подтверждено только в Декрете Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 25 ноября 1925 г. «...для поднятия хозяйства и культурных условий жизни населения северных окраин «организуются органы туземного управления среди народностей и племен РСФСР, ведущих бродячий образ жизни и занимающихся, главным образом, охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области»[СУ РСФСР. 1925. № 1 - 44].

Одним из важнейших направлений реализации государственной национальной политики стало создание в различных регионах страны национально-территориальных автономных образований. До учреждения национальных округов и окружных партийных структур система местного управления на Севере включала родовые собрания, родовые Советы и районные туземные исполнительные комитеты. Родовые Советы выступали в качестве институтов традиционного родового самоуправления, институционально интегрированных в систему советской административной организации и адаптированных к ее нормативно-правовым и управленческим принципам. Высшим органом власти являлся районный туземный съезд, а постоянно действующим органом – райтузисполком. Становлению постоянных органов советской власти предшествовала система переходных форм управления, сформированная с учетом природно-географических и этнокультурных особенностей региона [15, с. 38–39].

Правовые основы организации местных органов власти были закреплены во «Временном положении об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденном ВЦИК и СНК РСФСР в 1926 г. [СУ РСФСР. 1926. № 73].

Среди коренных народов постепенно формировался актив общественных организаций, представители которого впоследствии пополняли ряды партии. В 1924 г. партийные организации по районам распределялись следующим образом: в Кондинском районе насчитывалось 5 партийных ячеек (87 членов), в Самаровском – 7 (98), в Березовском – 9 (131), в Обдорском – 7 (97), в Сургутском – 4 (56). В период с июля 1927 г. по январь 1929 г. в партию вступили 163 человека, среди которых были представители народов ханты и манси [20, с. 130].

Коренное население Обь-Иртышского Севера последовательно интегрировалось в структуру местного самоуправления, зачастую успешно добиваясь права участия в формировании органов власти. В частности, в 1925 г. представители народа манси из деревни Пушты Кондинского района направили жалобу о том, что их «...своевременно не известили о дне выборов, назначили неудачный день, когда большинство населения уехало на рыбную ловлю, и самое главное, по их мнению, выбрали не того, от которого пользы беднякам будет...» [21, с. 46–47].

Реализация государственной национальной политики на Обь-Иртышском Севере нашла отражение в материалах региональной периодической печати. Так, председатель Тобольского окружного исполнительного комитета Первухин в своих публикациях освещал вопросы советизации Севера, состояние оленеводства, рыболовства и пушного промысла, а также развитие кооперации [22].

С 1926 г. в деятельности партийных организаций и Советов получили распространение новые формы работы. В Самаровском, Березовском и Сургутском районах при туземных Советах создавались комитеты взаимопомощи, а при партийных ячейках – группы бедноты, среди которых активностью отличалась Зенковская партийная ячейка Самаровского района. В 1928–1930 гг. в районных, окружных и межрайонных конференциях приняли участие более 400 женщин из числа коренного населения. В Самаровском, Березовском и Обдорском районах были созданы семь женских артелей по пошиву меховой одежды и обуви, а в работе делегатских собраний регулярно участвовали около 420 женщин. Одной из активных общественных деятельниц Самаровского района являлась Клавдия Петровна Доронина, член ВКП(б) с 1921 г. [23, с. 66].

В 1930 г. совещание ЦК ВКП(б) приняло программу массовой работы среди женщин из числа коренных народов Севера, предусматривавшую ликвидацию неграмотности, ознакомление с советским законодательством, вовлечение в деятельность советских учреждений и преобразование традиционного быта. Одновременно развитие рыбной промышленности и создание рыбокомбинатов способствовали вовлечению ханты и манси в промышленное производство, что содействовало улучшению их материально-бытовых условий и переходу к оседлому образу жизни [23, с. 66].

В.И. Ленин обосновывая принципы национальной политики, подчеркивал, что «...для устранения всякого национального гнета крайне важно создать авто-

номные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...» [24, с. 148].

С этой целью, в рамках реализации национальной политики, 10 декабря 1930 г. было принято решение об образовании на территории Обского Севера Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов [ГАРФ. Ф. ФР-1235. Оп. 44. Д. 60. Л. 9–11].

Их создание основывалось на принципах этнической, хозяйственно-экономической и культурной общности населения. Основным принципом национально-территориального районирования станет выделение хозяйственно целостных территорий с преобладанием определенных этнических групп. Специфика региона обусловит формирование пятизвенной системы административно-территориального устройства, что позволит приблизить органы советской власти к населению, рассредоточенному на значительных пространствах [Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера. Пост. ВЦИК от 10 декабря 1930 г.]. Образование национальных округов стимулировало рост политической активности трудящихся в регионе.

Для организации партийно-политической и организационной работы в 1931 г. были созданы организационные бюро соответствующих краевых и областных комитетов ВКП(б). Оргбюро осуществляло изучение политико-экономического состояния округов, активизировало массово-политическую работу, а также развитие колхозно-кооперативного и социально-культурного строительства, одновременно обеспечивая организационную подготовку к проведению партийных конференций. В состав Остяко-Вогульского оргбюро вошли Ф.Л. Дружинин (секретарь), Я.М. Рознин, Г.В. Родионов, И.И. Таравский и В.Г. Мараев [25, с. 265–267].

Процесс социалистического преобразования среди коренных малочисленных народов в течение XX в. развивался в соответствии с направлениями, институционально закрепленными уже к середине 1930-х гг. К числу ключевых направлений относились завершение коллективизации в Одним из ключевых направлений советской политики на Обь-Иртышском Севере являлись преобразования в хозяйственной сфере, включавшие реорганизацию существовавших кооперативных форм хозяйствования в колхозную систему, постепенный переход кочевых и полукочевых групп населения к оседлому образу жизни, а также вовлечение северных территорий в систему сельскохозяйственного производства. О значительном внимании, уделявшемся коллективизации, свидетельствуют материалы региональной периодической печати, в которых отражались цели и задачи проводимых преобразований, ход колхозного строительства и вопросы организации коллективных хозяйств [26, 27, 28].

Реализация советской национальной политики на Обь-Иртышском Севере получила отражение в материалах региональной периодической печати. Значительная часть публикаций была посвящена вопросам хозяйственного и культур-

ного строительства в Остяко-Вогульском национальном округе, развитию традиционных отраслей хозяйства, кооперации, здравоохранения и образования, а также проблемам социально-экономической трансформации региона [29, 30, 31].

Плановая работа по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни в Ханты-Мансийском национальном округе началась с середины 1930-х гг.; к 1940 г. на оседлость были переведены лишь три колхоза. Основной формой коллективных хозяйств в 1929–1932 гг. в регионе являлись простейшие производственные объединения (ППО). На реализацию указанных мероприятий государством выделялось соответствующее финансирование. Вместе с тем население продолжало вести кочевой или полукочевой образ жизни, проживая нередко на значительном удалении друг от друга [20, с. 130–132].

Переход кочевого населения к оседлости неразрывно связан с процессами укрупнения и ликвидации мелких, малочисленных поселений. В 1940 г. в 76 национальных колхозах Ханты-Мансийского округа насчитывалось свыше 650 населенных пунктов. Во многих из них временно, на непродолжительный срок, останавливались одна или две семьи. Так, в рыболовецкой артели им. М.И. Калинина Сургутского района насчитывалось 64 хозяйства, рассредоточенных по 50 населенным пунктам бассейна реки Пим на площади около 2 млн гектаров. Аналогичная ситуация наблюдалась также в бассейнах рек Вах, Аган, Тром-Аган, Казым, Малой и Большой Сосьвы. Территориальная разобщенность членов колхозов обуславливала значительные трудности, а в ряде случаев фактически исключала возможность эффективного развития общественного хозяйства, повышения производительности труда и вовлечения в коллективный труд вторых членов семей и других категорий населения. [32, с. 39].

Реализация данной политики осуществлялась во взаимосвязи с мероприятиями по коллективизации сельского хозяйства и установками культурной революции. Процессы сплошной коллективизации сопровождались административным регулированием внедрения оседлого образа жизни среди коренного населения. Часть кочевых оленеводческих хозяйств, сохранявших традиционный хозяйственно-бытовой уклад, в ряде случаев рассматривалась административными органами как неучтенная и не включенная в систему хозяйственного и статистического контроля, что могло влечь применение административных мер воздействия. Постепенно ханты, манси и ненцы вовлекались в систему коллективного труда. Развитие промыслов и хозяйственной деятельности способствовало ускорению перехода к оседлости, сопровождавшегося трансформацией традиционного уклада коренного населения.

Работа по переводу кочевого населения к оседлому образу жизни продолжалась и в период Великой Отечественной войны. В Ханты-Мансийском округе в период с 1 января 1941 г. по январь 1945 г. для оседающих колхозов было построено 49 хозяйственных центров, 833 жилых дома, свыше 30 колхозных контор, 35 бань, 10 школ, 5 изб-читален, 17 фельдшерских пунктов,

35 магазинов, 25 хлебопекарен, 21 склад и др. В указанные жилые помещения было переселено 1180 кочевых хозяйств [33, с. 100–103].

В послевоенный период наблюдалась активизация колхозно-кооперативного строительства, направленного на восстановление социально-экономической инфраструктуры региона. Государство осуществляло финансирование здравоохранения, школьного интернатного образования, подготовки кадров и развития культурно-бытовой сферы. Поддержка также направлялась на развитие новых отраслей хозяйства, включая клеточное звероводство, животноводство и овощеводство (картофелеводство и овощеводство).

Ю.П. Прибыльский отмечал, что в порядке исключения коренному населению предоставлялось право лова рыбы для личного потребления в специально отведенных водоемах с использованием всех имеющихся в их распоряжении орудий промысла. Хозяйствам предоставлялся долгосрочный кредит в размере 700 тыс. руб. на приобретение оленей для личного пользования колхозников. В 1948–1950 гг. коренному населению Тюменского Севера была оказана безвозвратная помощь в размере 7 млн руб. [34, с. 78].

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ эволюции государственной национальной политики и системы управления коренными малочисленными народами Обь-Иртышского Севера в исследуемый период позволяет выявить ключевые этапы институциональной трансформации и определить ее влияние на традиционный уклад жизни коренного населения. Так, можно выделить следующие этапы:

- 1920–1925 гг. – переходные формы управления и первые формы политического участия;
- 1926–1930 гг. – институционализация национальной политики (деятельность Комитета Севера, туземных Советов, райтузисполкомов);
- 1930–1935 гг. – формирование национальных округов и окружных партийных структур.

Дореволюционная система управления характеризовалась сочетанием административно-фискального контроля государства с ограниченными формами традиционного самоуправления. При этом волостная система постепенно утрачивала автономные функции в условиях усиления интеграции местных управ в общегосударственную административную вертикаль.

В условиях установления советской власти произошла принципиальная трансформация системы управления, связанная с формированием модели национально-территориальной интеграции. Деятельность Наркомнаца, местных Советов и партийных структур обеспечила институциональную перестройку системы управления регионами проживания коренных народов и их включение в общегосударственные политические и социально-экономические процессы. Существенное значение имели меры по организации хозяйственно-

го регулирования, развитию кооперации, снабжению и формированию социальной инфраструктуры.

Деятельность местных партийных и советских органов управления была направлена на реализацию национальной политики. К середине 1922 г. в Березовском и Сургутском уездах сформировалась сеть волостных партийных организаций, обеспечивавшая распространение советского влияния в северных районах. Партийные органы руководили мероприятиями по преодолению социально-экономической отсталости коренных народов Севера, контролировали хозяйственные и кооперативные структуры, а также способствовали развитию рыболовства, охотничьего промысла и оленеводства.

Формирование национально-территориальных автономий и окружных партийных структур в исследуемый период стало ключевым этапом институционализации новой модели управления. Образование национальных округов в 1930 г. закрепило переход к национально-территориальной системе устройства и завершило процесс административно-территориальной трансформации региона.

Механизм автономного управления основывался на поэтапной интеграции традиционных форм самоорганизации коренного населения в систему советской власти. На начальном этапе использовались переходные формы управления, включавшие родовые собрания, родовые Советы и районные туземные исполнительные комитеты. В дальнейшем были созданы специализированные органы национальной политики, введена временная система управления для северных народов, а завершающим этапом институционального оформления стало образование национальных округов и окружных партийных структур, обеспечивших сочетание принципов национально-территориальной организации с общесоюзной системой управления.

Таким образом, трансформация системы управления не носила характера прямого разрушения традиционных институтов, а осуществлялась через их поэтапное включение в советскую административную систему с последующей заменой национально-территориальными формами управления.

Механизм вовлечения коренного населения в систему советского политического участия предполагал постепенное расширение участия представителей ханты, манси и ненцев в деятельности сельских Советов, волостных исполнительных комитетов, партийных организаций и общественных объединений. Важную роль играли национальные конференции, использование родных языков в политической работе, подготовка местных кадров и создание комитетов, а также вовлечение представителей коренных народов в партийную деятельность. Тем самым обеспечивался переход от традиционного лидерства к институционализированным формам политического участия в рамках советской системы.

Таким образом, политическое участие коренного населения реализовывалось посредством комплекса институциональных и организационных форм,

включавших избирательные процедуры, партийно-организационные структуры и общественные объединения.

Региональная периодическая печать выступала важным инструментом презентации и информационного сопровождения государственной национальной политики на Обь-Иртышском Севере. Публикации отражали основные направления преобразований – политическую активность, развитие традиционных промыслов, организацию кооперации, расширение системы здравоохранения и образования, а также меры социально-экономической поддержки коренного населения. При этом печать фиксировала не только официальные решения и управленческие инициативы, но и практические результаты их реализации на местах, включая вовлечение коренного населения в хозяйственные и административные структуры. Тем самым региональная пресса выполняла функцию связующего звена между государственными институтами и местными сообществами, формируя информационное поле советской модернизации региона.

Таким образом, результаты исследования подтверждают последовательный характер трансформации государственной политики и демонстрируют переход от имперской модели административно-фискального управления к советской системе национально-территориальной интеграции. При этом модернизационные процессы сочетались с частичным сохранением элементов традиционного уклада, что определяло специфику адаптационных процессов коренного населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901 гг.) [Текст]: из истории обычного права и суда обдорских ненцев и хантов конца XIX - начала XX вв. / Том. инженер. - строит. ин-т, Каф. истории КПСС; [ред. П. В. Кириченко]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. – 160 с.
2. Алфавитный указатель к второму Полному собранию законов Российской империи (с 1825 по 1881 годы) / составил и издал П. М. Майков. – Москва: Тип. Имп. Московского ун-та, 1911. – [2], II, 137, [6] с.: 32 см.
3. Иванов И.А. Борьба за установление Советской власти на Обском Севере (1917–1921гг.) : материал для лекций и докл. / И. А. Иванов; Ханты-Манс. окр. музей, Ханты-Манс. окр. отд-ние о-ва по распространению полит. и науч. знаний. – Ханты-Мансийск: [б. и.], 1957 (тип.). – 28 с.
4. В обществе изучения местного края: Гибель севера: [Обсуждение в обществе вопроса об условиях возрождения и оживления Тобольского Севера, его рыбного и пушного промыслов] // Трудовой набат. – 1922. – 12 марта.

5. Ротермель И. Поездка на дальний Север: [О состоянии рыбного и пушного промыслов. Автор предлагает меры по улучшению положения на промыслах] // Тобол. Север. – 1922. – 22 июля; 27 июля.
6. Шимкович И. Восстановление северного хозяйства Урала: [Охота, оленеводство, кооперирование туземного населения] // Урал. Рабочий. – 1927. – 19 мая.
7. Изучение и восстановления оленеводства на Севере // Известия Урал. Обл. исполкома советов. – 1924. – 14 дек. (№ 50). – С. 11–12.
8. На летних кочевьях оленю обеспечить лучший уход.: [Оленеводство в Березовском районе] // Ханты-Манчи Шоп. – 1934. – 23 марта.
9. Зыков М. Проблемы оленеводства // Ханты-Манчи Шоп. – 1936. – 12 янв.
10. Партийные организации Советского Севера (1920–1959 гг.) / [Ред: В. А. Зибарев]. Ч. 1. Деятельность партийных организаций автономных округов народов Севера в период строительства, укрепления и развития социализма [В. А. Зибарев, В. М. Кореневский, Г. А. Мазуренко и др.]. / 20 см. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. – 255 с.
11. Сборник. Ленин с нами / ред. В. Клепиков. – Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1969. – 204 с.
12. Андерман. Борьба за охрану материнства и младенчества у казымских ханты // Ханты-Манчи Шоп. – 1935. – 8 мая.
13. Киселева. Детская здравница: [Санаторий для детей в Остяко-Вогульске] // Ханты-Манчи Шоп. – 1935. – 24 июля.
14. Добрынин С. На страже народного здравоохранения: [Больница Сосьвинской культбазы] // За большевистские колхозы. – 1940. – 4 янв.
15. Веселкина В.В. Возникновение национальной государственности у малых народов Обского Севера (1917–1934 гг.) [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (571) / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград: [б. и.], 1971. – 24 с.
16. Трусов Н. Рост политической активности туземного населения // За большевистские колхозы. – 1934. – 7 нояб.
17. Зыков М. Вчера, сегодня, завтра: [Успехи социалистического развития коренных народов округа] // Омская правда. – 1935. – 7 нояб.
18. Вайветкин. Растет политическая и производственная активность национального населения // За большевистские колхозы. – 1936. – 7 нояб.
19. Советский Север. 1924. № 2.
20. Борисова Е.П. Партийное руководство переходом на оседлый образ жизни малых народов Крайнего Севера: На примере Обского Севера 1937–1958 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. – Тюмень, 1981. – 225 с.
21. Сеничев И. Итоги перевыборной компании // Тобольский край. 1926. № 1. – С. 46–47.

22. Жизнь Тобольского Севера: Беседа с председателем Тобольского окрисполкома Первухиным: [О советизации Севера, состоянии оленеводства, рыболовства и пушного промысла, развитие кооперации] // Урал. Рабочий. – 1925. -1 апр.
23. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере Справочник для работников Севера / Сост. Е. Кантор, И. Суслов. – М.: Власть советов, 1934. – Обл., 212 с.
24. Полное собрание сочинений, Ленин. Т. 24. – 1969. – XXVIII. – 567 с.
25. Шуляк Е.В. Из истории представительных и исполнительных органов власти Ханты-Мансийского округа - Югры: председатели окружного исполкома народных депутатов Яков Матвеевич Рознин (1896–1934) и Михей Яковлевич Савин (1912–1982) / Е.В. Шуляк // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 27 мая 2016 г. Том 1. – Сургут: Сургутский государственный университет, 2016. – С. 265–267. – ISBN 978-5-400-01581-6.
26. Виноградов А. Очередные задачи колхозного строительства в рыбном промысле // Сов. Север. – 1930. – 4 фев.
27. Большое внимание колхозному строительству: [Коллективизация в округе] // Ханты-Манчи Шоп (Шой). - 1931. – 19 июля.
28. Карфидов П. Выполнение хозяйственно-политических планов и дальнейшие задачи колхозного строительства в округе: [Из доклада зав.окрземпромотделом на первом слете колхозников-ударников округа] // Ханты-Манчи Шоп. – 1934. – 15 окт.
29. Торжество ленинско-сталинской национальной политики: 5 лет Остяко-Вогульскому национальному округу // Ханты-Манчи Шоп. – 1935. – 10 дек.
30. Трусов. Пять лет борьбы и побед: [Прошлые и настоящее округа] // Ханты-Манчи Шоп. – 1936. – 24 июня; 28 июня.
31. Кошелев. Хозяйственное и культурное строительство в Остяко-Вогульском национальном округе за пятилетие и дальнейшие задачи: Доклад председателя окрисполкома // Ханты-Манчи Шоп. – 1937. – 2 марта.
32. Краеведческий сборник / Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей; [редакционная коллегия: Ю. С. Липчинская (ответственный редактор) и др.]. – Ханты-Мансийск: Ханты-Мансийская типография, 1958. – 137 с.
33. Алексеева Л.В. Развитие земледелия на севере Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Алексеева // Клио. – 2012. – № 4 (64). – С. 100-103.
34. Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья [Текст] : Коммунист. партия - организатор рыбного хоз-ва севера Западной Сибири / Сиб. науч.-исслед. ин-т рыбного хоз-ва. Сиб. территор. производ. упр. рыбной пром-сти. – Тюмень : Сред.-Урал. кн. изд-во, Тюмен. отд-ние, 1970. – 141 с.

REFERENCES:

1. The Book of the Obdorsk Administration for Recording Verdicts on Lawsuits, Disputes and Offenses of Indigenous Peoples (1881–1901): From the History of Customary Law and the Fate of the Obdorsk Nenets and Khanty in the Late 19th – Early 20th Centuries / Ed. P. V. Kirichenko. – Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1970. – 160 p.
2. Alphabetical Index to the Second Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1825–1881) / Comp. and publ. by P. M. Maikov. – Moscow: Printing House of Imperial Moscow University, 1911. – [2], II, 137, [6] p.
3. Ivanov I. A. The Struggle for the Establishment of Soviet Power in the Ob North (1917–1921): Materials for Lectures and Documents / I. A. Ivanov; Khanty-Mansiysk District Museum, Khanty-Mansiysk District Department of the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge. – Khanty-Mansiysk: n.p., 1957. – 28 p.
4. In the Society for the Study of the Local Region: “The Death of the North”: Review of the Conditions for the Revival and Strengthening of the Tobolsk North, Its Fishing and Fur Industry // Trudovaya Trevoga. – 1922. – March 12.
5. Rotermel. A Trip to the Far North: On the Fishing and Fur Industry. Measures to Improve Working Conditions in Fisheries // Tobolsk North. – 1922. – July 22; July 27.
6. Shimkovich. The Revival of the Northern Economy of the Urals: Hunting, Reindeer Husbandry, and Cooperation of the Indigenous Population // Ural Worker. – 1927. – May 19.
7. Extraction and Restoration of Reindeer Husbandry in the North // Izvestiya of the Ural Regional Executive Committee of Soviets. – 1924. – December 14. – No. 50. – pp. 11–12.
8. On Summer Nomad Camps, Deer Manage to Make the Best Move: Reindeer Husbandry in the Berezovsky District // Khanty-Mansiysk Shop (Khanty-Mansiysk Trade Bulletin). – 1934. – March 23.
9. Zykov M. Problems of Reindeer Husbandry // Khanty-Mansiysk Shop (Khanty-Mansiysk Trade Bulletin). – 1936. – January 12.
10. Party Organizations of the Soviet North (1920–1959) / Note: V. A. Zibarev; Part 1: Activities of Party Organizations of the Autonomous Okrugs of the Peoples of the North during the Construction, Strengthening and Development of Socialism / V. A. Zibarev, V. M. Korenevsky, G. A. Mazurenko et al. – Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1980. – 255 p.
11. Collection. Lenin is with us / ed. by V. Klepikov. – Sverdlovsk: Sredne-Ural Publishing House, 1969. – 204 p.
12. Anderman. The struggle for the protection of motherhood and infancy among the Kazym Khanty // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1935. – May 8.

13. Kiselyova. Children's health resort: [Sanatorium for children in Ostyako-Vogulsk] // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1935. – July 24.
14. Dobrynin S. On the guard of public health: [Sosvinsky Cultural Base Hospital] // For the Bolshevik Collective Farms. – 1940. – January 4.
15. Veselkina V.V. The emergence of national statehood among the small peoples of the Ob North (1917–1934): abstract of dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Leningrad: A. I. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1971. – 24 p.
16. Trusov N. The growth of political activity of the native population // For the Bolshevik Collective Farms. – 1934. – November 7.
17. Zykov M. Yesterday, today, tomorrow: [Successes of the socialist development of the indigenous peoples of the district] // Omskaya Pravda. – 1935. – November 7.
18. Vaivetkin. The political and industrial activity of the national population is growing // For the Bolshevik Collective Farms. – 1936. – November 7.
19. The Soviet North. – 1924. – No. 2.
20. Borisova E. P. Party leadership of the transition to a sedentary lifestyle of the small peoples of the Far North (on the example of the Ob North in 1937–1958): dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: 07.00.01. – Tyumen, 1981. – 225 p.
21. Senichev I. The results of the re-election campaign // The Tobolsk Region. – 1926. – No. 1. – Pp. 46–47.
22. The life of the Tobolsk North: A conversation with the chairman of the Tobolsk district executive committee Pervukhin: [On the Sovietization of the North, the state of reindeer husbandry, fishing and fur industry, the development of cooperation] // Ural Worker. – 1925. – April 1.
23. Local authorities and business organizations in the Far North: Handbook for Northern Workers / comp. E. Kantor, I. Suslov. – Moscow: Vlast' Sovetov, 1934. – 212 p.
24. Lenin V. I. Collected Works. Vol. 24. – Moscow, 1969. – 567 p.
25. Shulyak E.V. From the history of the representative and executive authorities of the Khanty-Mansiysk Okrug – Yugra: chairmen of the district executive committee of People's Deputies Yakov Matveyevich Roznin (1896–1934) and Mikhei Yakovlevich Savin (1912–1982) // The North of Russia: Strategies and Development Prospects: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Surgut, May 27, 2016. Vol. 1. – Surgut: Surgut State University, 2016. – Pp. 265–267. – ISBN 978-5-400-01581-6.
26. Vinogradov A. The next tasks of collective farm construction in the fishery // Soviet North. – 1930. – February 4.
27. Great attention is paid to collective farm construction: [Collectivization in the district] // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1931. – July 19.

28. Karfidov P. Implementation of economic and political plans and further tasks of collective farm construction in the district: [From the report of the head of the district agricultural department at the first meeting of collective farmers] // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1934. – October 15.
29. The triumph of the Leninist-Stalinist national policy: 5 years of the Ostyako-Vogul National District // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1935. – December 10.
30. Cowards. Five years of struggle and victories: [The past and present of the district] // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1936. – June 24; June 28.
31. Koshelev. Economic and cultural construction in the Ostyako-Vogul National District for the fifth year and further tasks: Report of the Chairman of the district executive committee // Khanty-Mansiysk Newspaper. – 1937. – March 2.
32. Collection of Local Lore / Khanty-Mansiysk Regional Museum of Local Lore; ed. board: Y. S. Lipchinskaya (executive editor) et al. – Khanty-Mansiysk: Khanty-Mansiysk Printing House, 1958. – 137 p.
33. Alekseeva L.V. Development of agriculture in the north of Western Siberia during the Great Patriotic War // Klio. – 2012. – No. 4 (64). – Pp. 100–103.
34. Pribylskiy Y.P. Feat of the fishermen of the Ob-Irtysh region: Communist Party as organizer of the fish industry in the north of Western Siberia / Siberian Research Institute of Fish Farming; Siberian Territorial Production Administration of the Fishing Industry. – Tyumen: Sredne-Ural Publishing House; Tyumen Publishing House, 1970. – 141 p.

Информация об авторах: Харина Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Центра образовательного инжиниринга, Югорский государственный университет (628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16),
ORCID.ID: 0000-0002-7485-5787,
SPIN-код: 7565-9463,
AuthorID: 635033
e-mail: hanase83@yandex.ru

Качин Николай Андреевич, кандидат исторических наук, доцент Центра образовательного инжиниринга, Югорский государственный университет (628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16),
ORCID.ID: 0009-0006-5737-2018,
SPIN-код: 5466-4601,
AuthorID: 733218
e-mail: kachinnikolay@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Kharina Natalia Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Center for Educational Engineering, Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov St., 16),
ORCID.ID: 0000-0002-7485-5787, SPIN-код: 7565-9463, AuthorID: 635033
E-mail: hanase83@yandex.ru,

Kachin Nikolay Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Center for Educational Engineering, Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov St., 16),
ORCID.ID: 0009-0006-5737-2018,
SPIN-код: 5466-4601, AuthorID: 733218
e-mail: kachinnikolay@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 27.05.2026

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 23.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 1- 2 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 1-2: 28.06.2026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests.

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-172-189

УДК 9.94

EDN UFWGDM

**МЕЖПОКОЛЕННЫЙ ФАКТОР
В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
(на примере Гусь-Хрустального): взгляд этнографа**

Ирина Леонидовна **Бабич**

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Babi7chi@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу гуманитарных факторов, влияющих на трудовую миграцию в 2020-е гг., в одном из малых городов Владимирской области. В работе сделан акцент на изучении межпоколенного фактора. Источники исследования: этнографические опросы (150 чел.). Автор рассмотрел причины отъезда гусевчан в другие города (Владимир, Нижний Новгород, Москва). Изучены формы трудовой миграции (постоянная работа во Владимире, сезонная работа в Москве). В статье проанализированы не экономические последствия внутренней трудовой миграции, а гуманитарный фундамент проблемы. Отдельно в приложении автор приводит описания четырех судеб гусевчан, связанных с трудовой миграцией. В провинциальных городах России отсутствует общий механизм регулирования трудовой миграции, отдельные предприниматели самостоятельно пытаются решить этот вопрос на местном уровне. При отсутствии экономической необходимости внутренней трудовой миграции она сохраняется в силу психолого-идеологических причин, при которых у людей в приоритете ценности жизни в больших городах, с разветвленной инфраструктурой и отсутствие ценности жизни в малом городе с его экологией, ритмом жизни, тишиной, необходимой для гармоничной жизни.

Ключевые слова. Трудовая миграция, малые города России, идеология, психология, провинция

Цитирование: Бабич И.Л. Межпоколенный фактор в формировании трудовой миграции (на примере Гусь-Хрустального): взгляд этнографа // Историческая и социально-образовательная мысль.

2026. Т.18 № 3, С 172-189 EDN: UFW DGM

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-172-189

*Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.*

Original article

THE INTERGENERATIONAL FACTOR IN THE FORMATION OF LABOR MIGRATION (Gus-Khrustalny as an example): An ethnographer's perspective

Irina L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Babi7chi@yandex.ru,

Abstract. The aim of this article is to study the humanitarian factors influencing labor migration in the 2020s in a small town in the Vladimir region. The study focuses on the intergenerational factor. This study based on ethnographic surveys (150 people). The author examines the reasons for Gusev residents' departure to other cities (Vladimir, Nizhny Novgorod, and Moscow). The author also studies the different forms of labor migration (permanent employment in Vladimir and seasonal work in Moscow). In a separate appendix, the author describes four Gusev residents' experiences related to labor migration. In provincial Russian cities, there is no general mechanism for regulating labor migration; individual entrepreneurs attempt to resolve this issue independently at the local level. In the absence of an economic imperative for internal labor migration, it persists due to psychological and ideological reasons, where people prioritize the value of living in large cities with their extensive infrastructure and disregard the value of living in a small town with its ecology, pace of life, and the tranquility necessary for a harmonious life.

Keywords. Labor migration, small towns in Russia, ideology, psychology, the provinces.

For citation: Babich I.L. The intergenerational factor in the formation of labor migration (Gus-Khrustalny as an example): An ethnographer's perspective. Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No 3 P.172-189 (In Russ.). EDN: UFW DGM
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-172-189

*Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology
and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.*

*«Много времени в Москве уходит в пустую»
из беседы с гусевчанином.*

Введение

Трудовая миграция представляет собой особый вид миграции, являющийся процессом перемещения рабочей силы в более развитые государства или другие города для поиска и выполнения работ или оказания услуг, с возможностью дальнейшего трудоустройства и получения достойной заработной платы [1]. 1990-е годы вызвали серьезные экономические сдвиги в жизни всей России, в том числе и в жизни малых городов Центральной России. В результате началась активная трудовая миграция жителей малых городов России в крупные города. Экономика в 1990-е годы в г. Гусь-Хрустальном оказалась в полном упадке. Граждане тоже обратили свое внимание на экономические возможности других городов, в первую очередь, Владимира, Нижнего Новгорода. Москвы.

В российской науке трудовая миграция изучается как теоретико-методологическая проблема [2], так и как конкретные ситуации, характерные для ряда регионов [3]. Многие проблемы, связанные с трудовой миграцией в нынешней России, не один год рассматриваются социологами, экономистами и т.д. [4-5]. Тем не менее, в основном, исследуется внешняя трудовая миграция, т.е. проблемы, связанные с иностранной рабочей силой, и с ее последствиями для российской экономики [6]. Нас же будут интересовать не экономические последствия внутренней трудовой миграции, а гуманитарный фундамент проблемы на примере одного провинциального города Центральной России.

В 2000-е гг. экономическая ситуация в г. Гусь-Хрустальный постепенно стала меняться: восстанавливались предприятия, появились новые. К 2020-м годам экономика Гусь-Хрустального отчасти улучшилась. Тем не менее трудовая миграция в другие города России продолжает иметь место. Цель статьи – проанализировать гуманитарные факторы, влияющие на формирование трудовой миграции в современном малом городе Владимирской области – Гусь-Хрустальном и роль в этом процессе межпоколенного фактора. До сих пор подобных исследований не было сделано.

Методика. Для этнографического изучения этих проблем в качестве базового объекта выбран город Гусь-Хрустальный Владимирской области. Были проведены этнографические опросы в течение 2020 – 2026 гг.

Основная часть

Современная экономика г. Гусь-Хрустального активно развивается: город выходит из той экономической ямы, в какую он попал в 1990-е годы. В Гусь-Хрустальном с 1990-го до 2000-го гг. была тяжелая экономическая и криминальная ситуация: заводы перестали работать, процветал наркотический бизнес, многие жители попали в тюрьмы. В середине 1990-х гг. ведущие гусевские работники кварцевого завода уехали в США, где организовали завод по технологиям гусевского предприятия (штат Техас). В город приехал руководитель Следственного комитета РФ А.С. Бастрыкин, который постепенно навел порядок: многих посадили, а другие отошли от криминального бизнеса¹. В советские годы в городе было 6 больших предприятий: Хрустальный завод, «Стекловолокно», Стекольный завод им. Дзержинского, кварцевый завод, торфяной, арматурный. Сейчас только один крупный завод – арматурный «Гусар»². Отчасти восстановились стекольные заводы: АО «Гусевский стекольный завод им. Ф.Э. Дзержинского», ООО «Красное Эхо», ООО «Экспо Гласс», ПАО «Владимирский химический завод», АО «Русатом Стекловолокно», ООО «Мегастек», ООО «Опытный стекольный завод» и ООО «ЛЕККО»³. В настоящее время многие предприятия, располагающиеся в Гусь-Хрустальном, имеют внешнюю организацию: так из 28 в городе зарегистрировано лишь 5–6. Остальные – внешние. Значительно улучшилось автомобильное сообщение. Построена дорога М12 (Москва-Казань), дорога Владимир–Гусь-Хрустальный включена в федеральную трассу Р–132 («Золотое кольцо»).

В настоящее время «карьера» и зарплаты в Москве, Владимире и Гусь-Хрустальном примерно одинаковые (60-80 тыс.). Но жители Гусь-Хрустального не стремятся работать на городских заводах, предпочитая уезжать работать в Москву⁴. Городским предприятиям не хватает квалифицированных работников, специалистов. Как нам сообщили в Центре занятости г. Гусь-Хрустального, по данным на 2024 г. зарегистрировано 350 чел. безработных, а вакансий зафиксировано – 1000, т.е. на самом деле не хватает сотрудников. Если человек потерял работу и реально хочет ее найти, то делает это быстро. По мнению директора Центра занятости, в настоящее время в городе экономическая ситуация значительно лучше, чем в 1990–2000-е гг. Если в 2000–2010-е гг. средняя зарплата была 25–30 тыс. руб. В 2020-е гг.: 50–80 тыс. руб. Работодатели Гусь-Хрустального готовы за свой счет организовать обучение жителей города и деревень для работы на своих предприятиях. Для тех, кто живет в деревнях и хочет работать в городе, будет организован транспорт — автобус, который доставит их до места работы.

¹ ПМА. Информант: И.Б., муж., 30 лет, бизнесмен, Г-Х., 21 февраля 2024 г.

² ПМА. Информант: Н.В. П., 80 лет, 13.01.2023 г.

³ <https://www.vladimir.kp.ru/online/news/5973608/>

⁴ ПМА. Информант: М. Х. 62 года, 14 августа 2024 г..

Со своей стороны, Центр занятости пытается улучшить ситуацию и проводит профориентацию молодежи. Летом 2024 г. 50 чел. школьников из г. Гусь-Хрустальный и 50 чел. из деревень Гусь-Хрустального района работали на предприятии «Гусар», изучали производство¹.

Немного истории города Гусь-Хрустальный.

Населенный пункт Гусь-Хрустальный (вначале как поселок Гусь-Мальцовский) появился в 1756 г. в глухих сосновых лесах как рабочий поселок для созданного стекольного завода предпринимателем Акимом Мальцовым. Население Гусь-Хрустального формировалось особенным образом: развитие стекольного дела способствовало притоку населения из Московской губернии, потом здесь осели репрессированные. Здесь сформировалась своя интеллигенция. Не только руководители в XIX в., но и советские и постсоветские руководители, например Ю.Д. Клегг заботились об рабочих, строили для них дома².

В советские годы поселок стал городом и в него для местных заводов по-прежнему приглашали работников (специалистов), которые приезжали из разных городов СССР. Многие, уйдя на пенсию, остались жить в этом городе³. В результате к 1980-м гг. в городе было около 80 тыс. чел. населения и достаточно много самых различных предприятий, в том числе и тех, которые имели оборонное значение.

Приведем мнения некоторых информантов:

«Приехал из Омска молодым специалистом на кварцевый завод в 1972 г. Получил жилье, понравился город, так как рядом природа красивая. Я стал пользоваться ею. Бегал по лесу, купался в озере всегда. У меня родились две дочери. Одна училась в МГУ, где познакомилась со своим будущим мужем, который был из Калининграда. Оба остались в Москве. Вторая дочь – технарь, живет в Сергиевом Посаде. Их дети – мои четверо внуков. Один работал во Франции, сейчас в США, другие – в Сергиевом Посаде. Внучки стали музыкантами, мальчики – по техническим направлениям. Один внук из Сергеева Посада полюбил природу Гуся. Я считаю себя «гусевским». Не хотел бы переезжать в большой город. Мой уровень – небольшой город. Даже Омск для меня большой город, не говоря уже о Москве»⁴.

«Я родился в Гусь-Хрустальном, но мой отец из другого региона, с Украины. Мне нравится Гусь, так как можно пользоваться лесом, заниматься спор-

¹ ПМА. Информант: О.И. Я., 40 лет, директор Центра занятости, 29 августа 2024 г.

² ПМА. Информант: С.А., 54 года, русс. жен., Г.-Х.9 декабря 2022 г.

³ ПМА. Информант: С., 35 лет, муж., Г.-Х., 28.12.2022; А., 80 лет, муж., житель Г.-Х., 24 февраля 2024 г.

⁴ ПМА. Информант: А., 80 лет, муж., житель Г.-Х., 24 февраля 2024 г.

том, у нас есть даже спортивная школа. В Москве много лесов, но люди там мало спортом занимаются. Я работаю в Гусе. Я люблю кататься на лыжах»¹.

«Я родом из Бора – города под Нижним Новгородом, там большой стекольный завод. Промышленный город. Приехал Гусь в 1964 г. С тех пор живу в Гусе. Считаю себя гусевским»².

До революции рабочий поселок был замкнутым населенным пунктом, въезд в него был ограничен шлагбаумом, приезжие купцы, торговцы не могли поселиться в этом поселке. Стекольное производство в прошлые века создавалось и развивалось при активном содействии иностранцев, которые привозили и внедряли (и продолжают внедрять) различные производства. Участие иностранцев в стекольной промышленности было и в советские годы. Некоторые заводы появились уже в советские годы. В 1920-х гг. появился стекольный завод им. Дзержинского. Завод «Стекловолокно» был создан в 1943 г. В 1980-е гг. немцы модернизировали производство завода. Потом 16 лет производством управляли американцы, в конце 1990-х гг. завод купила фирма «Сен Габен» (Saint-Gobain) (Франция). В 2010-х гг. предприятие было куплено Росатомом. Местные работники гусевских предприятий в советские годы ездили за рубеж перенимать опыт, новые европейские технологии активно внедрялись на стекольных заводах³. Такая своеобразная история создания города во многом объясняет, с одной стороны, некоторую патриархальность современного общества, а с другой, особую мобильность и «западничество» жителей Гусь-Хрустального.

В настоящее время в городе около 50 тыс.⁴ Статистика по рождению и смерти в городе, которая приводится каждую неделю на интернет-ресурсе «гусинфо», тяжелая: в среднем 5–7 чел. рождаются и 20–30 чел. умирает в течение недели. В 2020-е гг. появился небольшой приток населения из других малых городов (например, Рязань, хирург-травмотолог; вахтенные работники на арматурный завод «Гусар» из других городов России). Также численность города пополняется за счет деревенских жителей, которые охотно перебираются из деревень Гусь-Хрустального района, сохраняя свои дома в качестве дач.

Возрастной критерий в повседневной жизни города

В советские годы в Гусь-Хрустальном был широко развит спорт: было много различных спортивных секций, соревнований. В 1986 г. директор одного из заводов построил в городе спортзал, в котором 12 тренеров вели секции⁵. В 1990–2010-е гг. в Гусь-Хрустальном проводилась молодежная политика, связанная прежде всего со спортом. Спортивная составляющая города не оказалась

¹ ПМА. Информант: С., 35 лет, муж., Г.-Х., 28.12.2022.

² ПМА. Информант: Н.В. П., 80 лет, 13.01.2023 г.

³ ПМА. Информант: Е., жен., 1958 г. рожд., пенсионер, преподаватель, Г.-Х., 26.11.2022

⁴ ПМА. Информант: Н.В. П., 80 лет, 13.01.2023 г.

⁵ ПМА. Информант: С.А., 54 года, русс. жен., Г.-Х.9 декабря 2022 г.

оборванной: спортивные традиции были продолжены новым поколением. В 1990 г. работник городской компьютерной фирмы «Мучачос» Иван Филатов создал спортивный клуб «Барина роща». В году проводится примерно 14 соревнований высокого уровня. От 35 до 50 лет – основной возраст спортсменов. Клуб «Новый век» летом организуют соревнования пляжного волейбола: там много подростков и молодежи (15–20 лет), а зимой организуются специальные соревнования по лыжам для малышей 4–7 лет. В городе работает детская секция спортивного ориентирования. Есть детская спортивная школа. Город располагает к использованию велосипеда, все подростки и молодежь имеют велосипеды, которыми они активно пользуются с апреля по ноябрь. Таким образом, практически все возрасты «задействованы» в спортивной жизни города.

В Гусь-Хрустальном отчасти сохраняются «советские формы» жизни, например, уличные игры детей и подростков. Дети самостоятельно играют во дворах. Есть детская школа искусств им. Балакариева, в которой учатся в разных студиях (музыкальных, театральных, журналистских) 500 детей. В городе есть только одно учебное заведение – стекольный колледж.

Многим жителям среднего и старшего возраста нравится возможность жить неторопливо, ходить на работу пешком или добираться на велосипеде, в городе все учреждения в шаговой доступности, и главное – рядом сосновый массив с ягодами, грибами¹.

Городских праздников, культурных мероприятий, ресторанов, ночной клубной жизни в городе немного. В последние годы активизировались новогодние праздники для детей. Праздник Масленица в 2025 г., проводимый в усадьбе «Мещерская» показал огромную потребность подрастающего поколения в таких мероприятиях. Дети, школьники и молодежь мало «задействованы» в культурной жизни города. Тем не менее культурную составляющую можно «добирать» с помощью других городов. Ключевым вопросом для жителей стал поиск гармонии между проживанием в малом городе и умением пользоваться большими городами – Владимиром, Нижним Новгородом, Москвой. До больших городов на машине можно добраться за 1–2 часа. Поэтому их можно посещать, не оставаясь на ночлег, который может стоить недешево.

Причины отъезда горожан в другие города

Мотивация отъезда. До сих пор в городе в целом и, особенно, в местных школах распространена идеология 1990-х годов: «надо уезжать». Подчеркнем, что ни в СМИ, ни в школах нет пропаганды идеологии гармоничного проживания в городе. В гусевском гуманитарном пространстве нет описания «истории успехов»: о людях, которые живут в Гусь-Хрустальном, авторитетны для молодежи, и успешны. Не наблюдается в общественном мнении стремления «переломить» культурологическую линию, направленную на Москву и другие боль-

¹ ПМА. Информант: Е., жен., 60 лет, работник «Трайтека», Г-Х., 21 февраля 2024 г.

шие города. В этом провинциальном городе до сих пор существует психолого-идеолого-культурологический барьер, который мешает жить в родном городе комфортно, душевно и благополучно¹.

Вот что говорят молодые информанты:

«Я гусевчанка, мои предки из дер. Семеновка, то за Вешками. Учусь в медицинском институте в Иваново, хочу быть патологоанатомом. Хочу уехать из Г-Х. В школе преподаватели нас все время подталкивали к отъезду из Гуся – полкласса уехали учиться в Москву, частично – Иваново, Владимир, Рязань. У меня есть друзья со школы»².

С одной стороны, часто именно старшее поколение уговаривает своих детей попытаться сделать карьеру в большом городе, а с другой, многие представители старшего поколения сами с удовольствием живут в Гусь-Хрустальном, а их дети или внуки покидают город. До сих пор наблюдается возрастная эмиграция: уезжают 20–30-летние. Те, кто сделал успешную карьеру в другом городе (имеет работу, купил квартиру, дети учатся), не возвращаются. Те, кто не смог обустроиться, возвращаются в Гусь-Хрустальный. Их считают неудачниками.

Обратимся к информантам:

«мой сын остался в Гусе, так как он неудачник. Он решил, что он не потянет Москву. Лучше в Гусе, проще. У него двое детей. У него нет стремления к лучшей жизни. Хотя он себя не считает неудачником. У него нет гармонии, если бы ему нравилось в Гусе жить, он бы любил природу и т.д. Но нет, он возможностями Гуся не пользуется»³.

«мой сын поехал работать в Москву, работал на стройке, занимался подготовкой строительных материалов. Часто приезжал в Гусь. В Москве познакомился с девушкой-украинкой (с Полтавы), которая с мамой и младшей сестрой жила в съемной квартире. Когда девушка забеременела, они переехали в Гусь, он устроился на работу в Гусе, жена работает, двое детей. Мама жены вместе с новым мужем и младшей дочкой тоже сюда переехали и здесь живут. Мать работает, а ее муж – нет. Все они живут в Гусе уже 7 лет»⁴.

«Я закончил биофак Горьковского (ныне - Нижегородского) университета. Родом я с Гуся, меня распределяли в другие места, но я вернулся в Гусь. Мне нравился и нравится Гусь, жить в нем нравится. Моя дочь в 1989 г. уехала учиться в Москву в химико-технологический университет на экономический факультет. Не живет в Гусе, знает два языка, пыталась жить в Германии, теперь обосновалась в Москве⁵. Мы редко видим ее и ее семью».

¹ ПМА. Информант: О.И. Я, жен., 40 лет, Г-Х, 29 августа 2024 г.

² ПМА. Информант: П., жен., 20 лет, 2 июля 2024 г.

³ ПМА. Информант: Н.П., жен., 66 лет, научный сотрудник Музея хрусталя Г-Х., 9 февраля 2023 г.

⁴ ПМА. Информант: супруги Е., 60 лет, А., 66 лет, 21 февраля 2023.

⁵ ПМА. Информант: В., муж., 60 лет, бывший зам. директора национального парка «Мещера», Г.-Х., 11 февраля 2023 г.

«У меня две дочки. Одна уже отучилась и живет во Владимире. Вначале поехала в Москву и устроилась на работу за 30 тыс. Она думала, что будут другие деньги, в результате переехала во Владимир. И пытается создать семью. Вторая девочка учится во Владимире на художника¹. У моей коллеги сын поехал учиться в Нижний Новгород, там ему купили комнату, и видимо он там останется».

«Моя дочь уехала учиться в С-Петербург, выучила польский язык»².

«У меня два сына живут и работают в Москве и в Гусь-Хрустальный приезжают ко мне как на дачу, любят Гусь и любят бывать здесь»³.

Тем не менее были люди, которые в течение 1990-2000-х гг. разбогатели и они стремились и стремятся до сих пор, чтобы их дети не уезжали из города. Например, дети известного предпринимателя Д. Орлова живут в Гусь-Хрустальном: старшая дочка работала зав. кинотеатром «Алмаз». Вторая дочка учится в Москве в Строгановке и отец ожидает, что она вернется в город, и будет работать художником в театре, который он построил в своей усадьбе. В театре почти каждую неделю проводятся концерты, спектакли для жителей⁴.

Родственники известного писателя Скулова тоже остались в Гусь-Хрустальном: сын окончил стекольный техникум, но по специальности не работал, а стал директором государственно-частной фирмы по организации доступной среды в городе и области. Женился на местной девушке и с удовольствием живет Гусь-Хрустальном. Его сын учится в 8-м классе, ему нравится в городе. Сын и внук много ездят, были на Кубе, на Карибах. Дочка (род. 1990 г.) – повар, работала в городском ресторане «Мальцов», в настоящее время работает поваром в ресторане в Сочи (больше зарплата). Ее дочка 12 лет живет в Гусь-Хрустальном вместе с дедом писателем⁵.

Многие уезжают делать карьеру в Москву, а потом приезжают воспитывать детей в Гусь-Хрустальный (на свежий воздух, природу, лес, озеро и т.д., на деревенское молоко и местные продукты)⁶. Часто гусевчане возвращаются в пенсионном возрасте, оставляя квартиры детям в Москве. Даже из Америки гусевчане, уехавшие в Хьюстон вместе с переездом кварцевого завода в 1990-е гг., в старости возвращаются на родину. В Гусь-Хрустальном на пенсии жить лучше, чем в Москве⁷.

¹ ПМА. Информант: О.В. Д., 19 сентября 2024 г.

² ПМА. Информант: М. Х. 62 года, 14 августа 2024 г.

³ ПМА. Информант: Г.Ш., муж., 60 лет, турагентство «Форпост», 6 сентября 2024 г.

⁴ ПМА. Информант: Д.О., муж., 53 года, Г-Х., владелец «усадьбы Мещерское», 17 июня 2024 г.

⁵ ПМА. Информатор: Н.И. С., муж., 70 лет, основатель краеведческого музея, Г.-Х., 18 января 2024 г.

⁶ ПМА. Информант: супруги Е., 60 лет, А., 66 лет, 21 февраля 2023.

⁷ ПМА. Информант: Н.П., жен., 1960 г., научный сотрудник Музея хрусталя Г-Х., 9 февраля 2023 г.

Вот что говорят информанты:

«летом я живу в дер. Полищи, недалеко от Тасинского (и соответственно Гусь-Хрустального), там я дом построил. И там же живет круглый год моя родная сестра. Она окончила биологический факультет МГУ. Вышла замуж за моряка-москвича. Работала в ботаническом саду РАН в Москве. Теперь супруги на пенсии и вернулись жить в Полищи»¹.

Потеря работы в 1990-е годы. В это время, когда стали закрываться предприятия города, многие гусевчане потеряли работу. Приведем рассказ одного информанта:

«Я живу в Гусе-Хрустальном, мой сын до армии в начале 1990-х гг. работал стеклодувом, ему нравилась эта профессия. Но потом он ушел в армию, а когда вернулся, стекольного завода, на котором работало 5 тыс. чел., не стало. Завод встал (в настоящее время он частично восстановлен, сейчас на нем работает примерно 1 тыс. чел.). И он был вынужден менять профессию, ему нравилась его работа, и если бы завод работал, он бы туда после армии вернулся. Вместе с женой он уехал в Москву работать, стал поваром. Зарабатывает много. Купили квартиру, дачу под Курском. Ему нравится Гусь и он бы здесь купил дом под дачу, но его жена из Курска, и супруги решили там купить. В семье есть сын, ему сейчас 19 лет»².

Нежелание работать на заводах города. Многие жители в Гусь-Хрустальном не хотят идти на местные заводы, где работа является достаточно тяжелой и трудной, опасной для здоровья³. В Гусь-Хрустальном за такую работу горожане будут получать от 50 тыс. руб. (данные на 2025 г.), тогда как в Москве, работая охранниками, они получают те же деньги, но сама работа гораздо легче⁴.

Отсутствие инфраструктуры, характерной для большого города. Приведем мнение местного священника:

«Я понимаю, что молодые хотят уехать, в городе мало работы, трудно ее найти. Образование детей в школах слабое. Для сдачи ЕГЭ не годится. Старые кадры везде, в школах, в больницах, молодые не остаются. Вырождается город. Из негативных черт: город плохо убирается. Автобусы частные и плохо ходят. В Гусе мало инфраструктуры для детей, для медицины. Врачей молодых нет. Есть одна школа искусств, одна спортивная школа, но нет альтернативы: если что-то в этих школах не заладилось, то ребенку некуда ходить для развития»⁵.

¹ ПМА. Информатор: Н.И. С., муж., 70 лет, основатель краеведческого музея, Г.-Х., 18 января 2024 г.

² ПМА. Информант: С., 60 лет, жен., 10 августа 2025 г.

³ ПМА. Информант: М. Х. 62 года, 14 августа 2024 г..

⁴ ПМА. Информант: В., муж., 60 лет, 11 февраля 2023 г.

⁵ ПМА. Информант: А., муж., 37 лет, священник, проживает в Гусе с 2007 г., 5 июня 2024 г.

Мнение другого информанта:

«Сын Е.Е., которому около 30 лет, у него семья, жена из Петербурга и сыну Л. два годика, решил вместе с женой переехать жить в Петербург. Купили по ипотеке там квартиру. Двухкомнатную. В Гусе у него свой дом, рядом с мамой, в хорошем месте. Я расстроена, во-первых, я не поеду с ними туда жить, мне в Гусе нравится, у меня свой дом. Во-вторых, внук Л, еще маленький. В Петербурге тяжелый климат, а здесь бы он пожил хотя бы до пяти лет, чтобы укрепить здоровье. В-третьих, здесь я им много помогаю, часто бываю с внуком, а кто им там будет помогать. Мотивация отъезда – скучно жене жить в маленьком городе. В Петербурге интереснее. Тем не менее работает он по-прежнему в Гусе «на удаленке»¹.

Отъезд для реализации творческих способностей. Есть, безусловно, ситуации, когда талантливой молодежи следует покидать родной город для реализации своих способностей. Приведем историю молодого человека В., которому сейчас 25 лет. Он работает актером в севастопольском театре. Его мама работала в школе искусств им. Балакирева. Мальчик с детства посещал эту школу, студию «Созвездие». Пытался поступить в театральный институт в Москве (в пять вузов), не получилось, в результате поступил в Ярославский театральный институт. Потом 5 чел. (из тех, кто окончил этот вуз), пригласили в севастопольский театр. В. играет там главные роли. Благодаря сходству с известным актером Игорем Петренко был приглашен в фильм «Небо», где играл Петренко, а он играл – героя Петренко в молодости. В. считает себя гусевским, но в Севастополе хорошо себя чувствует и стал, по его выражению, почти севастопольцем. Приезжает на Родину к маме, которая не хочет покидать город. Когда бывает в Гусь-Хрустальном, то с удовольствием выступает в своей родной школе искусств перед детьми².

Большие зарплаты в Москве. Иногда в Москве гусевчанам удастся устроиться на работу с высокими зарплатами. Приведем историю одного информанта (50 лет) – любителя леса, лыж:

«Я две недели работаю вахтой в Шереметьево (развожу керосин для аэропортов), живу там. А потом возвращаюсь в свой Гусь-Хрустальный. Мне очень нравится здесь жить. Воздух, лес, возможность заниматься спортом. Катаюсь на лыжах, пешком летом гуляю и т.д. Я очень ценю свой лес. Мои знакомые москвичи приехали ко мне в гости, почувствовали воздух и лес, купили дачу в Александровке (недалеко здесь), и московскую квартиру стали сдавать»³.

¹ ПМА. Информант: Е.Е., 65 лет, жен., Г.-Х.

² ПМА. Информант: В., муж., 25 лет, Г.-Х., ныне живет в Севастополе, работает в театре, 22 октября 2023 г.

³ ПМА. Информант: В., 50 лет, муж., житель Г-Х., 22 февраля 2023 г.

Формы трудовой миграции

Работа во Владимире. Многие жители города работают во Владимире, а живут в Гусь-Хрустальном (например, на предприятии «Стародворские колбасы»). Руководитель этого предприятия даже рассматривает проект создания филиала в Гусь-Хрустальном. Работу можно найти и в Гусь-Хрустальном, и во Владимире, но на хорошие деньги и на должность «специалиста» трудно¹.

Работа в Москве. Гусевчане работают в Москве медсестрами, охранниками, в МЧС².

Информант: «Мой муж, 66 лет, имеет среднее образование, работал в Гусе фрезеровщиком по алмазу. Уволился в 1987 г., т.к. тяжелая работа. Стал работать на кварцевом заводе, где и я работала (в оптике на контроле). Я окончила радиотехнический факультет института во Владимире. Кварцевый завод в советские годы работал на оборонку (делали иллюминаторы для «Бурана»). У нас в городе до 1970-х годов было московское снабжение, а потом стало владимирское. В 1990-е годы все заводы загнулись. Когда началось возрождение, в России построили новые кварцевые заводы в других местах, и уже не было смысла возрождать наш завод. В настоящее время он работает охранником в Москве и в Подмосковье»³.

Сезонники на длительный срок – молодежь. Мы уже отмечали, что гусевчане часто ездят в другие города работать на определенный срок⁴.

Судьбы местных жителей.

Приведем рассказы о судьбах местных жителей.

Первый информант:

«Я окончил в советские годы биолого-химический факультет МГПИ им. Ленина. Накануне Олимпиады. В Москве женился на однокурснице с Кубани. Поехали работать на Валдай по распределению. Там у нас родился сын. У него начался бронхит, из-за мальчика вернулись в Гусь-Хрустальный, где у него все прошло. Валдайский климат не годился мальчику. В Гусь-Хрустальном я начал работать инспектором РАЙОНО. В середине 1980-х гг. стала меняться ситуация в школах. Я перешел на работу в плодпитомник (сел. Михали), который занимал 108 гектаров. Его создал известный в городе человек – Ковалев (руководитель текстильной фабрики). На деньги фабрики он посадил яблони и облепиху. Хозяйство развивалось и стало частью генетической лаборатории в г. Мичурин-

¹ ПМА. Информант: Н.П., научный сотрудник Музея хрусталя Г.-Х., 9 февраля 2023 г.

² ПМА. Информант: О., жен., 30 лет, работает в школе искусств, Г.-Х., 5 сентября 2023 г.

³ ПМА. Информант: супруги Е., 60 лет, А., 66 лет, 21 февраля 2023.

⁴ ПМА. Информатор: Н.И. С., муж., 70 лет, основатель краеведческого музея, Г.-Х., 18 января 2024 г.

ске и ВАСХНИЛ. Я работал там генетиком. В хозяйстве выводились новые гибридные растения (алтайская облепиха, дикорастущая облепиха из других регионов (например, из района Сочи). На питомнике делали свою продукцию: масло, сок, настойки. Предприятие было очень успешным. Питомник работал до 1995 г., когда стал разваливаться ВАСХНИЛ. Я учился в заочной аспирантуре и успел защитить кандидатскую диссертацию в МГУ. Затем уехал в сел. Перово (находится на границе Владимирской и Рязанской обл.) работать учителем биологии. В школе я организовал музей Мещеры, с детьми совершали походы по Мещере. На байдарках ходили, по озерам и рекам Мещеры. Мы с учениками собирали материал по войне, по другим периодам истории. Я стал работать директором школы и преподавать историю, географию, биологию. К нам приезжали иностранцы, которые изучали болота. Я стал работать у них в качестве проводника. Вместе с ними стал получаю гранты (1992–1996 гг.). В 1992 г. я был у истоков создания «Национального парка Мещера». Помогал им»¹.

Второй информант:

«я окончила стекольный техникум и работала в филиале Института стекла, который располагался в Гусь-Хрустальном (головной Институт в Москве). Я разрабатывала метод производства стекла из боя². Ездила по всему Советскому Союзу, внедряла этот метод на стекольных заводах. В стране было 220 стекольных заводов. Ушла с работы в 58 лет. Сейчас мне 91 год, живу в Гусь-Хрустальном с удовольствием»³.

Третий информант:

«я родом из Гусь-Хрустального, учился в Москве, вернулся в Гусь, хотя были идеи остаться в Москве Причины: во-первых, у нас в городе был семейный бизнес, отец начинал (прим. И.Б. – отец работал на космическом предприятии, потом за границей, вернулся с капиталом и вложил его в свое дело). Во-вторых, возможность участия в общественной жизни. Я с 30 лет выбираюсь в органы власти: в начале был депутатом ГорСовета, потом – Законодательного собрания Владимирской области. Это держит и погружает в реальность города. И возможность влиять на жизнь города. Это определенная жизненная мотивация. Я понимаю, что уровень жизни в Москве и в некоторых других городах в целом выше, но в жизни малого города есть свои плюсы, которые начинаешь ценить с годами. Чем дальше, тем больше я понимаю, что врастаю в него. И живу не по необхо-

¹ ПМА. Информатор: Н.И. С., муж., 70 лет, основатель краеведческого музея, Г.-Х., 18 января 2024 г.

² Производство стекла из боя (стеклокули) — это процесс переработки, включающий сортировку, очистку от примесей, измельчение и последующее плавление в печи. Использование стеклобоя снижает температуру варки, уменьшает потребление соды и газа, а также ускоряет процесс производства новой стеклотары или строительных материалов.

³ ПМА. Информант: Г., 91 год, жен., Г-Х., 15 июня 2024 г.

димости. Желания не возникает переезжать. Хотя из-за того, что город не благоустроен, как мне бы хотелось, например, нет культурного фона, как мне бы хотелось, из-за этого посещают мысли сменить место проживания мне и детям, семье, потому что если есть такая возможность и упускать ее и не давать детям, семье (индивидуальное развитие, круг общения). В целом уровень жизни, качество жизни – это тяжело воспринимать. Тем не менее, смотря как мерить. Сейчас я начинаю ценить, что у нас все близко, не надо тратить время на дорогу, хорошая экология, удобства с точки зрения доступности леса. Я занимаюсь бегом, я – марафонец, участвую в соревнованиях за пределами города, но тренируюсь в нашем лесу. Озеро, лес, причем и зимой и летом. Зимой – коньковые лыжи. В Москве если Вы решили покататься на лыжах, надо ехать и тратить целый день. А я это делаю перед работой. Если в Москве пожил, то тяжело возвращаться, если привык к уровню сервиса. Москва – это огромный мегаполис. Многим городам, даже европейским, даст фору по уровню жизни, качеству услуг, удобству в какой-то степени со своими недостатками. После этого возвращаться в Гусь-Хрустальный бывает тяжело, потому что неустроенность, отсутствие культурных событий, но у большинства жителей города в этой известной пирамиде Маслоу пока актуален нижний уровень – прокормить себя, семью, обеспечить и более высокие потребности их пока не касаются. Но я это вижу по статистике и сам, постепенно потребность в самореализации возрастает. Я как предприниматель понимаю, что Гусь-Хрустальный конкурирует с другими городами за людей, которые могут работать на предприятиях. Останутся ли они здесь? Переедут люди из другого города к нам? И победит тот, у кого есть конкурентные преимущества. У Гусь-Хрустального они есть. Мы их с Вами только что назвали: это экология, удобное расположение природы для занятия спортом и другие преимущества: у нас нет проблем с местами в детских садах. Эти конкурентные преимущества правильно усиливать, чтобы люди приезжали, и здесь оставались. Таким образом, понятно, что никогда в Гусе не будет Большого театра и такого количества памятников, но дома в Москве, многоэтажки, а у нас таких домов не будет, здесь нужно развивать коттеджное строительство. Типовое, на разный уровень доходов. Конечно, нужен научный сценарий для создания новой коттеджной среды. И туда направлять средства для улучшения среды. Но, к сожалению, наше руководство города занимаются «латанием дыр». Во власти «идет пробуксовка». Все это надо заложить в концепцию, стратегию развития города. Формально такой документ существует, но в реальности ее нет. Лет 6-7 назад была предпринята попытка создать стратегию города, приезжали специалисты. Но эта стратегия не заработала. Ее на первом этапе, этапе мозгового штурма завершили и не стали продолжать. Там была идея коттеджного строительства, малоэтажность. Надо приподнять голову над горизонтом, а сейчас у местной власти она закопана очень низко, потому что они решают проблемы, которые накопились. А они действительно накопились. Уровень дохода на одного человека 60 тыс.

позволит достичь баланса между проживанием в Гусе и использованием инфраструктурой большого города. Я знаю конкретных людей, которые путешествуют. Они имеют более широкий кругозор, гибче. И они ценнее, как сотрудники. У меня на предприятии 700 чел. Путешествует меньше половины, хотя тенденция на увеличение доходов наблюдается и соответственно больше людей смогут ездить по миру и по стране. Доходы растут в Гусе. У нас на предприятии средняя зарплата более 80 тыс. руб. Меня очень задевала, когда выпускника стекольного колледжа приглашают на работу на наше предприятие с начальной зарплатой в 40 тыс., он отказывается. Предпочитает работать охранником в Москве за те же 40 тыс. Легкая работа, а у нас тяжелая. Но он молодой, не пенсионер, он может активно работать. Через год работы охранником он дисквалифицируется»¹.

Четвертый информант:

«Я – местный, «гусевской», с детства жил на Химике (район Гусь-Хрустального – прим. И.Б.), потом поехал в Киржач в военное училище, которое окончил и планировал в Москве поступить в ФСБ, но меня не взяли, так как мой отец попал в тюрьму. В Гусе с 1990-го до 2000-го гг. была тяжелая криминальная ситуация, многие попали в тюрьмы. Один предприниматель (Орлов, владелец усадьбы «Мещерская» - прим. И.Б.) пригласил Бастрыкина, который разрулил ситуацию: многих посадили, а другие отошли от криминального бизнеса. Мой отец 6 лет просидел в тюрьме. Я один у родителей, но они мне не мешали идти своим путем. В 19 лет я уехал в Москву, начал работать там, вначале в охране, поступил в МИИТ, отучился 1,5 года и ушел. Понял, что в охране нет развития. Снял комнату в Марьино. Хотел устроиться в МВидео, но меня не взяли. Потом устроился в банк «Русский стандарт» по кредитной специальности. Занимался оформлением кредитов. 10 лет проработал в финансовой сфере. Потом перешел в Сбербанк. Там 4 года проработал. Занимался клиентским бизнесом. Учился у сотрудников. Они мне все рассказывали. В 2014 г. в Сбербанке я зарабатывал 150 тыс. при курсе доллара – 28. В 2017 г. перешел в Агентство недвижимости, 1,5 года там проработал, а потом стал работать на себя – до августа 2019 г. Потом понял, что устал, решил вернуться в Гусь-Хрустальный к родителям, чтобы отдохнуть. Два месяца отдыхал, ходил в лес гулять каждое утро. И изумлялся тишине, которая есть в лесу. Потом продолжил работать в Москве удаленно, это была временная работа. Когда она закончилась, я понял, что не хочу больше жить в Москве: здесь, в Гусе или во Владимире, все учреждения в шаговой доступности. Когда я был подростком, у нас все мальчишки нашего района – «Химик» делились на две группы – «школьники» и «индейцы». Последние стали пьяницами, а «школьники» – все мои друзья, все состоялись, вышли в люди и главное, до сих пор мы общаемся и помогаем друг другу. А в

¹ ПМА. Информант: М.Ю. Максюков, 1980-2025 гг., предприниматель, 29 августа 2024 г.

Москве у меня этого не было. Окружение, которое я имею в Гусе, невозможно получить в Москве даже через несколько лет. У меня там бывали трудности, и мне никто не помогал. Я устроился на работу во Владимире, вернулся в финансовую сферу, в фирму «Алвекс» (производство полипропилена), менеджером по продажам. Проработал там два года. Каждый день ездил на автобусе из Гуся (2019–2020 гг.) Потом я устроился в другую кампанию во Владимире – «Carcade» (лизинг транспорта). На самом деле во Владимире и Гусе мало людей, которые хотят зарабатывать 200 тыс. руб. и при этом много работать. Хотя способности есть, но много лени. В Гусе я никого не нашел, все мое окружение – уже состоялись и работают на себя. Во Владимире легко отличиться. Я хожу на работу в костюме. 1 июня 2023 г. я перешел в «Ресо-лизинг», в мае того же года сдал на права и купил машину. Я в Москве получил очень важный опыт, но жить там я не хочу. Видимо во Владимире около леса построю дом, там река Клязьма, сосновый лес. Я могу поехать в Москву, по разным делам, И другим советую поехать в Москву поработать, а потом вернуться домой. Потом, имея московский опыт, легко устроиться на работу в другом провинциальном городе. Меня не волнует, что в Гусе мало кафе и ресторанов и нет мощной культурной инфраструктуры. Я этим не пользуюсь, я работаю. Мне это не нужно. В Москве деньги есть, а потратить не с кем. Одиночество в большом городе. **Много времени в Москве уходит в пустую.** В Москву не хочу возвращаться, а раньше я хотел в Москве осесть. Во Владимире возможно осесть. Мне повезло с окружением в Гусь-Хрустальном, все мои друзья – ребята были активные и хорошие и все «состоялись». У меня есть чувство патриотизма и есть осознание, что я русский, и гусевской¹.

Заключение

Как нам представляется, с экономической точки зрения, безусловно, в провинциальных городах России отсутствует общий механизм регулирования трудовой миграции, отдельные предприниматели самостоятельно пытаются решить этот вопрос на местном уровне. Тем не менее в этой проблеме мы выявили и гуманитарный фундамент: даже при отсутствии экономической необходимости внутренней трудовой миграции она сохраняется в силу психолого-идеологических причин, при которых у людей в приоритете ценность проживания в больших городах, с разветвленной инфраструктурой и отсутствие ценности жизни в малом городе с его экологией, ритмом жизни, тишиной, необходимой для гармоничной жизни. Таким образом, в настоящее время социокультурные риски внутренней трудовой миграции выходят на первое место для россиян из малых провинциальных городов России.

¹ ПМА. Информант: И.Б., муж., 30 лет, бизнесмен, Г-Х., 21 февраля 2024 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Невмержицкая М.Н. Понятие трудовой миграции, виды, причины, принципы правового регулирования трудовой миграции в Российской Федерации // Вопросы гуманитарных наук. 2020. № 2. С 67-68.
2. Мурыгина Л.С., Рахмангулов А.Н. Трудовая миграция в России // Актуальные и перспективные научные исследования. Пенза, 2024, с. 63-55.
3. Мукомель В.И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2. С. 233-240.
4. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Савинков И.В. Основные проблемы современной миграционной политики России // Народонаселение. 2016. № 4. С. 5-11.
5. Кащенко А.С. Трудовая миграция как способ решения демографической проблемы России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т.2. № 8. С. 341-344.
6. Соболев Э.Н. Трудовая миграция в России: тенденции, риски, механизмы регулирования // Экономическая безопасность. 2024. № 7. С. 1689-1704.

REFERENCES

1. Nevmerzhitskaya M.N. Ponyatiye trudovoy migratsii, vidy, prichiny, printsipy pravovogo regulirovaniya trudovoy migratsii v Rossiyskoy Federatsii [The concept of labor migration, types, reasons, principles of legal regulation of labor migration in the Russian Federation]. Voprosy gumanitarnykh nauk. 2020. no. 2. pp. 67-68. (in Russ.).
2. Murygina L.S., Rakhmangulov A.N. Trudovaya migratsiya v Rossii [Labor Migration in Russia]. Aktual'nyye i perspektivnyye nauchnyye issledovaniya. Penza, 2024, pp. 63-55.
3. Mukomel V.I. Trudovaya migratsiya v Rossii: adaptatsiya k transformatsiyam rynka truda [Labor Migration in Russia: Adaptation to Labor Market Transformations]. zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2024. No. 2. pp. 233-240.
4. Vorobyova O.D., Rybakovsky L.L., Savinkov I.V. Osnovnyye problemy sovremennoy migratsionnoy politiki Rossii [The Main Problems of Russia's Modern Migration Policy]. Narodonaseleniye. 2016. No. 4. pp. 5-11.
5. Kashchenko A.S. Trudovaya migratsiya kak sposob resheniya demograficheskoy problemy Rossii [Labor Migration as a Way to Solve Russia's Demographic Problem]. Sotsial'naya integratsiya i razvitiye etnokul'tur v yevraziyskom prostranstve. 2019. Vol. 2. No. 8. P. 341-344.

6. Sobolev E.N. Trudovaya migratsiya v Rossii: tendentsii, riski, mekhanizmy regulirovaniya [Labor migration in Russia: trends, risks, regulation mechanisms]. Ekono-micheskaya bezopasnost'. 2024. no. 7. pp. 1689-1704.

Информация об авторе: Ирина Леонидовна Бабич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Ленинский проспект 32 а, 119334, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>
Babi7chi@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Irina L. Babich, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Leninsky pr. 32 A, 119334, Moscow, Russian Federation
Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>
Babi7chi@yandex.ru
The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.04.2026

Статья принята после рецензирования и доработки / The article was accepted after peer review and revision: 09.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-190-203

УДК 378.016

EDN UMYJWC

Оксана Алексеевна Гололобова

Югорский государственный университет;
Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы
г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0001-7387-3908
gololobova1983@mail.ru

Наталья Владимировна Филимонова

Югорский государственный университет»
г. Ханты-Мансийск, Россия
ORCID: 0000-0001-5273-5744
nota1606@mail.ru

**ГИБРИДНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН КУРСА ДЕЛОВОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ:
ОПЫТ ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Аннотация: Введение. Цифровая трансформация высшего образования актуализирует поиск эффективных способов интеграции онлайн-ресурсов в традиционное обучение, особенно в сфере иноязычного образования. В статье представлен опыт внедрения цифрового онлайн-модуля в традиционную систему обучения деловому английскому языку студентов неязыковых специальностей, владеющих иностранным языком на уровне A1. Анализируется влияние частичной замены аудиторных часов асинхронным цифровым контентом на академическую успеваемость, динамику языковой компетенции и уровень удовлетворенности обучающихся. Целью исследования является выявление эффектов, возникающих при внедрении цифрового модуля в традиционный образовательный процесс, а также определение педагогических условий, обеспечивающих положительную динамику результатов.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе Югорского государственного университета в 2025/2026 учебном году в рамках пилотного проекта, в котором приняли участие 649 обучающихся, в дальнейшем разделенных на контрольную и экспериментальные группы. Основу методологии составляли входное и итоговое тестирование по деловому английскому языку, статистический анализ успеваемости, анкетирование и сравнительный анализ показателей исследуемых групп. **Результаты исследования.** Установлено, что внедрение цифрового модуля при сохранении очных практических занятий позволяет сократить разрыв в успеваемости между традиционной и экспериментальной группами с 12% до 4,1%, повысить долю отличных и хороших оценок в экспериментальной группе с 56% до 68% при сохранении высокого уровня удовлетворенности форматом обучения (4,8 из 5). **Обсуждение и заключение.** Научная новизна исследования заключается в эмпирической верификации модели частичной замены аудиторных часов асинхронными цифровыми материалами и в описании измеримых педагогических условий успешной интеграции цифрового модуля в традиционный курс английского языка. В качестве ключевых эффектов интеграции выделены: рост учебной автономии студентов, снижение языкового барьера и перераспределение нагрузки преподавателя в пользу коммуникативных и творческих видов деятельности. В заключение представлены практические рекомендации по внедрению цифрового модуля в структуру традиционного курса делового английского языка.

Ключевые слова: гибридный педагогический дизайн, цифровой модуль, деловой английский язык, традиционное преподавание, асинхронный онлайн-курс, учебная автономия, смешанное обучение.

Цитирование: Гололобова О.А., Филимонова Н.В. Гибридный педагогический дизайн курса делового английского языка для начинающих: опыт Югорского государственного университета // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Т.18 № 3. С. 190-203 EDN: UMYJWC
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-3-190-203

Original article

Oksana A. Gololobova
Yugra State University;
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0001-7387-3908
gololobova1983@mail.ru

Natalya V. Filimonova

Yugra State University, PhD in Philology

Khanty-Mansiysk, Russia

ORCID: 0000-0001-5273-5744

nota1606@mail.ru

HYBRID PEDAGOGICAL DESIGN OF A BUSINESS ENGLISH COURSE FOR BEGINNERS: THE EXPERIENCE OF YUGRA STATE UNIVERSITY

Abstract: Introduction. The digital transformation of higher education has necessitated the search for effective ways to integrate online resources into traditional learning, particularly in the field of foreign language education. This article presents the experience of implementing a digital online module into a traditional Business English course for students majoring in non-linguistic fields with a foreign language proficiency level of A1. The impact of partially replacing classroom hours with asynchronous digital content on academic performance, language proficiency dynamics, and student satisfaction is analyzed. The aim of the study is to identify the effects of integrating a digital module into the traditional educational process and to determine the pedagogical conditions that ensure positive results. **Materials and Methods.** The study was conducted at Yugra State University in the 2025/2026 academic year as part of a pilot project involving 649 students, subsequently divided into control and experimental groups. The methodology was based on entrance and final testing in Business English, statistical analysis of academic performance, questionnaires, and a comparative analysis of the study groups' indicators. **Research Results:** It was found that the implementation of a digital module, while maintaining in-person practical classes, reduced the achievement gap between the traditional and experimental groups from 12% to 4.1%, increased the proportion of excellent and good grades in the experimental group from 56% to 68%, and maintained a high level of satisfaction with the learning format (4.8 out of 5). **Discussion and Conclusions:** The scientific novelty of the study lies in the empirical verification of a model for partially replacing classroom hours with asynchronous digital materials and in the description of measurable pedagogical conditions for the successful integration of a digital module into a traditional English course. The key effects of the integration include increased student learning autonomy, a reduction in language barriers, and a redistribution of the teacher's workload in favor of communicative and creative activities. Practical recommendations for implementing a digital module into a traditional Business English course are presented.

Keywords: hybrid instructional design, digital module, business English, traditional teaching, asynchronous online course, learning autonomy, blended learning.

For citation: Gololobova O. A., Filimonova N.V. Hybrid pedagogical design of a business English course for beginners: the experience of Yugra state university. Historical and Socio-Educational Idea. 2026. Vol. 18. № 3 P 190-203 EDN: UMYJWC DOI: 117748/2219-6048-2026-18-3-190-203

Введение. Цифровая трансформация высшего образования привела к формированию новой дидактической реальности, в которой классическая аудиторная система перестала быть единственным способом передачи знаний. Особую остроту эта задача приобретает в иноязычном образовании, где формирование языковой компетенции неразрывно связано с реальной коммуникацией.

Актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью решения задач цифровой трансформации высшего образования, сформулированных в стратегических документах Российской Федерации, а также потребностью в ресурсосберегающих моделях обучения иностранным языкам, позволяющих сохранить качество образования в условиях сокращения аудиторной нагрузки преподавателей и массового набора студентов неязыковых специальностей.

Преподавание делового английского языка студентам неязыковых специальностей в Югорском государственном университете долгое время строилось исключительно на традиционной аудиторной модели: лекции, практические занятия в группах, контрольные работы, зачеты.

Однако в последние годы при традиционном подходе стали очевидны системные ограничения при работе с контингентом, имеющим исходный уровень A1, а также в условиях оптимизации аудиторной нагрузки преподавателей. Как показали данные входного тестирования 2025/2026 учебного года, более 40% первокурсников неязыковых специальностей демонстрируют не столько низкий уровень владения языком, сколько выученную беспомощность и страх говорения.

Традиционная классно-урочная система актуализирует негативный прошлый опыт: публичное исправление ошибок, жесткая фиксация на грамматической правильности, ориентация на «среднего» студента в группе. При этом ресурс аудиторных часов ограничен, а необходимость индивидуализации обучения в группе из 20–25 человек практически нереализуема.

Таким образом, возникает естественный вопрос: можно ли, сохранив все лучшее, что дает традиционное очное обучение (эмоциональный контакт, спонтанную речь, мгновенную обратную связь), добавить в него инструмент, минимизирующий рутинную нагрузку преподавателя и предоставляющий студентам возможность тренироваться в индивидуальном темпе? Ответом стало введение цифрового модуля в традиционный вузовский курс английского языка.

Научная новизна исследования заключается в эмпирической верификации модели частичной замены аудиторных часов асинхронными цифровыми материалами и в описании измеримых педагогических условий успешной интеграции цифрового модуля в традиционный курс английского языка для студентов начального уровня (A1).

Под «цифровым модулем» мы понимаем не замену очного обучения, а его дополнение: внедрение асинхронного онлайн-курса (LMS, дополненная чат-ботами), который ставит перед собой задачи на тренировку лексики, грамматики, чтения и аудирования, а также текущую диагностику.

Гибридный педагогический дизайн в нашем понимании – это не изначально спроектированная смешанная модель, а результат преобразования традиционного курса путем внедрения в него цифрового модуля при сохранении модели очного взаимодействия.

Цель настоящей статьи – описать опыт введения цифрового модуля в традиционное преподавание делового английского языка студентам уровня A1 и проанализировать эффекты этого нововведения.

Задачи:

1. Охарактеризовать традиционную модель обучения до внедрения цифрового модуля.
2. Описать структуру и содержание внедренного цифрового модуля.
3. Представить сравнительные результаты успеваемости и удовлетворенности до и после интеграции.
4. Выделить положительные и отрицательные эффекты цифровой интеграции.
5. Сформулировать рекомендации для вузов, планирующих аналогичное внедрение.

Обзор литературы. Анализ теоретических источников позволяет выделить несколько ключевых подходов к пониманию традиционного и смешанного обучения в иноязычном образовании.

По словам И.А. Зимней, традиционное обучение, как контактное обучение, основано на принципе сознательности и в системе высшего образования находится вне контекста, то есть в процессе обучения не происходит целенаправленного моделирования будущей профессиональной деятельности [1].

Как подчеркивает В.С. Вишнякова, формат традиционного обучения – это деятельность, где педагог является единственным иницирующим деятелем учебного процесса, а знания передаются обучающимся в готовом виде и усваиваются по воспроизводящей модели [2].

В.А. Ситаров называет ряд существенных недостатков традиционного обучения, среди которых особенно заметными выступают усредненные величины темпа изучения материала и объема усваиваемых знаний. При этом автор обращает внимание на слабое стимулирование познавательной активности при

традиционном подходе к обучению, преобладание словесных методов преподнесения информации, при которых происходит рассеивание внимания и, как результат, ухудшение образовательных результатов [3].

При этом традиционная аудиторная модель при обучении иностранным языкам имеет неоспоримые достоинства. Живое общение всех участников учебной деятельности формирует навык спонтанности речи. Непосредственная обратная связь позволяет преподавателю использовать не только вербальные средства исправления ошибок, но и невербальные способы коррекции, например жест «стоп» для остановки потока речи, поднятую бровь с паузой для сигнализирования самокоррекции, замедление темпа и повышение тона на месте ошибки, сопровождающееся соответствующей жестикуляцией, приближение к студенту как мягкий сигнал внимания. Перечисленные приемы могут успешно применяться при обучении иностранным языкам на начальном этапе, когда у обучающихся еще не сформированы механизмы самоконтроля [4].

Традиционная модель преподавания делового английского языка, сложившаяся в рамках классической аудиторной системы, при работе со студентами неязыковых специальностей, имеющими исходный уровень A1, обнаруживает ряд системных ограничений.

Прежде всего, это невозможность полноценной индивидуализации обучения. В академической группе, насчитывающей 20–25 человек, реальный уровень владения языком может варьироваться от A0 до A2. Тем не менее вся группа вынуждена работать в едином темпе, который ориентирован на «среднего» студента.

В результате более слабые обучающиеся постоянно испытывают чувство отставания, а более сильные – скуку и отсутствие вызова. Тесно связанной с этим проблемой является дефицит тренировочного времени. Формирование грамматических и лексических навыков у начинающих требует многократного повторения и отработки. Однако на аудиторном занятии преподаватель физически не может уделить каждому студенту достаточное количество индивидуальных тренировочных упражнений. Большая часть времени уходит на фронтальную работу или объяснение материала, тогда как автоматизация навыков остается «за кадром».

Особую остроту приобретает психологический барьер, характерный для взрослых обучающихся с негативным прошлым опытом изучения иностранного языка. Публичное говорение в группе, неизбежное в традиционном формате, актуализирует страх ошибки, насмешки, чувство стыда. Жесткая фиксация ошибок преподавателем, ориентация на нормативность грамматики усиливают тревожность и блокируют речевую активность. Студент предпочитает молчать, чем рискнуть сказать неправильно.

Следующая проблема – ограниченность и несвоевременность обратной связи. Проверка письменных работ (эссе, деловых писем, переводов) занимает

у преподавателя значительное время, поэтому обратная связь поступает к студенту с отсрочкой в несколько дней, когда актуальность ошибки уже частично утрачена.

Устные ошибки в условиях групповой работы исправляются выборочно: преподаватель не может прокомментировать каждое высказывание студента. Кроме того, публичное исправление ошибок часто воспринимается студентами как негативная оценка, а не как обучающий инструмент.

Наконец, традиционная модель формирует у студентов низкую учебную автономию. Привыкнув к тому, что преподаватель определяет темп, содержание и форму контроля, обучающиеся не развивают навыки самостоятельного планирования времени, самодиагностики и самоорганизации [5]. Вне аудитории они оказываются дезориентированными: домашние задания выполняются формально, самостоятельная работа сводится к минимуму или отсутствует вовсе. Эта проблема особенно остро проявляется на первом курсе, когда обучающиеся еще не обладают сформированными навыками саморегуляции [6].

Совокупность перечисленных проблем делает традиционную модель обучения деловому английскому языку недостаточно эффективной для студентов уровня A1, порождая запрос на поиск новых дидактических решений, способных сохранить достоинства очного обучения (живое общение, непосредственный контакт) и одновременно преодолеть его системные ограничения.

В контексте цифровой трансформации образования пересматриваются сами основания традиционной дидактики. Как отмечает Е.С. Полат, дистанционное обучение – это не перенос традиционных методов в онлайн-формат, а новая дидактическая модель [7]. Очные занятия при этом имеют выраженную коммуникативную направленность и включают в себя игропрактики, ролевые игры, проектную деятельность [8].

Несмотря на обилие теоретических и прикладных работ в области смешанного обучения, ряд вопросов остается нерешенным. В частности, является актуальным вопрос о целесообразности и эффектах частичной замены аудиторных часов цифровым контентом при работе с представителями неязыковых специальностей начального уровня владения английским языком. Также открытым к обсуждению является аспект установления минимально достаточного объема очных встреч, которые могут обеспечить сохранение академических результатов.

Материалы и методы. До начала пилотного проекта (2024/2025 учебный год и ранее) дисциплина «Деловой иностранный язык» в Югорском государственном университете для студентов неязыковых специальностей с уровнем A1 реализовывалась полностью в очном формате. Общая трудоемкость курса составляла 144 часа, в него включалась аудиторная нагрузка в объеме 72 часа; самостоятельная работа (72 часа) осуществлялась без цифровой поддержки и

включала преимущественно чтение учебников и выполнение письменных заданий. Способами контроля при такой механике обучения являлись тесты, устные опросы, собеседование по заранее определенным темам.

В 2025/2026 году было принято решение модифицировать традиционный курс путем введения цифрового модуля, не отменяя очного компонента полностью, но перераспределяя дидактическую нагрузку [9]. Очные занятия при таком подходе сохранились, но в меньшем объеме. При этом произошли изменения в выборе формата очных занятий: классическое очное занятие было заменено на игропрактику – методически организованную, ситуативно-ролевую форму деятельности, имеющую своей целью имитацию фрагментов реальной деловой коммуникации.

До запуска пилотного проекта был разработан онлайн-курс «Деловой английский: первые шаги» [10] и размещен на платформе LMS Югорского государственного университета. Структура курса включает 9 тематических блоков на развитие деловой коммуникации [11], [12]. Каждый блок содержит видеолекции, лексические и грамматические задания, задания на отработку навыков чтения, аудирования и делового письма. Аудио и видеоматериалы подготовлены с привлечением носителей языка из числа иностранных студентов вуза. Курс дополнен чат-ботами YsuEnglishBot (грамматический тренажер) и ботом-расписанием.

В комплексе пилотный проект включает трехкомпонентную архитектуру: цифровая среда (асинхронное освоение грамматики и лексики, текущий контроль, тренировочные упражнения), очный компонент (тематические игропрактики), тьюторское сопровождение (закрепленный преподаватель для онлайн-консультаций и отслеживания активности). Принципиальное отличие предложенной модели: цифровой компонент не дублирует аудиторную работу, а выполняет функцию тренажера и диагностики, освобождая очные встречи для эмоционально окрашенной коммуникации.

В пилотном проекте приняли участие 649 студентов 1-го курса (бакалавриат и специалитет). Дизайн исследования предполагал работу с контрольной и экспериментальной группой. Данный дизайн был избран в силу естественных условий образовательного процесса, исключающих возможность случайной рандомизации. На основе входного тестирования и мотивационной анкеты были сформированы две сопоставимые группы: контрольная группа (традиционная): 324 студента, которые продолжили традиционное очное обучение (72 аудиторных часа + 72 часа самостоятельной работы) и экспериментальная группа (с цифровым модулем): 325 студентов, у которых очные занятия – игропрактики (36 аудиторных часов) сочетались с цифровым модулем (108 часов).

Длительность эксперимента составила один учебный год. Для измерения академической успеваемости использовались входное и итоговое тестирования. Измеряемыми показателями стали итоговая успеваемость студентов (баллы, %

сдавших зачет), доля оценок «хорошо» и «отлично», удовлетворенность форматом (анкетирование, 5-балльная шкала), а также качественные данные из открытых комментариев. Содержательная валидность теста подтверждена экспертной группой из трех преподавателей кафедры иностранных языков. Для измерения удовлетворенности форматом обучения использовалась авторская анкета, включающая 8 вопросов, сгруппированных в 4 блока: удобство использования цифрового модуля, эффективность обучения, субъективная нагрузка, готовность рекомендовать формат другим. Ответы фиксировались по 5-балльной шкале от 1 – «полностью не согласен» до 5 – «полностью согласен», анкета заполнялась анонимно по завершении семестра.

Результаты исследования и обсуждение. В ходе пилотного проекта были получены следующие результаты. На старте (первые два месяца) экспериментальная группа отставала от контрольной по успеваемости на 12% (86% против 98%). Это ожидаемый эффект: студенты постепенно адаптировались к цифровому модулю, не все сразу освоили самоорганизацию. После внесения корректирующих мер к концу семестра разрыв сократился до 4,1% (94,2% против 98,3%).

Наиболее показательная динамика – рост доли отличных и хороших оценок в экспериментальной группе с 56% до 68% (на 12 процентных пунктов) в течение семестра. Несмотря на сокращение очных часов в два раза, удовлетворенность форматом в экспериментальной группе осталась практически на том же уровне (4,8 против 4,9 в контрольной).

Полученные данные опровергают гипотезу о существовании прямой отрицательной корреляции между сокращением объема аудиторных часов и академической успеваемостью студентов. Студенты оценили положительно возможность учиться в удобном темпе, мгновенную обратную связь с объяснениями от чат-бота, освобождение очных занятий от рутины, снижение тревожности.

До внедрения цифрового модуля преподаватели тратили до 60% времени на проверку тренировочных заданий (лексико-грамматические упражнения, тесты). После внедрения проверка стала автоматизированной, а высвободившееся время было направлено на индивидуальные микро-консультации (10 часов в семестр), разработку новых игропрактик, анализ цифровых следов (выявление «потеряшек» – студентов, не приступивших к обучению, зон риска).

В первые два месяца эксперимента во второй группе было выявлено 13% студентов, которые не приступали к заданиям в цифровом модуле. После внедрения системы раннего оповещения (автоматические триггеры в LMS: при отсутствии активности в течение 7 дней направляется уведомление тьютору) доля «потеряшек» снизилась до 5%.

Наряду с положительными эффектами были зафиксированы и негативные последствия внедрения цифрового модуля. Не все студенты оказались готовы к

автономии. Установлено, что отдельные обучающиеся (около 5–7% от экспериментальной выборки) продемонстрировали недостаточный уровень сформированности регулятивных учебных действий, а именно – неспособность к самоорганизации учебной деятельности в условиях асинхронной цифровой среды. Для данной категории студентов применение гибридного формата оказалось неэффективным, в связи с чем они были переведены в традиционную группу.

В ходе реализации пилотного проекта были выявлены институциональные и кадровые барьеры, ограничивающие эффективность внедрения гибридного педагогического дизайна курса. В некоторых случаях было зафиксировано цифровое неравенство. У нескольких студентов отсутствовал стабильный доступ к сети Интернет, а также наблюдался дефицит персональных цифровых устройств. Предоставленный вузом доступ снизил выраженность проблемы, но не устранил ее полностью. Другая проблема была связана с неготовностью части педагогического персонала вуза к трансформации формата аудиторной работы: отдельные преподаватели испытывали сложности в переориентации очных занятий на коммуникативную практику. Преодоление данного барьера стало возможным путем организации дополнительного методического сопровождения педагогов в формате обучающих семинаров.

Заключение. Таким образом, опыт Югорского государственного университета показывает, что введение цифрового модуля в традиционное преподавание английского языка студентам уровня A1 дает положительные результаты при соблюдении ряда условий.

Гибридный педагогический дизайн, возникающий как результат интеграции цифрового модуля в традиционный курс, позволяет сохранить качество обучения при значительном сокращении аудиторных часов, а также улучшить субъективное благополучие студентов, снизив их тревожность, и перераспределить нагрузку преподавателя в сторону более творческих и коммуникативных задач [13].

В рамках анализа реализации пилотного проекта были выявлены следующие преимущества модели: **для студентов** – гибкость и персонализация, снижение тревожности благодаря отсутствию публичной фиксации ошибок, развитие автономии и навыков планирования; **для преподавателей** – перераспределение нагрузки с освобождением от рутинной проверки, возможность сосредоточиться на креативных форматах работы; **для образовательной системы** – ресурсосбережение за счет снижения аудиторной нагрузки, масштабируемость модели на большие потоки, потенциал для создания массовых открытых онлайн-курсов (MOOK) [14].

Ключевое преимущество предложенной модели перед сугубо традиционным обучением заключается не в абсолютных показателях итоговой успеваемо-

сти, а в ее ресурсной эффективности, то есть способности достигать приемлемых образовательных результатов в условиях массового набора (свыше 300 обучающихся на потоке), низкого стартового уровня владения языком (A1) и дефицита аудиторных часов (сокращение на 50%).

Более того, гибридный педагогический дизайн доказывает свою состоятельность как инструмент дидактической инклюзии в иноязычном образовании: он позволяет вовлечь в продуктивную учебную деятельность студентов, которые при традиционной модели были бы обречены на отставание, а при онлайн-модели – на выпадение из образовательного процесса вследствие низкой учебной автономии и отсутствия внешнего контроля [15]. С учетом выявленных в ходе пилотного проекта зон доработки (цифровое неравенство, неготовность обучающихся к автономной работе, сопротивление части педагогического состава) модель может быть рекомендована к масштабированию в аналогичных образовательных контекстах при условии внедрения описанных выше компенсаторных механизмов.

На основе полученного опыта были сформулированы рекомендации для вузов, планирующих аналогичную интеграцию:

1. Вводить цифровой модуль необходимо постепенно, с пробным периодом. Например, первые две недели все работают с цифровым контентом и посещают очные занятия, затем принимают осознанное решение о закреплении формата. Ожидаемый эффект: уменьшение количества «потеряшек».

2. Необходимо сохранить очный компонент, но переориентировать его. Очные часы не должны дублировать цифровой контент. Их задача – исключительно коммуникативная практика (игропрактики, ролевые игры). Ожидаемый эффект: моделирование реальных деловых коммуникативных ситуаций, формирование навыков иноязычного взаимодействия по разным тематикам.

3. Рутинная обратная связь должна быть максимально автоматизирована. Для проверки грамматики, лексики, чтения можно использовать инструменты автоматической проверки. Преподаватель проверяет только устную спонтанную речь и сложные письменные работы. Ожидаемый эффект: экономия времени преподавателя на 50–60%.

4. Цифровой контент должен быть спроектирован с учетом уровня студентов (в нашем случае уровень A1). Лучшими практиками могут стать короткие модули (7–10 минут), частая смена деятельности (каждые 2–3 минуты), визуализация, дублирование аудиоинструкций. Ожидаемый эффект: доля полностью освоивших контент значительно вырастет.

5. Закрепить одного конкретного преподавателя-тьютора за цифровым модулем (норма: не более 120 студентов на одного тьютора). Студенты должны знать, к кому обращаться с вопросами по цифровой среде. Ожидаемый эффект: снижение запросов на возврат к традиционному формату.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 2000. – 384 с.
2. Традиционное обучение [Электронный ресурс]. – URL: <http://didacts.ru/dictionary/1057/word/tradicionoe-obuchenie>
3. Ситаров В.А. Теория и обучение. Теория и практика. – М.: Юрайт, 2014. – 447 с.
4. Дмитриева Е.И. Основы деловой коммуникации на английском языке. – М.: Флинта, 2020. – 215 с.
5. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения. – М.: Просвещение, 2021. – 223 с.
6. Азимов Э.Г. Современные информационные технологии в преподавании иностранных языков. – М.: ИКАР, 2020. – 228 с.
7. Полат Е.С. Теория и практика дистанционного обучения. – М.: Академия, 2018. – 275 с.
8. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. – М.: Академия, 2019. – 336 с.
9. Бовтенко М.А. Цифровая лингводидактика. – М.: Флинта, 2019. – 220 с.
10. Hughes J. Business Result: Beginner. – Oxford University Press, 2021. – 215 p.
11. Федотова Н.Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку. – СПб.: Златоуст, 2023. – 168 с.
12. Cotton D. Market Leader: Elementary Business English. – Pearson Education, 2020. – 321 p.
13. Ивлиева О.В. Гибридные образовательные технологии в вузовской практике: опыт и перспективы / О.В. Ивлиева, Б.С.А. Касумова // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № S2. – С. 131-136.
14. Brown H.D. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. – Pearson Education, 2020. – 569 p.
15. Chapelle C.A. Computer Applications in Second Language Acquisition. – Cambridge University Press, 2021. – 215 p.

REFERENCES

1. Zimnyaya I.A. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical Psychology]. Moscow: Logos, 2000, 384 p. (In Russ.)
2. Traditsionnoye obucheniye [Traditional Learning]. (In Russ.) Available at: <http://didacts.ru/dictionary/1057/word/tradicionoe-obuchenie> (accessed: 30.05.2026)

3. Sitarov V.A. Teoriya i obucheniye. Teoriya i praktika [Theory and Instruction. Theory and Practice]. Moscow: Yurayt, 2014, 447 p. (In Russ.)
4. Dmitriyeva E.I. Osnovy delovoy kommunikatsii na angliyskom yazyke [Fundamentals of Business Communication in English]. Moscow: Flinta, 2020, 215 p. (In Russ.)
5. Passov E.I. Kommunikativnyy metod obucheniya [Communicative Teaching Method]. Moscow: Prosveshcheniye, 2021, 223 p. (In Russ.)
6. Azimov E.G. Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii v prepodavanii inostrannykh yazykov [Modern Information Technologies in Foreign Language Teaching]. Moscow: IKAR, 2020, 228 p. (In Russ.)
7. Polat E.S. Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya [Theory and Practice of Distance Learning]. Moscow: Akademiya, 2018, 275 p. (In Russ.)
8. Galskova N.D. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam [Theory of Teaching Foreign Languages]. Moscow: Akademiya, 2019, 336 p. (In Russ.)
9. Bovtenko M.A. Tsifrovaya lingvodidaktika [Digital Linguodidactics]. Moscow: Flinta, 2019, 220 p. (In Russ.)
10. Hughes J. Business Result: Beginner. Oxford University Press, 2021, 215 p. (In English)
11. Fedotova N.L. Professional'no-orientirovannoye obucheniye inostrannomu yazyku [Professionally-Oriented Foreign Language Teaching]. Saint Petersburg: Zlatoust, 2023, 168 p. (In Russ.)
12. Cotton D. Market Leader: Elementary Business English. Pearson Education, 2020, 321 p. (In English)
13. Ivliyeva O.V., Kasumova B.S.A. Gibridnyye obrazovatel'nyye tekhnologii v vuzovskoy praktike: opyt i perspektivy [Hybrid Educational Technologies in University Practice: Experience and Prospects]. Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research. 2025, No. S2, pp. 131-136. (In Russ.)
14. Brown H.D. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. Pearson Education, 2020, 569 p. (In English)
15. Chapelle C.A. Computer Applications in Second Language Acquisition. Cambridge University Press, 2021, 215 p. (In English)

Информация об авторах: Гололобова Оксана Алексеевна, директор Центра международного сотрудничества «ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», магистрант направления 45.04.01 Филология (Цифровые инновации в филологии), Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы г. Москва, Россия

ORCID: 0009-0001-7387-3908

gololobova1983@mail.ru

Филимонова Наталья Владимировна, руководитель Высшей школы гуманитарных наук «ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», кандидат филологических наук,

г. Ханты-Мансийск, Россия

РИНЦ: SPIN-код: 7475-4066, AuthorID: 461490

ORCID: 0000-0001-5273-5744

nota1606@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Oksana A. Gololobova, Director of the Center for International Cooperation at Yugra State University, Master's student in Philology (45.04.01) (Digital Innovations in Philology), Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,

Moscow, Russia

gololobova1983@mail.ru

Natalya V. Filimonova, Head of the Graduate School of Humanities at Yugra State University, PhD in Philology,

Khanty-Mansiysk, Russia

РИНЦ: SPIN-код: 7475-4066, AuthorID: 461490

ORCID: 0000-0001-5273-5744

nota1606@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.05.2026

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.06.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 3 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 3: 28.06.2026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests.

ИНФОРМАЦИЯ **для авторов журнала** **«Историческая и социально-образовательная мысль»**

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах, и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное пособие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID id**, (если нет ORCID id, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction (Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods (Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis (Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results (Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках..)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);
- Материалы и методы (**Materials and Methods**);

- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованные аппаратура и инвентарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т.д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение.** В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al."

Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например, [1, с. 25] (vancouver- стиль).

Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en] ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.*

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ).
DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Историческая и социально-образовательная мысль
2026 Том 18 № 3 (май - июнь)

Дата выхода в свет 28.06. 2026 г.
212 стр.